

Вольфганг
Акунов

ДЕРЖАВА
ТЕВТОНСКОГО
ОРДЕНА

Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма

Вольфганг Акунов

Держава Тевтонского ордена

«Алетейя»

2019

УДК 929.71
ББК 63.3(0)4

Акунов В. В.

Держава Тевтонского ордена / В. В. Акунов — «Алетейя»,
2019 — (Документы и материалы древней и новой истории
Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма)

ISBN 978-5-907189-00-3

Немецкому ордену Святой Девы Марии, более известному у нас под названием Тевтонского, в отечественной (да и не только) историографии, беллетристике и кинематографии, прямо скажем, не повезло. Почти всем с детства запомнилось выражение «псы-рыцари», хотя в русских летописях этих «псов» именовали куда уважительней – «Божьи дворяне» или «Божьи слуги». При слове «тевтонский» в сознании у многих сразу возникает негативный ассоциативный ряд: Ледовое побоище – железная свинья – колыбель агрессивного прусского юнкерского государства – предтеча германского фашизма... Что же на самом деле кроется под названием «рыцари-тевтоны»? Каковы их идеалы, за которые они были готовы без колебаний жертвовать жизнью?

УДК 929.71
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-907189-00-3

© Акунов В. В., 2019
© Алетейя, 2019

Содержание

1. Зачин	6
2. «Уж не черт ли этот враг?», или Представлял ли Тевтонский орден реальную угрозу для Руси и Православия?	8
3. Был ли Тевтонский орден «форпостом германской экспансии»?	12
4. Акконская странноприимница	14
5. Об Уставе Тевтонского ордена	19
6. Царство, разделившееся в себе, может ли устоять?	21
7. Тевтонские рыцари и Крестовый поход Фридриха Гогенштауфена (1228—1229)	24
8. О воинстве Христовом ордены.	29 31
10. Что произошло на Чудском озере	33
11. О высшем руководстве Тевтонского ордена	43
12. Избрание Верховного магистра «мариан»	45
13. О должностном гербе Верховного магистра	46
14. Все ли тевтонские рыцари были дворянского происхождения?	47
15. О происхождении слова «тевтоны»	48
16. Знамена и хоругви	50
17. «Белые плащи»	52
18. Комтуры	56
19. «Братья-священники»	57
20. «Услуживающие братья»	59
21. «Полубратья» и «фамилиары»	60
22. О дальнейшей эволюции орденских «сословий»	61
23. Об орденской иерархии «тевтонов»	62
24. Новые Маккавеи	65
25. Терра Мариана	67
26. Князь Довмонт и «мариане»	75
27. О некоторых особенностях войн «мариан» с литовцами	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Вольфганг Акунов

Держава Тевтонского ордена

Моей семье посвящается

*Там, куда заходит солнце,
У балтийских берегов,
Были крепости ливонцев —
Наших западных врагов.
За подъемными мостами
В замках прятались они,
Латы с черными крестами
Надевали в дни войны...*

Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»

Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма

Под редакцией действительного члена Академии военных наук, профессора
Александра Шаравина

В этом замке был один брат, который, будучи обманутым кознями дьявола, воистину полагал, что в ордене дома Тевтонского он не может обрести спасения души, затаив в сердце своем желание вступить в более строгий орден. После этого он увидел во сне святого Бернарда, Доминика, Франциска, Августина, шедших во главе своих братьев, и он, обращаясь к ним, слезно просил, чтобы они приняли его в братство, а они один за другим отказывали. Самой же последней шла Пресвятая Дева Мария со многими братьями дома Тевтонского; он начал смиренно умолять ее, прося, чтобы она позволила ему, по крайней мере, остаться в товариществе братьев своих. Сказала ему Пресвятая Дева: «Это невозможно, ибо тебе кажется, что орден твой настолько нестрог, что нет в нем ничего, что ты согласно желанию твоему мог бы претерпеть». И, снимая плащи с каждого из братьев, она показала раны, которые были нанесены язычниками и от которых они погибли ради защиты веры; и сказала: «Разве не кажется тебе, что эти братья твои претерпели нечто во имя Иисуса Христа?» И с этими словами видение исчезло. И этот брат, проснувшись и придя в себя, пошел в собор, где собрались братья; и то, что раньше легкомысленно открыл им о намерении своем, теперь, как мудрый и искусный, смиренно отвергая как ошибочное, всем поведал о видении, явившемся ему. Этот брат, следуя по пути служения Богу, вскоре после того был убит язычниками.

Петр из Дусбурга.

«Хроника земли Прусской»

1. Зачин

Не лепо ли бяшетъ, братия, начата старыми словесы трудный повести... а впрочем, лучше

Мы слогом сегодняшним песню начнем,
На происшедшее глянув —
Певцу не к лицу избитый прием,
Ветхий обычай Боянов!

Немецкому ордену (Deutscher Orden), более известному у нас под его другим названием — Тевтонского (а также под совершенно фантастическим названием «Ливонского ордена», никогда в истории не существовавшего), в отечественной историографии, а пуще того — беллетристике и кинематографии, не говоря уже о творениях славной когорты советских журналистов-международников, прямо скажем, не повезло. Что там «латы с черными крестами»! В учебном пособии по российской истории под редакцией известного советского профессора, разоблачителя русского и международного масонства, историка и публициста Николая Николаевича Яковлева (получившего как-то при всем честном народе пощечину от всемирно известного — ныне покойного — отца советской водородной бомбы, диссидента академика Андрея Дмитриевича Сахарова за то, что непотребно отозвался о супруге последнего в другом своем опусе — «ЦРУ против СССР»), рыцари Тевтонского ордена наступают по льду Чудского озера аж под... черным знаменем с белым черепом и костями! Вот, оказывается, насколько запал многим «бывшим советским» в душу известный эпизод из незабвенного фильма «братьев» Васильевых «Чапаев»! Как же — как же, «фашистский стиль», архетип врага, и все такое прочее...

С детства почти всем запало в душу выражение «псы-рыцари», которым заклеил «тевтонов» борец за свободу мирового пролетариата товарищ Карл Маркс. Хотя в русских летописях и житиях благоверных князей — например, в «Житии Александра Невского» этих «псов» именовали с куда большим уважением — «Божии дворяне», «слуги Божии», «Божии риторы», то есть «Божии рыцари».

При слове «тевтонский» сразу невольно напрашивается ассоциативный ряд — «псы-рыцари», «Ледовое побоище», «железная свинья», «проклятые крыжаки», «колыбель агрессивного прусско-юнкерского государства» и, конечно же, — «предтечи германского фашизма» (последний аспект «ассоциативного ряда» наиболее ярко проявился в «Автобиографии» знаменитого советского поэта-«шестидесятника» Евгения Александровича Евтушенко, на страницах которой он изливался в своей ненависти к немецким рыцарям-«тевтонам», несшим на своих щитах «крест — зародыш гитлеровской свастики»). Этот набор штампов при желании можно было бы продолжать до бесконечности. Некоторые горе-публицисты договариваются даже до того, что «немецкие рыцари ордена Девы Марии», якобы «ходившие на Православные земли под черно-белым знаменем тамплиеров» (?! — В.А.), в свою очередь, якобы «стоявших у истоков Тевтонского ордена» (?! — В.А.), встретили «в степях» (Забайкалья?! — В.А.) и «направили на Русь воевавшего в Средней Азии Чингисхана» (?! — В.А.), чей «черно-белый штандарт удивительно походил на тамплиерский» (?! — В.А.).

Для справки — у Чингисхана было «девятибунчужное» белое знамя (с изображением серого кречета, держащего в когтях черного ворона), украшенное, по мнению одних исследователей, девятью черными хвостами яков, а по мнению других — например, Юрия Николаевича Рериха, сына знаменитого художника-теософа — девятью белыми лошадиными хвостами. Если верить Морису Давидовичу Симашко, знамя монголов было кроваво-красным («цвета теплой крови»), если же верить Чингизу Торекуловичу Айтматову — черным, с ярко-красной

каймой и вышитым яркими шелками и золотой нитью огненным драконом, извергающим из пасти пламя.

О тамплиерском знамени «Босеан» известно, что оно представляло собой черно-белое двух- или многополосное полотнище (или же полотнище в черно-белую клетку, наподобие шахматной доски – на этом основании один из наших главных «православных конспирологов» – Юрий Юрьевич Воробьевский! – не замедлил объявить «преемниками тамплиеров»...хорватских националистов-«ушастей» доктора Анте Павелича, невзирая на то, что их «шахматное» знамя и «шахматный» герб были не черно-белыми, как у храмовников, а бело-красными). А знаменем Тевтонского ордена служили полотнище с Образом Пресвятой Богородицы с Богомладенцем Христом на руках, либо же белая хоругвь с черным крестом (первоначально же – простое белое полотнище безо всяких изображений – в знак чистоты веры и помыслов собравшихся под ним рыцарей-монахов). Вот и судите сами, дорогие читатели, о существовавшем между ними «удивительном сходстве»...

2. «Уж не черт ли этот враг?», или Представлял ли Тевтонский орден реальную угрозу для Руси и Православия?

Под пером «энтузиастов» и «популяризаторов» отечественной истории бои сугубо местного значения под Псковом и Изборском, стычки – пусть кровопролитные, но буквально переполняющие историю средневековой Европы эпохи феодальной раздробленности, эпохи войны «всех против всех», превращаются в оборону всей обескровленной татаро-монголами Руси от натиска римско-католической (то есть универсалистской, космополитической и направленной на объединение всего христианского мира под верховной властью римских пап) и в то же время (вот необъяснимое противоречие!) немецко-феодальной (то есть сугубо национальной и – с учетом смертельной вражды между римскими папами и тогдашними германскими императорами, доходившей до отлучения последних – например, Генриха IV или Фридриха II из династии Гогенштауфенов – папами от церкви! – антипапской) агрессии.

А если учесть, что в тогдашнюю «Германию», то есть «Священную Римскую империю (германской нации)», по-латыни: «*Sacrum Imperium Romanum (Nationis Teutonicae)*», по-немецки: «*Heiliges Roemisches Reich (deutscher Nation)*» – отнюдь не являвшуюся в действительности, по меткому выражению одного современника, повторенному впоследствии т. Карлом Марксом, ни «священной», ни «римской», ни «империей», ни – добавим мы от себя – «германской» в современном понимании этого слова! – входили добрая половина Италии и Франция, Бургундия, Сицилия, Неаполь, Нидерланды, Чехия, Силезия и прочая и прочая, что в походах-«рейсах» («рейзах», «райзах», нем.: *Reisen*) «Немецкого» ордена против язычников столетиями принимали участие уроженцы всех стран христианской Европы – начиная с моравского маркграфа, австрийского герцога и чешского короля (все – в одном лице!) Оттокара (Отакара) II Пшемысла, именно в честь которого был назван основанный им в середине XIII в. в Пруссии город Кенигсберг (нынешний Калининград), и кончая английским принцем Генрихом Дерби, позднее взошедшим на британский престол под именем Генриха IV Ланкастерского – то о каком агрессивном немецком национализме можно было вообще в тот период говорить?

В Крестовом походе «Немецкого» ордена зимой 1344 г. против языческой Литвы, к примеру, участвовали король Богемии Иоанн Люксембургский, король Венгерский, граф Голландский, герцог де Бурбон, бурграф Нюрнбергский, граф Голштинский (Гольнтейнский), чешские, силезские, моравские, австрийские и шотландские рыцари и многие другие. С другой стороны, всегда ли верно изображать «Господин Великий Новгород» – оплот весьма сомнительной, хотя и усердно воспевавшейся, в частности, декабристами вечевой «свободы» (а говоря по-простому – «кто кого перекричит»; да и «вечевых горланов» – профессиональных крикунов – можно было без особых церемоний перекупить за деньги, так что торговля думскими голосами является отнюдь не изобретением нашего времени!) неким щитом, якобы прикрывавшим всю Русь с Запада, от натиска «агрессивного католицизма». Это Новгород-то, изначально бывший не только источником постоянных и направленных всегда на подрыв власти общерусского Великого князя, где бы он не сидел – в стольном ли Киеве, Владимире, Суздале, Твери или Москве! – кровавых смут, но и, самое главное, лютых ересей! «Стригольники», «жидовствующие» и прочие еретики – все они расползались по Святой Руси не откуда-нибудь, а именно из славного Новгорода и другой «северной республики» – Пскова (высокомерно именующего новгородцами своим «посадам», а говоря по-нашему – «пригородом»)!

Новгород постоянно враждовал с Псковом. Хорош защитник русской государственности и Православной веры, который даже свою долю дани татаро-монголам отдавал очередному

общерусскому Великому князю лишь ценой большой крови и постоянно интриговал против каждого Великого князя Владимирского, натравливая на него других князей, подкупленных новгородским «заволочским» серебром! Этому безобразию был положен конец только Великим Государем Московским и Всея Руси Иоанном III, в результате двух войн силой (причем при активной поддержке другого «ревнителя свободолюбивых вечевых традиций Северной Руси» – упомянутого выше «новгородского посада» Пскова!) усмирившим и подчинившим Своей Державной воле вконец запутавшийся в собственных интригах «Господин Великий Новгород». А окончательно вбил «осиновый кол» в гроб этого оплота «вечевых свобод» и ересей Царь Иоанн Васильевич Грозный, Верховный магистр ордена православных опричных рыцарей, выступивший, промыслительно (как это ни покажется кому-то странным), в роли «мстителя» за разгром новгородским войском войска другого христианского рыцарского ордена на (или, по мнению иных историков, при) Чудском озере пятью столетиями ранее!

Новгородский князь Александр Ярославин, прозванный Невским за свою победу над шведами на р. Неве в 1240 г., постоянно конфликтовал с «Господином Великим Новгородом» (приходилось даже усмирять непокорство «боярской республики» на Волхове вооруженной рукой, «урезать носы» и «вынимать очи» особо буйным новгородцам, сумевшим настроить против князя его собственного сына Василия Александровича, посаженного за это разгневанным отцом в «поруб» после подавления бунта). В то же время Александр Невский (как и другой выдающийся военно-политический деятель XIII в. – князь Даниил Галицкий) – активно вел переговоры с папой римским Иннокентием IV, причем (как и Даниил) удостоился от папы королевского титула. Об истории получения Даниилом Галицким от папы короны «короля Руси (Рутении)» ныне не знают только полные невежды (чего не скажешь об аналогичной истории коронации Александра Невского – если не считать невразумительного описания в любимом всеми нами с детства романе Василия Григорьевича Яна «Юность полководца» прибытия к князю Александру таинственного странника «Андреяша», привезшего ему в мешке королевскую корону от папы римского и отосланного князем обратно «несолоно хлебавши»; скорее всего, речь идет о домысливании уважаемым романистом, в компетентности которого у нас нет ни малейших сомнений – видимо, в угоду тогдашней политической конъюнктуре! – упоминания в «Житии» Святого благоверного князя Александра Невского некоего «Андреяша», пораженного выдающимися качествами Невского победителя; хотя упоминаемый в «Житии» Андреяш – отнюдь не замаскированный под убогого «калику переходжего» тайный папский посланец, а ливонский ландмейстер Тевтонского ордена Андреас фон Вельвен, о чем совершенно недвусмысленно сказано в комментариях к «Житию»). До нашего времени сохранились две буллы (послания) папы Иннокентия Александру Невскому – между прочим, сватавшему своего сына за дочь правителя Норвегии Гакона (Хокона), исповедовавшего римско-католический вариант христианской веры. В первой булле, датированной 22 января 1248 г., римский понтифик предлагал князю Александру, именуемому им «благородным мужем Александром герцогом Суздальским» (лат.: *nobili viro Alexandro duci Susdaliensi*), присоединиться, ПО ПРИМЕРУ ЕГО ПОКОЙНОГО ОТЦА ЯРОСЛАВА (выделено нами – В.А.), к римской (католической) церкви, и просил его, в случае наступления татар, «извещать об этом наступлении братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы... безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать». А во второй папской булле (датированной 15 сентября 1248 г.) римский понтифик обращался к князю Александру, который в своем ответе на предыдущую буллу «со всяческим рвением испросил, чтобы (его) приобщили как члена к единой главе церкви через истинное послушание, в знак чего (он) предложил (папке) воздвигнуть в граде твоём Плескове (Пскове) соборный храм (кафедральный собор) для латинян» (лат.: *in Pleskove civitate tua Latinorum Ecclesiam erigere cathedralem*) уже как к светлейшему королю Новгорода» (лат.: *illustri regi Nougardiae*). Подробнее обо всем этом при желании можно прочитать в статье Антона Анатольевича Гор-

ского «Два “неудобных“ факта из биографии Александра Невского» // «Александр Невский и история России». Новгород, 1996, с. 84-75) и в книге Николая Викторовича Кленова «Несостоявшиеся столицы Руси: Новгород, Тверь, Смоленск, Москва», М., 2011, с. 42-43). Что касается «дружеских уз», существовавших, по мнению иных горе-историков, между рыцарями Святой Девы Марии и татаро-монголами, которым они якобы служили чем-то вроде проводников, то наглядным свидетельством этой «нерушимой дружбы» может служить не только высказанная в упомянутой выше папской булле обращенная к Александру Невскому просьба извещать об ожидаемом татарском наступлении «братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы... безотлагательно поразмыслить, каким образом с помощью Божией сим татарам мужественное сопротивление оказать», но и битва под Лигницей (Вальпхаттом) в 1241 г., в которой силезский князь Генрих Благочестивый со своими польскими и немецкими рыцарями – главным образом, иоаннитами, тамплиерами и тевтонскими «кавалерами Пресвятой Девы Марии», и впрямь «сим татарам мужественное сопротивление оказал», пав под татарскими стрелами и саблями, но преградив туменам Батыеа дальнейший путь на Запад! А в 1389 г. тевтонские «псы-рыцари» в союзе с литовским князем Александром-Витаутасом (по-русски: Витовтом, по-польски: Витольдом), с польскими и венгерскими крестоносцами-католиками и с православными русскими князьями (в том числе и знаменитым воеводой Дмитрием Донского – Дмитрием Боброком Волынцем, фактическим победителем войска ордынского беклеярибека Мамаю на поле Куликовом девятью годами ранее!), а также с православным же молдавским господарем Стефаном I Мушатом сразились на реке Ворскле с татарской ордой хана Едигея и своей совместно пролитой кровью засвидетельствовали верность Вере Христовой!

Что же до великой победы объединенного «славянского» (добрую половину которого, впрочем, составляли жмудь, литовцы, армяне, караимы и опять-таки татарские орды!) войска над «проклятыми крыжаками» под Танненбергом («Грюнвальдом»), то ведь именно после этой «великой победы над общими врагами всего славянства» объединенные «братья-славяне», католики-поляки и литвины стали с удвоенной силой теснить «своих», западнорусских, православных «братьев-славян», и в то же время регулярно ходить огнем и мечом на Москву, пока дело не дошло до лжедмитриев, тушинских воров и Семибоярщины. Столь серьезной угрозы Тевтонский орден для Руси не представлял никогда. Наоборот, именно тевтонские рыцари, вывезенные русскими из завоеванной Ливонии, стояли у истоков создания Иваном Грозным с целью укрепления Российского государства первого в нашем Отечестве военно-рыцарского ордена – опричнины! Но об этом мы почему-то забываем, хотя это не секрет. Гораздо лучше западают в память, например, такие строки из любимой всеми нами в детстве книжки Натальи Петровны Кончаловской «Наша древняя столица» (книжки, действительно замечательной во многих отношениях, хотя и переизданной несколько раз (причем в каждое новое издание вносились исправления, дополнения и купюры, в соответствии с изменениями внутри- и внешнеполитической конъюнктуры Страны Советов). Для вящей убедительности процитируем ее ниже несколько подробнее, чем в эпитафии:

Там, куда заходит солнце,
У балтийских берегов,
Были крепости ливонцев —
Наших западных врагов.
За подъемными мостами
В замках прятались они,
Латы с черными крестами
Надевали в дни войны...
Был ливонский рыцарь страшен,
Занимался грабежом.

Плохо было людям нашим
За ливонским рубежом...
Враг-то, видно, чародей,
Не похожий на людей!
Уж не черт ли этот враг?
Не возьмешь его никак!

(«О краях твоих законных, о врагах твоих исконных»)

Впрочем, не станем далее «растекаться мыс (л) ью по древу», а только заметим себе, что пришла, наверное, пора отказаться от некоторых, хотя бы самых заскорузлых, штампов, и попытаться трезво, без эмоций, разобраться, что это все-таки были за страшные «псы-рыцари», «не похожие на людей».

3. Был ли Тевтонский орден «форпостом германской экспансии»?

После взятия мусульманами (или, как говорили еще не так давно, магометанами) христианского порта-крепости Аккон (Сен-Жан д Акр) в 1291 г., сделавшего невозможным дальнейшее пребывание руководства Тевтонского ордена Приснодевы Марии в Святой земле, ему пришлось перенести свою резиденцию сперва на остров Кипр, затем в Венецию, в Венгрию – точнее, Трансильванию, или Се (д) миградь – и, наконец, в языческую Пруссию (Боруссию или Прутению), куда переместился основной центр могущества ордена и орденских владений. Будучи основан в конце XII в. в Святой Земле и со временем распространив свою деятельность на Трансильванию, Пруссию и Ливонию, Тевтонский орден сражался там против язычников (половцев, пруссов, куршей, леттов, ливов и эстов), начиная с 1231 г. Именно на этих территориях, именовавшихся, подобно русской земле, Уделом Пресвятой Богородицы (Терра Мариана) ему удалось, в отличие от Палестины, Сирии, Киликии и Греции, закрепиться «всерьез и надолго».

Начиная с 1309 г., замок, а затем – город Мариенбург (что по-немецки означает: «град Пресвятой Девы Марии»), по-польски – «Мальборг» или «Мальборк» (что – увы! – равным счетом ничего не означает ни по-польски, ни на каком другом языке) стал резиденцией Верховного магистра одноименного ордена и центром комплекса владений, который получил у историков название «Немецкого орденского государства», хотя он не являлся, как мы увидим, ни «немецким», ни «государством» в современном понятии этого слова. Это расположенное – главным образом – в Пруссии и Ливонии, то есть за пределами тогдашней «Германии» (упоминавшейся нами выше «Священной Римской империи германской нации», именовавшейся в описываемое время чаще всего просто «Римской империей») и потому фактически абсолютно независимое от тогдашнего (во многом чисто номинального) «главы» этой «империи» (который даже и на «своих», то есть – пусть даже чисто формально! – входивших своими владениями в империю германских князей не имел почти никакого влияния, будучи лишь «первым среди равных» и даже не имея в «Германии» постоянной столицы – столицей считался далекий Рим!) орденское государство, несмотря на свои своеобразные структуры и на то обстоятельство, что первоначальная задача ордена Девы Марии заключалась исключительно в уходе за больными, борьбе с язычниками и военной защите христианских миссионеров, с течением времени превратилось – в Восточной Европе – в феодальное государство, по сути дела мало отличавшееся от соседних, и втянутое в типичные межгосударственные конфликты, связанные с взаимной экспансией всех этих конкурировавших между собой на международной арене государств.

Именно в этих конфликтах, в особенности с Польшей и Литвой, (но уж никак не с Древней Русью!) и заключалась одна из важнейших (хотя и далеко не единственная!) причина позднейшей гибели этого прусско-ливонского государства тевтонских рыцарей, силы которого были подорваны пришедшей из Германии антикатолической Реформацией, окончательно прекратившего свое существование в 1525 г., после того, как Тевтонский орден еще в 1466 г. был вынужден уступить Польскому королевству свои наиболее богатые владения в Пруссии. В 1525 г. произошла секуляризация остатков прусского орденского государства – его последний глава, Верховный магистр (Гохмейстер) Альбрехт Бранденбург-Ансбахский из рода Гогенцоллернов, тайно приняв лютеранство, объявил себя герцогом Прусским, присягнул на верность своему родному дяде – польскому королю – и получил от него прусские земли Тевтонского ордена в качестве лена. Это принесение присяги сопровождалось кощунственной с точки зрения любого нормального христианина церемонией – сам Альбрехт и сопровождавшие его орденские рыцари широким жестом сорвали со своих белых плащей черные кресты и швыр-

нули их наземь. Но, видимо, все собравшиеся, включая короля и магистра, уже настолько прониклись великими гуманистическими идеями «титанов Возрождения», что не нашли в этом всенародном поругании Святого Креста ничего предосудительного! Именно так – откровенно воровским образом! – появилось первое в континентальной Европе протестантское государство.

Дошедший до нас прижизненный портрет Гохмейстера Альбрехта Бранденбург-Ансбахского, кстати, наглядно демонстрирует нам, насколько размытыми в сознании этого узурпатора и типичного человека эпохи Ренессанса были заложенные в пору развитого Средневековья христианско-рыцарские основы, на которых зиждился возглавляемый им – в силу роковой исторической случайности! – древний орден. Магистр Альбрехт изображен на портрете в белом плаще с черным крестом, то есть в орденском облачении рыцаря-«тевтона», но... со светским бранденбургским орденом рыцарей Лебеда (нем.: Ritter des Schwanenordens) на шее – вещь, совершенно невозможная в классическую средневековую эпоху, когда орден воспринимался не в качестве награды, которую можно было получить, а в качестве организации, в которую можно было вступить и в ней состоять.

В начальный, «классический» период существования духовно-рыцарских орденов рыцарь (как и всякий иной член ордена – священник, сержант-«сариант», «полубрат», «фамильяр» – обо всех этих орденских «сословиях» мы еще подробнее расскажем далее) мог принадлежать только к одному ордену, вступление одновременно и в какой-либо иной орден было просто немыслимо (как военная служба одновременно в армиях двух разных государств). Даже переходы из одного ордена в другой были чрезвычайно редким явлением. Но, как видно, ко времени, когда Гохмейстер Альбрехт совершил в Пруссии государственный переворот, совсем другие идеи завладели умами. Впрочем, своеобразным напоминанием о «монашески-рыцарском» прошлом новоявленного светского герцога Прусского служило золотое изображение Пресвятой Богородицы (покровительницы Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии) с Богомладенцем Иисусом на руках, служившее верхней частью подвешенного к орденской цепи медальона (нижнюю часть образовывало изображение Лебеда).

Уцелевшие в своих анклавах на территории Германии тевтонские рыцари долго протестовали против этого грабежа среди бела дня и убедили императора Карла I Габсбурга, защитника римско-католической веры, хотя и большого недруга папы, поставить Альбрехта Гогенцоллерна вне закона. Однако по всей «Священной Римской империи германской нации» бушевали религиозные войны, и в ней не нашлось силы, способной заставить узурпатора вернуть Тевтонскому ордену незаконно отторгнутые у него владения. Орден Девы Марии официально так и не смирился с потерей Пруссии. Более того, когда руководство им позднее перешло в руки принцев из католической австрийской династии Габсбургов, австрийские императоры (являвшиеся одновременно императорами «Священной Римской империи») долго не признавали за потомками Альбрехта фон Гогенцоллерна право именоваться «королями Пруссии» (нем.: Koenige von Preussen), упорно именуя их лишь «королями в Пруссии» (нем.: Koenige in Preussen).

В 1561 г. Тевтонский орден потерял и свои земли в Ливонии, первоначально завоеванные в ходе Ливонской войны победоносными войсками благоверного Православного Государя Иоанна Васильевичем Грозного, а затем отвоеванные у Московского государства и разделенные между собой Швецией, Данией и Польско-Литовским государством – «Речью (правильнее: Жечью) Посполитой». Отдавшийся под их защиту последний геермейстер – наместник Верховного магистра Тевтонского ордена в Ливонии – Готтгард фон Кеттлер (Кеттелер, Кетлер) – сохранил за собой часть бывших орденских владений в Курляндии и Семигалии (Земгалии), превратив их в свое собственное светское Курляндское герцогство. Но об этом позже. Будем излагать события по порядку.

4. Акконская странноприимница

При римско-германском императоре Генрихе VI Гогенштауфене «Священной» римско-германской империи удалось подчинить себе, после Англии, остров Кипр, в знак чего император Генрих прислал Амори (Амальрику) де Лузиньяну, титулярному королю Иерусалимскому, скипетр, с которым последний короновался королем Кипрским в Никосии в 1197 г. Фактически и юридически это означало подчинение не только Кипра, но и Иерусалимского королевства «Священной Римской империи германской нации», в вассальной зависимости от которой находилась и Армения (Киликия). Но немецкое влияние стало возрастать и в самой Святой Земле. Последнее было связано с основанием и деятельностью там Тевтонского ордена.

В истории возникновения Тевтонского ордена можно усмотреть немало параллелей с историей возникновения иерусалимского ордена госпитальеров Святого Иоанна (госпиталириев, странноприимцев, гостеприимцев или иоаннитов), который тогда нередко называли просто «Госпиталем», нем.: Шпиталь, Spital (этот иерусалимский госпитальерский, или странноприимный, орден Святого Иоанна не следует путать с другим, возникшим позднее, Акконским, или Акрским, госпитальерским орденом Святого Иоанна и Святого Фомы). Еще в правление умершего в 1118 г. короля Иерусалимского Бодуэна (Балдуина)

I («царя Балдвина» или «царя Балдвина» древнерусских летописей и «Хожения в Святую Землю» игумена Даниила) некий «проживавший в Святом граде тевтон (немец) основал странноприимный дом для немецких паломников, вскоре достигший, благодаря многочисленным пожертвованиям, значительного благосостояния». Однако этот Тевтонский (Немецкий) странноприимный дом не был самостоятельным, а считался филиалом иоаннитского Госпиталя, отличаясь от него лишь тем, что функции странноприимцев в нем выполняли только служащие братья из Германии. Их попытка добиться независимости своего госпиталя от иоаннитов, не была одобрена папой римским Целестином II (1143-1144), специальным указом признавшим справедливым подчинение Немецкого дома Магистру Госпиталя иоаннитов и даровавшим иоаннитскому магистру право назначать приоров немецких странноприимцев. Конец существованию Тевтонского странноприимного дома в Иерусалиме положила катастрофа 1187 г. – разгром армии Иерусалимского королевства и взятие Святого Града Иерусалима султаном Египта и Сирии Салах-ад-Дином (Саладином) из династии Эйюбидов.

Епископ Акконский Иаков (Жак) де Витри (1216-1224) в своей «Иерусалимской истории» (*Historia Hierosolimitana*) писал о возникновении Тевтонского ордена следующее:

«Когда Святой Град начал вновь заселяться после его освобождения христианами, то многие тевтоны (немцы – В.А.), или аллеманы, стали, в качестве паломников, прибывать в Иерусалим, но не могли объясняться с жителями города на своем языке. И тогда Божественное милосердие побудило некоего достопочтенного, благочестивого тевтона (немца – В.А.), проживавшего в этом городе со своей супругой, на собственные средства основать странноприимный дом (госпиталь – В.А.) для размещения в нем бедных и больных тевтонов. И когда туда, привлеченные звуками родного языка, стали стекаться его многочисленные бедные и больные единоплеменники, он, по воле и с согласия Патриарха, наряду с вышеупомянутым странноприимным домом, основал и ораторий (молитвенный дом – В.А.) во славу Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии. Долгое время нес он безропотно бремя тягот содержания бедных больных, частью на собственные средства, частью за счет доброхотных даяний благочестивых верующих.

Иные, в особенности из числа народа тевтонов (немцев), отрекшиеся от мира и всего, что в мире, привлеченные любовью и рвением сего мужа, отдали все свое имущество и самих себя вышеупомянутому госпиталю, сложили с себя мирское платье и всецело посвятили себя служению больным. Когда же, с течением времени, наряду с благочестивыми мужами низкого

звания, обет служения в вышеупомянутом госпитале начали приносить и мужи рыцарского и благородного звания, они сочли приятным в очах Господа, достойным и еще более заслуженным делом не только служить больным и убогим, но и каждодневно жертвовать своей жизнью во имя Христа и, защищая Святую Землю, вести за Христа не только духовную, но и телесную брань. И потому они, не отказываясь от вышеупомянутого, угодного в очах Господа ухода за больными, приняли правила и законы Храма (то есть ордена тамплиеров – В.А.), но, в отличие от храмовников, прикрепили на свои белые плащи черные кресты. И, поскольку они по сей день пребывают в бедности и благочестивом рвении, то да удержит их милосердный Господь в дали от раздувающего гордыню, вызывающего ссоры, умножающего заботы и умаляющего рвение богатства».

В действительности Тевтонский орден, полное название которого приводилось в разных источниках по-разному: «орден рыцарей госпиталя Святой Марии Немецкого Дома», «орден рыцарей госпиталя немцев в Иерусалиме», или «орден братьев Немецкого госпиталя Пресвятой Девы Марии в Иерусалиме», третий по времени основания, известности и могуществу духовно-рыцарский римско-католический орден, был учрежден во время осады портового города Аккона (библейского Аккарона, носившего в разные периоды своей многовековой истории и другие названия – Екрон, Акко, Акка, Птолемаида, Акра, Сен-Жан д'Акр) в Святой Земле в 1190 г., в период Третьего Крестового похода. Его основателями были крестоносцы (в широком значении этого слова – не воины, взявшие крест, дабы разить неверных копьем и мечом на поле брани, а принявшие участие в Крестовом походе благочестивые купцы) из северогерманских ганзейских городов, в том числе из Бремена и Любека, избравшие своим главой некоего Сибранда (Сигибранда, Зибранда, Зигибранта или Зигебранда), о котором, впрочем, не известно ничего, кроме имени. Иные историки даже полагают, что этот Сибранд был вовсе не первым главой исторического Тевтонского ордена, основанного под стенами Аккона, а ректором (или, выражаясь церковным языком, предстоятелем) немецкого странноприимного братства, учрежденного под патронажем ордена госпитальеров Святого Иоанна в Иерусалиме и прекратившего свое существование после захвата Святого града султаном Египта и Сирии Салах-ад-Дином (Саладином) в 1187 г.

Между этим «зародышем» позднейшего духовно-рыцарского Тевтонского ордена и этим позднейшим орденом, по мнению многих исследователей, не существовало никакого преемства. Впрочем, историки самого Тевтонского военно-монашеского ордена всегда утверждали обратное (отрицая в то же время утверждения историков ордена святого Иоанна о зависимости иерусалимской тевтонской странноприимницы от тамошнего иоаннитского госпиталя). Как бы то ни было, исторический Тевтонский орден (орден рыцарей черного креста Девы Марии), основанный (или восстановленный в 1190 г. под стенами Аккона), первоначально также представлял собой братство гостеприимцев, или странноприимцев (наподобие Иерусалимского братства госпитальеров-иоаннитов) и содержал госпиталь, размещавшийся первоначально на борту вытасченного на берег корабля, а затем – в нескольких парусиновых палатках для больных и раненых, раскинутых под открытым небом.

После освобождения города крестоносцами от власти сарацин, «тевтонские» госпитальеры получили в свое распоряжение каменный странноприимный дом – нечто вроде гостиницы или постоялого двора, где нуждавшиеся в помощи всякого рода крестоносцы и просто паломники получали бесплатно пищу, кров и первую медицинскую помощь. Подобно названиям других сходных благочестивых объединений той эпохи, название братства странноприимцев-«тевтонов» – как только их не называли в последующие времена: «немецкие господа», «господа Немецкого дома», «круциферы», «круцисигнати», «кавалеры Святой Марии», «марианиты», «марианцы», «мариане» (просьба не путать с другими «марианами» – членами польского чисто монашеского ордена под названием «Конгрегация Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии»), или просто «крестоносцы»!, следовавших первоначально уставу ордена

Святого Иоанна (что может быть, при желании, расценено как косвенное свидетельство в пользу их первоначальной зависимости от Иерусалимского госпиталя иоаннитов), указывало на их неразрывную связь со Святым Градом Иерусалимом, как идейным центром всех крестоносцев.

Избрав небесной покровительницей своего благочестивого братства Пресвятую Богородицу и Приснодеву Марию, они, хотя и основали свой первый госпиталь не в Святом Граде, а в пригороде Аккона – морских ворот Палестины и главнейшего оплота воинов Христовых в Святой Земле, тем не менее, назвали его «Немецкий (Тевтонский) странноприимный дом Пресвятой Девы Марии, что в Иерусалиме», дав аналогичное название и самому своему госпитальерскому братству. Жили они в большой бедности, питаясь «хлебом смирения и водой сердечного сокрушения», «об одежде и пище пеклись лишь настолько, насколько это было жизненно необходимо». Избрав истинную нищету, они отказались от собственных желаний; и так во имя Христа они связали жизнь свою с разными бесчисленными неудобствами, опасностями, заботами, тревогами». По словам брата Петра из Дусбурга (вероятно, современного немецкого города Дуйсбурга), летописца Тевтонского ордена: «...из холщовых мешков, в которых по морю перевозилась для них мука, делали они холщовые одежды, в которые с радостью одевались». Перед возвращением из Палестины на родину купцы-основатели тевтонского странноприимного братства поручили свой госпиталь заботам двух спутников знатного германского крестоносца герцога Фридриха Швабского, сына римско-германского императора, – его капеллану (священнику) Конраду и камерарию (камергеру, то есть ключнику) Буркхарду.

Сам герцог Фридрих Швабский взял новое благочестивое братство (к которому стало постепенно примыкать все больше воинов, в том числе и рыцарей, для охраны немецких странноприимцев от набегов сарацин – этим собирательным названием, происходившим от названия одного из арабских племен, крестоносцы обозначали всех мусульман, как арабоязычных, так и тюркоязычных) под свое покровительство и наилучшим образом рекомендовал его своему брату, императору Генриху VI. Благодаря его стараниям (хотя и через несколько недель после его смерти – согласно завещанию герцога Фридриха он был похоронен в церкви тевтонского странноприимного дома) братство было официально признано папой римским Климентом III, а его признание, в свою очередь, подтверждено 21 декабря 1196 г. папой Целестином III. Но уже по прошествии всего восьми лет со дня основания, в 1198 г., это немецкое странноприимное братство было – по примеру других орденов крестоносцев, например, тех же иоаннитов, с согласия двух старших рыцарских орденов – храмовников-тамплиеров (темплиариев) и иоаннитов-госпитальеров (госпиталариев) – преобразовано в рыцарский союз и в качестве такового официально признано папой Иннокентием III буллой от 19 февраля 1199 г. Папа (а точнее говоря – антипапа, возведенный на римский престол волей германоримского императора) Григорий III (1191-1198) в 1196 г. даровал новому сообществу обычные привилегии, предоставляемые всем орденам. Превращение братства в рыцарский орден произошло весной 1198 г. на собрании в Акконском «орденском доме» тамплиеров. Одиннадцать епископов и девять светских германских имперских князей, пребывавших в Акконе в связи с Крестовым походом императора Генриха VI, встретились там с Великими магистрами тамплиеров и иоаннитов. Согласно их решению, Тевтонский орден должен был отныне руководствоваться, в отношении клириков (священников), рыцарей и прочей братии Уставом (Правилами) тамплиеров, а в отношении ухода за бедными и больными – Уставом (Правилами) иоаннитов.

Магистром «тевтонов» был избран (или назначен) «брат-рыцарь» Немецкого ордена, Генрих Вальпот (или Вальпото). Правда, в официальной орденской историографии основателем Тевтонского дома по традиции считается упомянутый нами выше Зибранд (Сибранд, Сигибранд или Зигибранд), о котором, в сущности, не известно ничего, кроме имени. Некоторые историографы идентифицируют таинственного Зибранда с иерусалимским «благочестивым тевтоном», упоминаемым Иаковом де Витри. Последнее представляется неоснователь-

ным, тем более, что не существует никакой уверенности в наличие прямой преемственности между Тевтонским странноприимным домом в Иерусалиме, скорее всего, навсегда прекратившим свое существование и деятельность после захвата города сарацинами после битвы при Хиттине в 1187 г., и Тевтонским орденом, учрежденным в Акконе в 1198 г. (хотя летописцы последнего по сей день пытаются создать впечатление, будто такая преемственность существует!).

Именно поэтому иные историки ведут отсчет истории Тевтонского ордена не с 1190, а с 1198 или с 1199 г. Наряду с тремя монашескими обетами нестяжания (бедности), целомудрия (безбрачия) и послушания, новый орден, включил в свой первоначальный («иоаннитский») устав «тамплиерский» обет неустанно ратоборствовать за обращение язычников в Христову веру, и получил в качестве облачения (*habitus*) для «братьев-рыцарей» тамплиерский белый (а не синий, как почему-то решили Виктор Богатырев, Михаил Пензиев и Игорь Дьячук – авторы увидевшей свет в 2010 г. в Санкт-Петербурге книги «Военно-духовные ордена»!) плащ (вскоре послуживший пищей для раздоров с храмовниками), но с черным крестом (вместо тамплиерского красного креста) на левом плече (а если быть точнее, то – напротив сердца).

Папы римские обосновали свое решение тем, что различие нашитых на общих для обоих орденов белых плащах эмблем (красного креста у тамплиеров и черного креста у «тевтонов») не позволяет путать ордены друг с другом. Вероятно, первоначально рыцари-монахи обоих орденов носили белые плащи без каких бы то ни было эмблем. Косвенным свидетельством этого является следующий подтвержденный сохранившимися иллюстрациями факт: знамя Тевтонского ордена первоначально представляло собой простое белое полотнище без каких бы то ни было изображений – в знак чистоты помыслов и целомудрия членов ордена.

Конфигурация «тевтонского» креста на протяжении многовековой истории Немецкого ордена неоднократно видоизменялась, пока не приняла характерную «лапчатую» форму с расширяющимися концами, опять-таки подобно кресту храмовников-тамплиеров. Эти расширения, дарованные папой тамплиерам, отличившимся при взятии сарацинской крепости Аскалона, на концы их орденского креста, символизировали «иерихонские трубы» (в знак того, что перед доблестью Христовых рыцарей не устояли стены Аскалона, как не устояли стены ветхозаветного Иерихона при звуках труб воинства библейского пророка и одного из «семи мужей славы» Иисуса Навина).

К 1220 г. Тевтонский орден уже имел двенадцать комтурств (комтурий, командорств) в Палестине, Греции, на юге Италии и в Германии (первое «тевтонское» комтурство на немецкой земле было учреждено в городе Галле). Однако в самой Святой Земле все наиболее важные крепости и земли уже находились в руках учрежденных прежде орденов тамплиеров-храмовников и госпитальеров-иоаннитов. Поэтому Тевтонский орден оставался сравнительно бедным и небольшим.

Первоначально орден Пресвятой Девы Марии Тевтонской сконцентрировал свои основные силы в княжестве Антиохийском и графстве Триполийском. Однако после гибели большинства «братьев-рыцарей» и самого Верховного магистра от рук сарацинов в ходе военной кампании 1216 г. штаб-квартира «тевтонов» была перенесена в крепость Монфор (Штаркенберг), а затем – в Аккон. Принадлежавшая Тевтонскому ордену Немецкая (Аллеманская) башня (лат.: Туррис Аламанорум, *Turris Alamanorum*) считалась самым мощным оборонительным сооружением Аккона, превосходя в фортификационном отношении даже тамошний укрепленный «Храм» тамплиеров (по их собственному признанию и к их величайшей досаде). Орден Пресвятой Девы Марии участвовал во всех крупных военных операциях крестоносцев XIII в. Однако «тевтонам» так и не удалось стать влиятельной военно-политической силой в Святой Земле (что, впрочем, уберегло их от участия в тамошних политических интригах, повлекших за собой катастрофические последствия).

Четвертый по счету Верховный магистр (Гохмейстер) Тевтонского ордена, брат Герман фон Зальца, сыграл решающую роль в его развитии. Он был доверенным лицом, советником и другом римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена, буквально осыпавшего его самого и находившийся под его руководством орден всяческими милостями и привилегиями. Герман фон Зальца неустанно расширял орденские владения. Получив в Акконе, ставшем, после утраты Иерусалима, столицей Иерусалимского королевства, в свое распоряжение башню близ ворот святого Иакова, Герман фон Зальца превратил её в центральную резиденцию Тевтонского ордена. Чуть позднее он построил на территории земельного участка, купленного в 1219 г. для Тевтонского ордена герцогом Австрийским Леопольдом VI, орденский дом (конвент), госпиталь и храм.

Правда, папа римский Григорий IX (1227-1241 гг.), вступивший в конфликт с императором Фридрихом II, в 1229 г. повелел Патриарху Иерусалимскому, в соответствии с указом папы Целестина II, восстановить контроль ордена святого Иоанна Иерусалимского над Тевтонским орденом, но ни это, ни повторное повеление того же папы в 1241 г. не привело к подчинению «тевтонов» иоаннитам. Жребий был уже, как говорится, брошен. Тевтонский орден остался самостоятельной организацией. Не избежал он также трений с «бедными соратниками Христа и Храма Соломонова». Тамплиеры оспаривали право тевтонских рыцарей носить белые плащи, считая это исключительной привилегией «рыцарей Храма». Лишь после вмешательства римских пап Гонория III (1216-1227) в 1220 г. и Григория IX в 1230 г. тамплиеры окончательно смирились и прекратили вступать в конфликты с тевтонскими рыцарями.

Подобно членству в духовно-рыцарских орденах Испании и Португалии, членство в Тевтонском ордене ограничивалось (в большинстве случаев) пределами одной нации (хотя первоначально он нередко принимал в свои ряды французских рыцарей). Однако со временем орден Приснодевы Марии сумел вовлечь в свою орбиту множество стран и народов и осуществлять во многих странах творческую миссию распространения германской культуры.

5. Об Уставе Тевтонского ордена

Устав Тевтонского ордена был, скорее всего, окончательно сформулирован в первой половине XIII в. (старейший из его сохранившихся манускриптов датируется 1264 г. Он в значительной степени базировался на Уставах Орденов странноприимцев-иоаннитов и тамплиеров-храмовников, с необходимыми изменениями и дополнениями. Термином «Устав» («Статуты») мы ныне обозначаем комплекс уставных правил, которым должны были следовать братья Тевтонского ордена. Сами же они обычно именовали свой Устав «Орденской книгой», или «Книгой Ордена» (Орденсбух).

«Орденская книга» содержала полный список Правил (Regule, Регуле), законов (Gesetze, Гезетце) и Обычаев (Gewohnheiten, Гевонхайтен) Тевтонского Ордена. Список был разделен на три части, каждая из которых озаглавлена, в соответствии со средневековой традицией: «*Nie heben sich an die capitula vn (d) das registrum der regule der brudere des duetschen ordens des spitales sante marien*»=«Здесь начинаются главы и реестр правил братьев Немецкого (Тевтонского) Ордена странноприимного Дома святой Марии» (заголовок раздела «Правила»); «*Nie hebet sich an das registrum der gesetze*»=«Здесь начинается реестр законов... (заголовок раздела «Законы»); «*Nie heben sich an das registrum von den gewonheiten*»=«Здесь начинается реестр обычаев» (заголовок раздела «Обычаи»).

Изначально «Орденская книга» включала тридцать девять правил, семьдесят законов и шестьдесят четыре обычая. Она регулировала все аспекты жизни тевтонских рыцарей в мирное и военное время, определяя, в качестве основных принципов целомудрие, послушание и несотяжание, и описывая основные правила основания странноприимных домов, заботы о больных и стариках, порядок молитв и богослужений, приема пищи и постов, молчания, особыми правилами оговаривается, когда и где «братьям» ордена надлежит спать, каким образом допускать до хозяйственных работ женщин и т.д. Большое внимание уделяется внешнему виду, одежде и вооружению «братьев», правилам общежития, уважительному отношению к магистру и т.д.

Текст на последней странице начинался с орденского календаря, включающего все христианские церковные праздники, дни памяти святых и мучеников, вигилии (ночные молитвы) и коленопреклоненные молитвы.

Языком оригинала Устава Тевтонского ордена, вероятнее всего, был латинский (поскольку Устав должен был получить одобрение папы римского), однако большинство списков с оригинального устава представляют собой перевод с латыни на немецкий, поскольку большинство «братьев» ордена Девы Марии латынью не владело. Сохранившиеся рукописные немецкоязычные варианты «Орденской книги» написаны на различных диалектах (единственный немецкий литературный язык ко времени написания переводов с исконного латинского текста Устава еще не сложился), поскольку каждая комтурия (комтурство, командорство) должна была иметь свою копию «Орденской книги». Сами тевтонские рыцари рассматривали Устав в том виде, в каком он был зафиксирован в рукописи 1264 г., как вечный и неизменный. Поэтому все новые правила и законы, принятые при последующих Верховных магистрах, никогда не включались в текст самого Устава, а лишь присовокуплялись к нему в виде приложений или дополнений. Естественно, по мере увеличения числа рукописных копий, в них стало вкрадываться все больше различий и неточностей, (связанных не только с языковыми и диалектальными различиями, но и с небрежностью переписчиков-копиистов), не говоря уже о связанных с местными особенностями дополнениях. Поэтому в 1442 г. Капитул Тевтонского ордена принял решение о проведении генеральной ревизии «Орденской книги» и об изготовлении, на основе подвергнутого ревизии текста, трех «образцовых» копий, предназначенных к хранению: одна – в Мариенбурге (резиденции Верховного магистра), другая – в Горнэке (тогдашней резиденции дейчмейстера – магистра орденских владений, расположенных на территории Германии),

третья – в Риге (резиденции ливонского ландмейстера, или провинциального магистра, Тевтонского ордена). Все последующие копии дозволялось делать только с одной из этих трех образцовых копий. Так в 1442 г. немецкая версия была официально объявлена единственной имеющей силу версией Устава тевтонских рыцарей.

Рукописных вариантов Устава Тевтонского ордена до нашего времени дошло очень немного. В 1890 г. немецкий исследователь Макс Перль-бах насчитал тридцать четыре манускрипта, датируемых XIII-XV вв., из них двадцать четыре были написаны на немецком, пять – на латинском, четыре – на голландском и один – на французском языке. Самым древним из них был датируемый 1264 г. манускрипт, написанный на средневерхненемецком языке и хранившийся в Берлине. Все эти рукописи хранились в Германии или Австрии. В результате Второй Мировой войны это число уменьшилось на восемь манускриптов (шесть из которых хранились в Кенигсберге, а два – в Берлине; оба города, как известно, сильно пострадали в ходе боев за них между германскими и советскими войсками). Еще один манускрипт Устава Тевтонского ордена, написанный немецким курсивом и датируемый XV в., после Второй Мировой войны оказался в отделе редких книг библиотеки Пенсильванского университета (США).

6. Царство, разделившееся в себе, может ли устоять?

Заемствования из тамплиерского устава, добавленные к первоначальным иоаннитским статутам, а в особенности – заимствование белого плаща с крестом «тамплиерской» формы постоянно приводили Тевтонский орден к конфликтам с храмовниками. История этих постоянных конфликтов между двумя военно-монашескими орденами, принимавших нередко весьма кровопролитные формы, полностью опровергает абсурдные бредни об их идентичности (к примеру, в популярном историческом романе А. К. Югова «Ратоборцы» при описании рыцарского войска венгерского короля Белы, наступающего на рать князя Даниила Галицкого подчеркивается: «Развевались на ветру огромные белые мантии тевтонов-храмовников») или о тевтонских рыцарях как о некоем «орудии» тамплиеров. В действительности храмовники всеми силами сопротивлялись любым нововведениям своих новоиспеченных соперников. Да это и понятно.

Ведь если рыцари разных орденов оказывались трудно отличимыми друг от друга в сражениях из-за сходства их «униформы», то не исключен был вариант, что, скажем, «тевтоны» (чей черный крест на белом плаще в схватке вполне мог сойти за темно-красный тамплиерский крест сходной формы) теоретически могли приписать себе славу и успех тамплиеров и соответственно претендовать на большую долю военной добычи, чем они того заслуживали. К тому же сохранилось немало изображений тамплиеров с крестами не «уставного» красного, а «тевтонского» черного цвета на облачении, вооружении и прапорах. Не случайно даже такой знаток Средневековья, как любимый всеми нами сэръ Вальтер Скотт в своем романе «Айвенго», при описании пира у благородного сакса Седрика Ротервудского с участием командора (или, как сказали бы «мариане» – комтура) ордена Храма Бриана де Буагильбера, облачил последнего в белую мантию, украшенную крестом его ордена, вырезанным из черного (а не красного, как следовало бы по Уставу тамплиеров) бархата (кстати, запрещенного, наряду с другими дорогими тканями, к употреблению храмовниками их орденским Уставом). Впрочем, несколькими страницами ранее уважаемый автор нарядил того же самого свирепого храмовника в красный плащ с белым суконным крестом на плече, как госпитальера-иоаннита. Но это так, к слову...

Тамплиеры не раз жаловались папе римскому на немецких рыцарей за то, что те переняли не только храмовнический устав, но и белый плащ «бедных рыцарей Христа и Соломонова Храма». Папа римский Иннокентий III, их известный покровитель и друг тамплиеров, даже запретил «тевтонам» на какое-то время ношение белого «тамплиерского» плаща, но, впрочем, оставил окончательное решение за «латинским» (римско-католическим) Патриархом Иерусалимским. Патриарх попытался осуществить своего рода компромисс – он дозволил «тевтонам» сохранить белый цвет их плаща, но повелел им шить плащи не из льняной, как у тамплиеров, а из любой другой ткани. Однако храмовники еще долго не могли примириться с несколько не удовлетворившим их решением римского понтифика.

Десятилетия спустя очередному римскому понтифику – папе Григорию IX – не раз приходилось призывать тамплиеров не придирайтесь к «тевтонам» из-за копирования теми их орденского одеяния. В итоге храмовникам так не удалось добиться своего. Рыцари Немецкого ордена сохранили за собой право носить белый плащ с черным крестом – так называемый «господский плащ» («герренмантель», нем.: Herrenmantel). Его и по сей день носят священники (клирики) и «почетные рыцари» («рыцари чести», «эренриттеры», Ehrenritter) современного Тевтонского ордена. Однако постоянные конфликты между тевтонскими рыцарями и храмовниками возникали не только из-за сходства в облачениях, но и в области большой политики.

В палестинский период истории своего ордена «немецкие господа» в борьбе между папами и кесарями «Священной Римской империи» поддерживали императоров из дома

Гогенштауфенов, а тамплиеры – папских сторонников, «гвельфов». Когда анафематствованный папой римским император Фридрих II прибыл в Палестину, Верховный магистр «тевтонов» брат Герман фон Зальца стал его главным советником, а «Немецкий орден» – его главной опорой (на этом эпизоде истории Крестовых походов мы подробнее остановимся ниже). Храмовники же избегали отлученного от церкви императора и строили против него всяческие козни. В результате Фридрих II после возвращения Иерусалима христианам отказался вернуть тамплиерам замок их Великого магистра, что привело храмовников в еще большую ярость. После поражения Гогенштауфенов в Италии тамплиеры воспользовались этим поводом для реванша. Начиная с 1241 г., они развязали против «немецких господ» форменную войну. «Тевтоны» эту войну проиграли и лишились почти всех своих владений в Святой земле. Вражда между обоими духовно-рыцарскими орденами, тянувшаяся через всю историю христианских владений в Святой Земле, имела поистине роковые последствия для развития событий в Палестине, тем более что и с орденом иоаннитов у храмовников сложились далеко не братские отношения, крайне обострившиеся с момента, когда эти ордены благодаря полученным привилегиям достигли власти и богатства. В ходе многочисленных распрей ордены оказывались по разные стороны «баррикад», разделявших противоборствующие партии, вследствие чего по сути дела незначительные конфликты из-за поляризации орденов обострялись, ослабляя обороноспособность Иерусалимского королевства.

В 1179 г. папе римскому Александру III удалось добиться заключения мира между враждовавшими орденами, как если бы речь шла о примирении между двумя враждебными государствами. В 1242 г. храмовники осадили странноприимцев-госпитальеров в замке ордена святого Иоанна в Акконе и даже не позволили иоаннитам похоронить своих убитых. Через несколько лет тамплиеры снова напали на иоаннитов в Акконе, но были истреблены почти поголовно в схватках на улицах города. Надо думать, что иоанниты и тевтонские рыцари во время последующего процесса над тамплиерами во Франции (1307-1314) не видели особых причин брать под защиту своих бывших противников, сравнительно недавно силой оружия изгнавших их из замков и городов Палестины. Позднее мы еще коснемся этого вопроса несколько подробнее, пока же заметим только, что межорденские распри, несомненно, значительно ускорили конец Иерусалимского королевства «латинян».

Тем не менее, скажем, старший брат Гохмейстера Тевтонского ордена Лютера Брауншвейгского был рыцарем ордена тамплиеров, а средний – рыцарем ордена иоаннитов.

Папой римским Тевтонскому братству была дарована так называемая «экземция», вследствие чего оно было, в рамках церковной иерархии, выведено из какого бы то ни было подчинения местному епископату и Патриарху Иерусалимскому и подчинено непосредственно папскому престолу. Именно с этого момента оно превратилось в настоящий военно-монашеский орден. Это особое положение сохранилось и по сей день и имеет огромное значение для современной деятельности Тевтонского ордена.

Кстати, из всех орденов, возникших в эпоху Крестовых походов и ни разу не прерывавших с тех пор своего существования, донныне сохранились только орден Святого Иоанна Иерусалимского и Тевтонский орден Пресвятой Девы Марии. Подобное «долголетие», вероятнее всего, объясняется тем, что оба этих ордена возникли именно как странноприимные братства и лишь позднее, в силу суровой реальности существования на границе враждебного как «латинянам», так и «грекам» (православным) мира воинственного ислама, вынуждены были взять на себя и военные функции.

По мере отпадения необходимости в вооруженной борьбе с неверными, которую, кстати, необходимо рассматривать как актуальную и совершенно нормальную для того времени форму служения идее сохранения и распространения христианской веры и правильно понять которую можно лишь с учетом духа той далекой эпохи классического религиозного сознания, ни в коей мере не пытаясь давать оценку тогдашним событиям с точки зрения современности, оба

ордена смогли быть реформированы, а по сути – вернуться к выполнению своих первоначальных задач, связанных с делами христианского милосердия и служения ближнему. Блаженный Жерар (Герард), первый предводитель («ректор») госпитальеров, был абсолютно прав, предсказав своему ордену долгую и славную будущность:

«Братство наше пребудет вечно, ибо почвой, на которой оно произрастает, являются страдания мира сего и, если будет на то воля Божия, всегда найдутся люди, работающие над тем, чтобы уменьшить эти страдания и облегчить их бремя своим ближним».

Это пророчество блаженного Жерара в отношении ордена госпитальеров святого Иоанна Иерусалимского полностью оправдалось и в отношении Тевтонского ордена Приснодевы Марии, история которого со всей очевидностью свидетельствует о том, что он всегда, с какими бы неблагоприятными обстоятельствами ему не приходилось сталкиваться, находил в себе силы для проведения внутренних реформ и тем самым – для дальнейшего поддержания своего существования.

7. Тевтонские рыцари и Крестовый поход Фридриха Гогенштауфена (1228—1229)

Наряду с кайзером (или, по-гречески, кайсаром) Фридрихом I Барбароссой, его внучатый племянник Фридрих II (1212-1250), основатель Неаполитанского университета (1224), был самым известным римско-германским императором из швабской династии Гогенштауфенов (Штауфенов), память о котором, расцвеченная многочисленными легендами, сохранилась в памяти потомков на протяжении многих веков. Он был достойным представителем своего дома, правившего «Священной Римской империей германской нации» в период с 1138 по 1254 гг. Римско-германские императоры из династии Штауфенов стремились к восстановлению между собой и римско-католической Церковью тех же отношений «симфонии» что существовали между императором (василевсом) и греко-кафолической Церковью в Восточной, православной Римской («Ромейской») империи (Византии). В борьбе с Гогенштауфенами римские папы, сплотив вокруг себя богатые средиземноморские города и поощряя ростовщичество (строго запрещенное христианами церковными канонами!), создали антиимперскую Лигу ломбардских городов (от ломбардских ростовщиков, между прочим, происходит слово «ломбард») и организовали восстание против Фридриха I Барбароссы (фактически – первую в истории буржуазную революцию, ведь слово «буржуа», или «бюргеры», означает нечто иное, как «горожане»).

Сказания о Фридрихе II Гогенштауфене веками жили среди потомков его итальянских и немецких подданных, не уступая в популярности легендам о короле Артуре и рыцарях святого Грааля. После ранней смерти отца Фридриха, его мать Констанция осталась единственной наследницей норманно-сицилийского королевства. Фридрих был воспитан под опекой римского папы вдали от Германии, в городе Палермо на Сицилии, где было все еще очень сильно влияние мусульман и Византии. Из всех средневековых правителей «Священной Римской империи германской нации» император Фридрих II Гогенштауфен был, пожалуй, самым образованным. Он свободно говорил и писал (в том числе стихи и поэмы) на латинском, арабском, греческом и древнееврейском языках, мог объясняться по-французски, провансальски, итальянски и немецки, был автором трактата о соколиной охоте и обладал весьма обширными познаниями в области естественных наук.

Папский престол обвинял Фридриха, стремившегося включить в состав своей империи не только христианские, но и мусульманские народы, во враждебности христианству, колдовстве и чернокнижии. В действительности же этот государь, покровитель искусств и наук, стремился к восстановлению изначального канонического устройства христианской Церкви, возвращению ее к выборности епископов и соборному устройству и, хотя продолжал исповедовать римско-католическую догматику (в частности, введенное папами римскими на «латинском» Западе, под давлением Карла Великого, лжеучение об исхождении Святого Духа не только от Бога-Отца, но и от Бога-Сына – пресловутое «филиокве»), все активнее стремился к диалогу с Восточной – греко-католической (а если быть точнее, то греко-кафолической), или Православной – церковью.

Подобно жизни других императоров из дома Гогенштауфенов, вся жизнь Фридриха II была омрачена конфликтами с папским Римом. Еще во время своей коронации германским королем в Ахене в 1212 г. Фридрих дал обет принять участие в Крестовом походе. В период между 1219 и 1229 гг. обетованный поход в Святую Землю дважды откладывался им на более поздний срок. И все три раза срок выступления Фридриха в поход продлевался (анти) папой Гонорием III.

По Сан-Джерманскому договору 1225 г. Фридрих снова обязался выступить в Крестовый поход не позднее, чем через два года. Но это была уже последняя попытка. В случае нарушения данного обета императору грозило отлучение от Церкви. Когда Григорий IX в 1237 г. возшел на папский трон, он менее чем через месяц после своей интронизации призвал Фридриха выполнить, наконец, свое обещание. Хотя тысячи других крестоносцев, собравшиеся в августе того же года в южно-итальянском порту Брундизиуме (Бриндизи), не смогли переправиться морем в Святую Землю вследствие вспыхнувшей среди них эпидемии, император Фридрих, тем не менее, вышел в море. Однако в пути он также тяжело заболел и был вынужден снова сойти на берег в Отранто. Папа счел его болезнь притворством и по прошествии месяца отлучил Фридриха II (которого, за терпимость к магометанам, именовал не иначе, как «сицилийским султаном»), от Церкви (правда, не только за задержку с отправлением в Крестовый поход, но и за враждебность к основанной крестоносцами в завоеванном ими в 1204 г. отнятом у греков-византийцев Константинополе Латинской империи и за дружественные отношения с враждебным этой империи, правившим в Никее Иоанном Ватаци, объявившим себя наследником православных византийских императоров-василевсов). Тем самым ему было запрещено участвовать (до снятия отлучения) в Крестовых походах.

Невзирая на папское отлучение, римско-германский император весной 1228 г. направил своего маршала в сопровождении пятисот рыцарей в Палестину. В конце июня за ними последовал сам император во главе трехсот рыцарей (каждого рыцаря, за исключением самых бедных, «одноштных», сопровождало – в зависимости от его благосостояния – некоторое число вооруженной и невооруженной челяди – оруженосцев, лучников, пеших ратников, конных или пеших слуг, пажей и т.д.). Незадолго до высадки в Акконе, Фридрих II получил известие, что папа повторно отлучил его от Церкви, ибо он отправился в Крестовый поход, не дожидаясь снятия с него предыдущего отлучения.

Один из самых выдающихся вассалов этого величайшего монарха из дома Гогенштауфенов – Томмазо (Фома) I ди Аквино, граф Ачерра, будучи императорским наместником в Сирии, фактически проложил Фридриху путь в Страну Обетованную, сопровождал императора в его первом походе в Германию, затем был послан особым уполномоченным на Сицилию, а позже вел от имени «сицилийского султана» переговоры с папой римским. Впоследствии Томмазо II из Аквино (Аквинат), другой наместник Фридриха (и его зять), погиб вместе с последним Гогенштауфеном – Конрадином – в борьбе с французами Карла Анжуйского за Сицилию. Любопытно, что ближайший родственник двух этих лангобардских сторонников императора («гибеллинов») – виднейший римско-католический богослов Томас (Фома) Аквинский, автор «Суммы богословия» (лат.: *Summa Theologiae*), неустанный проповедник идей древнегреческого «царя философов» Аристотеля, прозванный «ангелическим доктором», пошел явно «не в родню», поставив все свои силы и таланты на службу партии «гвельфов» – сторонников духовной и светской власти римских пап. Но это так, к слову...

Из-за небольшой численности имевшихся у Фридриха II войск его военное положение в Земле Обетованной представлялось чрезвычайно неблагоприятным. Две сарацинские армии, значительно превосходящих военные силы римско-германского императора по численности, стояли наготове для уничтожения его войска. Надежд на приход значительных подкреплений из Европы, ввиду папского отлучения, питать не приходилось. Но Фридрих Гогенштауфен проявил всегда присущие ему качества незаурядного дипломата. В своем письме султану Египта аль-Камилю «сицилийский султан» подчеркивал следующее:

«Мы переплыли море не с намерением завоевать Вашу страну, ибо в Нашем владении и без того находится больше земель, чем у какого-либо иного властителя в мире, а для того, чтобы, согласно договору, принять под Наше покровительство Святую Землю. Христиане не беспокоят Вас, и Вам не придется проливать кровь Ваших подданных в войне против Нас».

Вся «франкская» (римско-католическая) знать Святой Земли была настроена против римско-германского императора. Ведь он находился под церковным отлучением, и никто не хотел иметь с ним дела – ни Патриарх Иерусалимский, ни кто-либо из духовенства, ни местные бароны, ни (не в последнюю очередь!) рыцарские ордены – за исключением Тевтонского. Тевтонский орден и его Верховный магистр Герман фон Зальца неизменно сохраняли Фридриху II верность.

Магистр «тевтонов» брат Герман оказывал императору немалые услуги не только на поле брани, но и в качестве советника и дипломата, в частности, выступая в качестве поистине незаменимого посредника в контактах между императором и римской курией (как глава военномонашеского ордена католической церкви, он формально подчинялся непосредственно римскому папе). Когда договор с султаном Египта был, после длительных переговоров, наконец, подписан, Герман фон Зальца в письме папе римскому, с которым был связан не менее тесно, чем с римско-германским императором Фридрихом, подчеркивал:

«Пока шла усердная работа над договором, султан и Государь Император, непрерывно обмениваясь посланцами, вели переговоры о заключении мирного соглашения. При этом султан Каирский, в сопровождении своего брата и бесчисленного войска, расположился лагерем в Газе, на расстоянии одного дня пути от нас, в то время как султан Дамаска также во главе неисчислимого войска, стоял на расстоянии одного дня пути от нас под Сихемом. Когда же начались переговоры о возврате нам Святой Земли, Господь Иисус Христос в Своей неизреченной благодати дал делу такой ход, что султан уступил Иерусалим с прилегающей округой Государю Императору и христианам; лишь монастырь под названием Храм Господа (резиденция ордена храмовников в иерусалимском «Храме Соломоновом», т.е. в стоящей на месте этого храма мечети Аль-Акса – В.А.) остался под охраной сарацинской стражи, поскольку сарацины давно уже молятся там; однако туда будут иметь свободный доступ как они, так и христиане, чтобы молиться там, каждый согласно своему закону. Кроме того, сарацины уступили нам урочище Святого Георгия и урочища по обе стороны дороги на Иерусалим, равно как и Вифлеем со всей округой и область между Акконом и Назаретом. И еще султан уступил нам крепость Тир со всем, что к ней относится, с урочищами и земельными владениями; город Сидон, со всей прилегающей к нему низменностью и всеми землями, принадлежавшими ранее, во времена мира, христианам. По договору христиане также получили право восстановить стены и оборонительные башни Иерусалима, а также крепости Яффу, Кесарию и наш новый замок Монфор (Штаркенберг, резиденцию Тевтонского ордена в Святой Земле – В.А.), строительство которого было начато нами в горах в текущем году. Нам представляется вероятным, что, если бы Император переплыл море, будучи в согласии с Римской Церковью, это принесло бы еще большую пользу Святой Земле. Согласно мирному договору, заключенному, сроком на десять лет, между султаном и Императором, ему и его людям не дозволяется возводить новые крепости и иные постройки. Кроме того, обе стороны обменялись всеми пленными, оставшимися не обмененными при оставлении Дамьеты и взятыми в ходе недавних боев. Теперь Император намеревается совершить со всем своим народом восхождение в Иерусалим, чтобы, как ему советуют разные люди, носить там венец во славу Царя всех Царей и с должным рвением посвятить себя восстановлению града Иерусалима».

Договор был не только блестящим образцом дипломатического искусства, но и образцовым примером взаимной терпимости между двумя религиями, ибо признавал, что Иерусалим является для магометан такой же святыней, как и для христиан. Мусульмане почитали этот город местом, откуда их пророк Магомет вознесся на небо.

Так император Фридрих II Гогенштауфен при помощи Гохмейстера Тевтонского ордена Приснодевы Марии безо всякого кровопролития вернул все, что стоило христианству и жителям Палестины стольких крови и страданий. Но даже теперь никто из «латинян» не предложил папе римскому снять с императора церковное отлучение. Напротив, Патриарх Иерусалим-

ский пригрозил, что отлучит от Церкви всякого жителя Святого Града, оказавшего какую-либо услугу императору в его стенах. Поэтому духовно-рыцарские ордены (кроме Тевтонского) и теперь не пожелали иметь ничего общего с отлученным от церкви императором. Впрочем, у них было для этого немало различных причин.

Во-первых, император Фридрих II был отлучен папой римским от Церкви; во-вторых, император не распространил действие своего договора с султаном на северные области Сирии и расположенные там город Триполи, иоаннитские крепости Крак де Шевалье и Маргат, тамплиерские крепости Шастель Блан и Тортозу, на Антиохию, а также на столь важные города Иерусалимского королевства, как Аскалон, Наблус, Тивериаду и не менее важные замки иоаннитов и тамплиеров, завоеванные султаном Египта и Сирии Саладином. Кроме того, тамплиеры были настроены против Фридриха II и заключенного последним с султаном договора еще и потому, что им не удалось заполучить обратно старинную резиденцию Великих магистров их ордена – Храмовый квартал в Иерусалиме с «Храмом Соломоновым».

17 марта 1229 г. Фридрих II Гогенштауфен, в сопровождении тевтонских рыцарей во главе с Верховным магистром ордена Приснодевы Марии братом Германом фон Зальца, совершил свой торжественный въезд в Святой Град, встреченный ликованием всех «латинян», прибывших вместе с ним. Вне себя от радости были, прежде всего, немцы. Император поселился в Доме (Госпитале) иоаннитов, чтобы на следующий день возложить на себя корону королей Иерусалима в Храме Живоносного Гроба Господня. Фридрих II обосновывал свои права на иерусалимскую корону женитьбой на Иоланде де Бриенн, юной дочери Иерусалимского короля-неудачника Жана де Бриенна, принесшей ему титул короля Иерусалимского в качестве «приданого». Правда, Иоланда умерла еще в 1228 г., после чего Иерусалимское королевство по наследству перешло к малолетнему сыну Иоланды и Фридриха, Конраду. Однако Фридрих Гогенштауфен объявил себя его опекуном и заявил о своем намерении править Иерусалимским королевством за своего сына до совершеннолетия последнего.

На церемонию коронации Фридрих II явился в сопровождении верных ему архиепископов Палермо и Капуи. Однако они не могли венчать его на царство, ибо, согласно чину Священного коронования, принятому в Святой Земле, церемонию коронации должен был провести лично Патриарх Иерусалимский или же его делегат. Между тем, Патриарх отклонил императорское приглашение. Поэтому вместо Патриарха мессу отслужил «брат-священник» Тевтонского ордена Приснодевы Марии. Император Фридрих сам взял в руки лежавшую на алтаре корону королей Иерусалимских и возложил ее на свою главу «в честь и во славу Предвечного Царя» (предвосхитив аналогичный поступок Наполеона I Бонапарта при короновании последнего императором французов).

При коронации Фридриха II королем Иерусалимским в 1229 г. рыцарям Тевтонского ордена была дарована почетная привилегия нести охрану Гроба Господня (дарованная ранее сепульхриерам, затем – госпитальерам-иоаннитам, а одно время – тамплиерам). Из-за своей безоговорочной поддержки своевольного императора из династии Штауфенов Тевтонский орден попал в сложную ситуацию. Впрочем, в 1230 г. папское отлучение с римско-германского императора было снято, а Патриарх Святого Града (пусть и задним числом) подтвердил его титул короля Иерусалимского.

Глубоко уязвленный враждебным отношением к нему иерусалимских знати и клира, Фридрих Гогенштауфен в скором времени опять отбыл в Аккон, а оттуда – через Кипр – в Италию, где наголову разгромил войска папских сторонников-гвельфов. В борьбе с противниками своей власти Фридрих действовал не менее безжалостно, чем его древнеримские предшественники. Всякое непокорство он воспринимал, как нарушение своих священных прав, и немедленно вводил в действие свою беспощадную сарацинскую гвардию. До нас дошел один из приказов, отданный императором Фридрихом II начальнику этой гвардии, направленной им против мятежного итальянского города Гаэты:

«Доверяя вашей искренней и стойкой верности, на которую Мы при всех обстоятельствах считаем возможным положиться, сочли Мы за благо поручить вам ведение войны против Гаэты и отмщение как городу, так и его жителям, изменившим Нам. Повелеваем вам, под страхом лишения вас Нашего благоволения, подступив к городу, прежде всего незамедлительно и со всей непреклонностью уничтожить все виноградники и плодовые сады. После чего надлежит вам, в целях приведения всей области к покорности, днем и ночью неукоснительно пребывать при метательных машинах, камнеметах и катапультах. По взятии города надлежит вам всех знатных горожан и лиц благородного звания, которых там найдете, ослепить, отрезать им носы и выгнать вон из города нагими. Женщинам же также отрезать носы для позора, после чего отпустить. Всех детей мужеского пола, которых там найдете, оскопить, после чего позволить им остаться в городе. Вам также надлежит разрушить до основания городские стены, башни и дома, кроме церквей и домов священнослужителей, коим вы не должны причинять никакого вреда. Когда весть о каре распространится по миру, то да содрогнется каждый изменник в душе и да преисполнится страха».

После примирения императора Фридриха II с папой римским тот, по договору от 23 июня 1230 г., снял с «сицилийского султана» церковное отлучение. Патриарху Иерусалимскому было дано указание отменить все еще сохранявший силу интердикт (запрет на отправление церковных треб), наложенный на принявший Фридриха Святой Град. Папа римский Григорий IX также признал договор, заключенный между Фридрихом II и султаном аль-Камилем, призвал к себе противившихся римско-германскому императору Великих магистров иоаннитов и тамплиеров и дал им поручение всеми силами обеспечивать в Святой Земле спокойствие и порядок. Султан честно соблюдал условия мирного договора, однако оба рыцарских ордена не делали этого в областях, на которых действие этого договора не распространялось. Вследствие общего для тамплиеров и иоаннитов недоверия к императору Фридриху Гогенштауфену (основу армии которого составляли пять тысяч конных сарацинских наемников, поселенных им в апулийском городе Лучеро, где император-вольнодумец даже воздвиг для них мечети с минаретами, с которых муэдзины ежедневно призывали мусульман к молитве!), оба ордена, вопреки договору, сговорились о совместных военных действиях против сирийских и палестинских мусульман.

8. О воинстве Христовом

Середина XIII в. стала подлинным «началом конца» эпохи Крестовых походов, и связанный с ее начальным периодом крестоносный энтузиазм стали заметно ослабевать. Однако идеал крестоносца, идеал рыцаря Христова сохранял свою привлекательность еще на протяжении долгих столетий и даже по сей день находит свое отражение во многих традициях, которые живы и поныне. Поэтому стоит упомянуть хотя бы некоторые из этих традиций и ценностей, с которыми вот уже на протяжении более чем полутора тысячелетий, начиная со времен древнехристианских святых и мучеников, сказаний о рыцарях Круглого Стола и святого Грааля, а затем средневекового рыцарства и в особенности – военно-монашеских орденов, ассоциируется рыцарский идеал.

К числу идеалов христианского рыцарства относились, с одной стороны, вооруженная борьба за ускорение прихода Царства Божия (необходимой предпосылкой которого, как известно всякому христианину, является евангелизация всех стран и народов), за спасение душ закосневших в язычестве детей Адамовых от вечного адского пламени, освобождение и защита христианских святынь и, прежде всего – Святого Града Иерусалима, а с другой – защита слабых, убогих, женщин и детей. Но наверняка существовало и немало иных причин, по которым множество доблестных мужей в расцвете сил и красоты, отказавшись от стяжания земных богатств и радостей семейной жизни, вступали в подобные рыцарские братства или, по крайней мере, в индивидуальном порядке стремились достичь на практике рыцарских идеалов. Важнейшая причина, несомненно, заключалась в готовности тогдашних христианских воителей, не щадя своей жизни, обнажить меч во имя ускорения прихода Царства Божия.

Наиболее ярко эта готовность проявилась в ходе Крестовых походов, как в Святую землю, так и в языческие земли Центральной Европы с целью их христианизации. Тогдашние летописи, а самое главное – последующая история данных земель – однозначно свидетельствуют о том, что большинство принимавших в те века крест рыцарей – вопреки усердно пропагандировавшемуся сперва властителями дум «века Просвещения», затем – либеральными историками прошлого века и, само собой разумеется, такими лютыми ненавистниками Веры Христовой, как советские (и не советские) марксисты, изображающие крестоносцев не иначе как скопищем лицемерных садистов и грабителей! – превыше всего ценило любовь к Богу и к ближнему своему и далеко не всегда спешило братья за меч. Но как не взяться, если язычники жарят живьем на медленном огне проповедующего им Благоую Весть мирного миссионера и тем самым отдалают день пришествия Царствия Божия! А свои души и души своих детей и сородичей обрекают на вечные адские муки! Могла ли смириться с этим душа тогдашнего глубоко верующего христианина! Подчеркнем – тогдашнего, а не теперешнего, который порой бывает, по слову Евангельскому, «не холоден и не горяч, а только тепел»...

Как бы то ни было, многочисленные и подробные письменные документальные свидетельства говорят о преимущественно мирном освоении крестоносцами земель, до их прихода по большей части непригодных для проживания человека или, в лучшем случае, малонаселенных. Рыцари строили больницы, сиротские и странноприимные дома и богадельни, церкви и монастыри, основывали города и села, осушали болота и вводили земледелие среди диких языческих племен, живших дотеле лишь охотой, рыбной ловлей, собирательством и бортничеством (сбором меда диких пчел), не знавших вкуса печеного хлеба и влачивших свое довольно жалкое существование под постоянной угрозой голода ввиду недостатка съестных припасов, для обеспечения которыми необходимо развитое сельское хозяйство. Таким образом рыцари, ордены, и в том числе – рыцарские ордены – способствовали распространению христианства, несли мир в земли, столетиями – чуть ли не со времен Великого переселения народов! – раздираемые кровавыми межплеменными междоусобицами, и культивировали огромные терри-

тории, превращая их из «медвежьих углов», чреватых постоянной смертельной угрозой для мирных христианских соседей, в часть цивилизованного мира.

Спору нет, христианская цивилизация средневекового Запада имела – как, впрочем, и всякая цивилизация вообще, немало теневых сторон, подробно распространяться здесь о которых нет особой надобности. Но идеализация царивших среди язычников Пруссии и Литвы дофеодалных, варварских порядков с кровной мстью, человеческими жертвоприношениями и поклонением демонам не к лицу даже атеистам – разумеется, если прогресс человеческой цивилизации имеет в их глазах какую-либо ценность. Ведь жмудины, литвины, ятвяги и пруссы вовсе не были какими-то кроткими агнцами, которых люто терзали свалившиеся им на голову ни за что не про что лютые крестоносные волки. Они жили набегами на своих христианских соседей. Убили миссионера Адальберта (Войцеха), причисленного папским престолом к лику святых и ставшего небесным покровителем Польши. Совместно с литовцами систематически разоряли сопредельные польские и русские земли. Конные прусские банды в несколько десятков всадников, стремительно, как волчьи стаи, спеша от одного селения к другому, опустошали усадьбы, убивали поселян, увозили имущество. Тем и жили. Позволительно спросить: кто же тут были агнцы, а кто – волки? Вторая причина, по которой осуществлялась вся эта неутомимая, разносторонняя деятельность под каждодневным девизом «ора эт лабора» (лат.: *ora et labora*, то есть «молись и трудись») была, по логике вещей, связана с достижением уже не только идеальных, но материальных целей, а именно – необходимости сохранения, расширения и финансирования орденского имущества, а также управления орденскими угодьями и владениями. Ведь, чтобы иметь возможность творить дела милосердия и благотворительности, надо обладать каким-то имуществом. Не имея ни гроша в кармане, нищему не подашь. Не имея хлеба в закромах, голодного не накормить. Не имея крыши над головой, странника не приютить. Чтобы рука дающего не оскудела, ему должно быть что давать и откуда брать.

Вне всякого сомнения, в Тевтонском ордене, как, впрочем, и во всех других орденах, имелись силы, для которых мирские помыслы, от предприимчивости и авантюризма до страсти к наживе, были важнее, чем вещи духовные. Поэтому существование орденов протекало под знаком постоянного дуализма, колеблясь между служением Богу и любовью к ближнему, с одной стороны, и принимавшим порой слишком мирской характер стремлением к приумножению имущества, славы и чести, а также к оказанию влияния на светских государей и князей Церкви, с другой. Наивысшие формы общежития той далекой эпохи возникли в результате соединения воедино дисциплины, силы и веры и реализовались в форме рыцарства, с одной стороны, и монашества – с другой. Логическим синтезом этих мощных групп или структур и являлись духовно-рыцарские

ордены.

9. Тевтонские рыцари в битве при Вальштатте

В кровавой битве при Вальштатте (Легнице или Лигнице) 9 апреля 1241 г. объединенное рыцарство римско-католической Европы скрестило копья и мечи с «несущими смерть Чингисхана сынами». В России об этом сражении мало слышаны, хотя для истории Польши и Германии она имеет не меньшее значение, чем для русских людей – битва с монголами на Калке. В обоих случаях выигранные монгольскими туменами битвы проложили войскам Великого хана дорогу в служившие целью вторжения страны, оказавшиеся, в результате разгрома, почти что беззащитными (или, во всяком случае, обескровленными). Тот факт, что под Лигницей в сражении со степняками пали, наряду с польскими рыцарями и рыцарями со всей Европы (в том числе даже французами и англичанами), также рыцари Тевтонского ордена, тамплиеры и иоанниты, полностью развенчивает распространенный у нас миф, согласно которому «римско-католическая Европа» (а в особенности – орден тамплиеров) якобы только тем и была занята, что «натравливала татар на православную Русь». Наоборот, в польских и немецких летописях сохранились сведения об участии в монголо-татарском нашествии на Польшу русских воинских контингентов. Вообще-то говоря, в данном обстоятельстве не было ничего особенного, поскольку включение войск покоренных стран и народов в состав собственной армии на положении вспомогательных частей было обычной практикой монголо-татар со времен самого Чингисхана. Однако это не слишком-то совместимо с расхожими представлениями о том, что древнерусские княжества служили исключительно щитом «между монголов и Европы» (как сказано у Александра Блока в его знаменитом стихотворении «Скифы»).

Наголову разгромив в марте 1241 г. под Краковом войско короля Польши Болеслава V и разграбив королевскую столицу, двадцать тысяч степных батыров вторглись в польское княжество (герцогство) Силезию. Князь (герцог) Силезии Генрих Благочестивый выступил против монголов во главе сорокатысячного войска, состоявшего из польских и немецких рыцарей, поддержанных многочисленными рыцарями-добровольцами из разных стран Европы, а также воинскими контингентами военно-монашеских орденов иоаннитов, тамплиеров и тевтонских рыцарей ордена Пресвятой Девы Марии. Первоначально Генрих думал закрепиться на оборонительной позиции близ города Лигницы, чтобы дожидаться шедшего ему на помощь войска чешского (богемского) короля Венцеля (Вацлава или Венцеслава). Однако монголы, узнав о приближении чешского войска, первыми напали на силезскую армию, применив против Христовой Воинства даже «реактивную артиллерию» (боевые ракеты китайского производства, распространявшие при взрыве удушливый черный дым). Это был первый засвидетельствованный в истории случай применения на европейском поле сражения боевых отравляющих веществ. Как ни храбро сражались витязи князя Генриха (среди которых своей доблестью выделялись «тевтоны»), оно потерпело сокрушительный разгром. Сам князь сложил голову в битве, большинство его рыцарей и воинов пало в жестоком сражении, длившегося от рассвета до заката. В рядах павших в сражении членов Тевтонского ордена и ордена иоаннитов погибли и последние добринские рыцари («братья Христовы из Добрина»), вошедшие в состав обоих орденов, соответственно, в 1235 и в 1237 гг. К вечеру к палатке главного монгольского военачальника хана Хайду (Кайду), внука Великого хана Угедэя и правнука Чингисхана, привезли девять огромных мешков, наполненных окровавленными ушами, отрезанными торжествующими победителями у убитых христиан.

Впоследствии гибель членов ордена тамплиеров от стрел, сабель и копий монголо-татар под Лигницей сыграла немалую (а, возможно, и решающую роль) в срыве так называемого «Желтого Крестового похода» монгольского полководца-христианина Китбуги в союзе с хри-

стианскими Грузинским и Армяно-Киликийским царством, а также государств крестоносцев в Святой Земле против мамелюкского Египта. Развивавшийся поначалу весьма успешно для объединенной армии врагов египетских магометан поход был сорван нападением сирийских тамплиеров, ударивших в тыл монголам (чтобы отомстить за гибель членов ордена Храма при Вальнтатте). Но это было уже позже...

Узнав о разгроме и гибели в битве силезского герцога, чешский король не решился вступить в бой с победоносными монголами один на один, предпочтя отступить на северо-запад и присоединиться к армии, собиравшейся под знамена римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена. Казалось, путь степным батырам в Европу открыт...

Однако потери, понесенные монголо-татарами, были также весьма ощутимы, и потому они не решились преследовать уцелевших воинов герцога Генриха и продолжить наступление в глубь собственно Германии («Священной Римской империи»).

10. Что произошло на Чудском озере

В начале XIII в. Прибалтика до границ с Литвой (не считавшейся частью Прибалтики до конца Первой мировой войны) была подданной русских феодальных государств (западная ее часть платила дань Полоцкому княжеству, восточная – «Господину Великому Новгороду»).

В 1199 г. папа римский Иннокентий III назначил епископом Ливонии Альбрехта (Альберта) фон Буксгевдена (Бугсгевдена, нем.: Vuxhoevede), который с помощью германского короля Филиппа Швабского и датского короля Кнуда VI Эстридсена высадился в 1200 г. на побережье реки (Западной) Двины (по-латышски: Даугавы, по-немецки: Дины, или, точнее, Дюны) и добился от вождей местных языческих племен предоставления земель, на которых он бы мог обосноваться. В следующем году епископ Альбрехт основал город Ригу и начал обращать в христианство местных жителей. Чтобы усилить воздействие на умы язычников «духовного меча» (который, по Евангелию, «есть Слово Божие») мечом железным, Альбрехт решил учредить военно-монашеский орден по образцу и подобию госпитальеров и храмовников, что и сделал в 1202 г. В 1204 г. папа римский, с подачи епископа Альбрехта, утвердил в правах орден рыцарей Христа, которые стали именоваться меченосцами (по красному изображению меча, нашитому на их белые плащи). О меченосцах (называвшихся по-латыни «гладиферами») будет подробнее рассказано далее, в отдельной, посвященной им главе нашей книги.

В 1209 г. ливонские «братья-меченосцы» сожгли расположенные на территории современной Латвии полоцкие крепости Кукенойс (Кукейнос, по-немецки: Кокенгаузен) на Западной Двине и Герцике (Ерсике, Ерсикю), но в 1210 г. подписали с Полоцким княжеством «вечный мир», согласившись выплачивать Полоцку «ливонскую дань» (выплату которой, однако, прекратили уже в 1212 г.). В том же 1209 г. ливонскими меченосцами после победы над язычниками-эстами был взят их город Отепя (по-немецки: Оденпе или Одемпе, по-русски: Медвежья Голова). Город и замок были сожжены меченосцами дотла, но вновь отстроены ими в 1215 г. С тех пор «медвежане» – воины из замка Медвежья Голова – не раз участвовали в военных столкновениях «ливонских немцев» с псковскими и новгородскими ратниками.

В то же время в южной Эстонии (Эстляндии) новгородские «вооруженные миссионеры» в 1209-1210 гг. крестили тамошних язычников в Православную веру. В 1212 г. южных эстов принудил к уплате дани сам новгородский князь Мстислав Мстиславич Удатный (то есть «Удачливый», хотя и называемый иногда неточно «Удалым»). Гладиферы наступали крепостями, строя их одну за другой – Венден (Вынну, Цесис, Кесь), Феллин (Вильянди) и т.д.

Восстав в 1217 г. против меченосцев, эсты обратились за помощью к русским (вероятно, в обмен на обещание креститься в Православную веру). В этом же году их союзное двадцатитысячное войско осадило крепость Оденпе, на помощь которой двинулся магистр (геермейстер) меченосцев Фольквин (Фолькевин, Волквин, Вольковин) во главе трехтысячного войска. Русскими войсками предводительствовали князь Владимир Полоцкий и посадник новгородский Твердислав. Меченосцы были разбиты в полевым сражении и укрылись за стенами Оденпе. Князь Владимир и посадник Твердислав взять Оденпе не смогли (вопреки ошибочным утверждениям некоторых историков), и отступили, вынудив меченосцев откупиться. Вообще следует заметить, что в описываемый период – за редким исключением – русским князьям никогда не удавалось захватить ни одного из осаждаемых ими в Ливонии замков. Обычно они отступали после непродолжительной осады (в лучшем случае – удовольствовавшись данью, взятой с осажденных).

В том же году в северную Эстонию вторглись датские крестоносцы.

В 1221 г. датский король Вальдемар II Победитель, установив морскую блокаду Риги, принудил епископа Альбрехта признать власть датской короны над Ливонией и Эстонией. В 1223 г. датский король позволил (уже своей властью) ордену меченосцев продолжить христиа-

низацию прибалтийских земель в восточном направлении, с тем, «чтобы они были верны ему», то есть Дании, и продолжали расширять датские владения к югу от Ревеля (по-русски: Колывани, по-эстонски: Таллинна=Таани-Линна, то есть «датского замка»).

В 1223 г. войско Великого князя Юрия Всеволодовича осадило Ревель, и датский король вернул права на Эстонию ордену меченосцев, получившему от римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена права на земли к востоку от Ливонии. Рыцарям ордена Меча, направляемым рижским епископом Альбрехтом фон Буксгевденом, удалось взять город Юрьев, обороняемый русским князем Вячеславом (Вячко) Борисовичем, и переименовать его в Дорпат (Дерпт, по-эстонски: Тарту).

В том же 1223 г. жители Оденпе отделились под власть Господина Великого Новгорода, отстроив городской замок заново (на этот раз из камня). В 1224 г. Новгород и Господин Псков (упорно не желавший признавать себя новгородским пригородом, или посадом) подписали с рижским епископом мир в обмен на выплату «юрьевской дани». В этом же году было учреждено Дерптское епископство. В конце 20-х гг. XIII в. Псков, объявив себя полностью независимым от Новгорода, уступил епископу и ордену меченосцев вассальные права на земли эстов, латгалов и ливов. Великий князь Ярослав Всеволодович, в четвертый раз приглашенный на княжение в Новгород (откуда его уже три раза изгоняли новгородские «вечники»!), подчинил Псков, но ряду псковских (и новгородских) бояр удалось бежать в епископские и орденские земли.

В 1233 г. меченосцы снова захватили Оденпе, превратив его в базу для набегов на псковские и новгородские земли.

В 1234 г. князь Ярослав Всеволодович выступил на Дерпт, сразился с вышедшим ему навстречу войском ордена Меча, порубил немало меченосцев, а часть загнал на тонкий лед реки Омовжи (по-немецки: Эмбах, по-эстонски: Эмайыге), не замедливший под теми проломиться – вот где, видимо, следует искать истоки легенды о «немцах, провалившихся под лед Чудского озера в 1242 г.», уже при сыне Ярослава – князе Александре) ! «И взял с ними мир по всей правде своей».

Князь Ярослав, а за ним – и княживший в Новгороде с 1238 г. сын Ярослава Александр, брал дань с Прибалтики, как ее истинный сюзерен. Между тем, «латинские» меченосцы и епископ Рижский (Ливонский) считали владельцами Прибалтики себя, а ее верховным сюзереном – римско-германского императора, поскольку, подобно древним римлянам и «восточным римлянам» – «ромеям»-византийцам, рассматривали в качестве владений «римского цесаря» весь «*orbis terrarum*» (лат.: «круг земной»), то есть, в принципе, ВСЬ МИР (по крайней мере, весь мир обитаемый, именуемый по-гречески «Ойкуменой», а по-латыни – «Экуменой»). В этом заключалась основная причина практически неразрешимого конфликта между ними и русскими княжествами.

В 1236 г. литовские язычники разбили объединенное войско ордена меченосцев и псковских православных крестоносцев в битве на реке Сауле (по мнению одних историков – близ нынешнего литовского города Шяуляй, по мнению других – на территории области племени земгалов, одной из провинций современной Латвии). В битве при Сауле погибли сорок восемь (или пятьдесят) «братьев-меченосцев» (включая их войскового магистра Фольквина), т.е. была уничтожена почти вся военная сила ордена. Из псковских православных крестоносцев после битвы с литовскими язычниками уцелел только каждый десятый. В российской историографии про поражение немецких рыцарей-монахов при Сауле вспоминать было не принято еще с царских времен, в силу того факта, что православные христиане-псковичи принимали участие в битве с литовцами на стороне побеждённых рыцарей-католиков, что совершенно не вписывается в господствовавшее долгое время официальное представление о «совместной борьбе русского народа и народов Прибалтики против феодальной шведско-немецко-датской католической агрессии».

А в изданной сравнительно недавно в серии «Живая история» книге Наталии Валентиновны Будур «Повседневная жизнь инквизиции в Средние века» (М., «Молодая гвардия», 2011, с. 41) дано следующее, совершенно искаженное описание битвы на Сауле:

«К счастью, соединенные силы литовских язычников и православных христиан разбили меченосцев в 1236 году под Саулисом (Шяуляем)».

Это называется «поставить все с ног на голову». Впрочем, бумага, как известно всем, и не такое стерпит...

В 1237 г. папа римский Григорий IX призвал шведов к Крестовому походу на финнов-тавастов, все еще коснеющих в язычестве (хотя с русской стороны их уже начали обращать в греко-кафолическую веру, иначе говоря – в Православие). На всякий случай юный князь Александр Ярославин выставил сторожу (стражу) на реке Неве. Ведь, заняв устье Невы, шведские крестоносцы могли бы отрезать Русь от Финляндии (Тавасталанда) и Прибалтики (входили ли подобные действия в их реальные планы – это другой вопрос).

К 1238 г. Тевтонский орден завершил покорение восточного побережья Балтийского моря (от устья Вислы до устья Немана).

В июне 1238 г. в резиденции датского короля Вальдемара II Победителя был заключен договор, подписанный королем, ливонским ландмейстером «тевтонов» и легатом папы римского в Прибалтике Вильгельмом Моденским, по которому Тевтонский орден Приснодевы Марии возвращал датчанам северную часть Эстляндии, а Дания отказывалась от претензий на остров Эзель (Сааремаа) и на западную часть Эстляндии. К описываемому времени литовский кунингас (Великий князь) Миндовг (Миндаугас) сумел объединить под своей властью Налынанскую, Жетувскую, Жемайтскую и часть Ятвяжской земель Литвы.

В 1240 г. ливонские «тевтоны» (орден меченосцев на тот момент уже был филиалом Тевтонского ордена) выступили из трех крепостей – Оденпе, Дерпта и Феллина, датские крестоносцы – из Ревеля, а шведские отправили из города Бирки (тогдашней столицы своего королевства) военно-морскую экспедицию в Ижорскую землю, платившую дань новгородцам. К ливонским «тевтонам», наступавшим на Псков, присоединился со своей дружиной и нашедший убежище во владениях ордена Девы Марии князь Ярослав Владимирович (сын изгнанного Мстиславом Удатным из Пскова князя Владимира), надеявшийся с помощью гладиферов вернуться на отцовское княжение.

Ливонские «тевтоны» осадили Изборск, хорошо укрепленный город на западной границе псковских земель. После нескольких неудачных приступов Изборск был взят. Недавние меченосцы, оставив там свой гарнизон, вместе с князем Ярославом Владимировичем двинулись дальше, на Псков. Псковичи во главе с воеводой Гаврилой Гориславичем (назначенным молодым новгородским князем Александром Ярославичем) выступили навстречу союзникам, которые дали им бой, невзирая на численное превосходство и отличное вооружение псковичей. Последнее обстоятельство было особо подчеркнуто в «Рифмованной хронике» Генриха Латвийского (Латышского) :

Жители Пскова тогда
Не возрадовались этому известию.
Так называется город,
Который расположен на Руси.
Там люди очень крутого нрава...
Они не медлили,
Они собрались в поход
И поскакали туда,
Многие в блестящей броне,
Их шлемы сияли, как стекло.

С ними было много стрелков.
Начался жестокий бой.

Невзирая на «крутой нрав», отличное вооружение и множество стрелков, псковичи были разбиты. В битве пало более восьмисот псковичей, в том числе их воевода Таврило Гориславич.

Уцелевшие в битве псковичи «вдали плещи» («вдаша плеша»), а попросту говоря – «взяли ноги в руки», т.е. побежали. Ливонские «тевтоны» и русская дружина Ярослава Владимировича преследовали их, но ворваться в Псков «на плечах» бегущих все же не успели. После недельной осады, собравшись с силами, «тевтоны» и воины князя Ярослава разорили земли вокруг Пскова и двинулись на Водьскую пятину (владение Господина Великого Новгорода), овладев там, в течение короткого времени, крепостями Копорье (Капория) и Тесов и создав, таким образом, опорную базу для завоевания Новгорода. При этом они, не собираясь тратить силы в долгих осадах, намеревались вынудить Псков и Новгород к сдаче при помощи разорения окрестных земель и экономической блокады. Это удалось им в отношении Пскова, где и без того имелась сильная партия сторонников князя Ярослава и ордена Девы Марии. Псковский посадник Твердило Иванкович сдал город ливонским «тевтонам» и стал править Псковом вместе с двумя «братьями-рыцарями», посаженными Тевтонским орденом в Пскове в качестве наместников-фогтов (по-польски: войтов, по-русски: тиунов).

В июле 1240 г. шведская корабельная рать вошла в устье Невы, чтобы покорить Ижорскую землю. Предводителем шведских крестоносцев традиционно считается ярл (старинный скандинавский титул, соответствующий английскому эрлу и немецкому графу) Биргер (зять короля Эрика Эриксона), хотя многие современные историки утверждают, что ярл Биргер в походе не участвовал, а предводителем шведов был другой военачальник – ярл Ульф Фаси. В «Житии Александра Невского» сказано, что во главе экспедиции стоял «король части Римской от полунощный страны», или, говоря по-нашему, «король римской (римско-католической) веры из Полунощной (т.е. Северной) страны» (не названный автором «Жития» по имени). По-видимому, шведы намеревались не брать Новгород штурмом, а построить крепость на побережье Финского залива, опираясь на которую, могли бы помешать местным племенам выходить по реке Неве в Балтийское море и грабить торговые суда и прибрежные районы Швеции (как это делали, например, воинственные и охочие до добычи карелы, разграбившие даже столицу Швеции Сигтуну и подарившие поддерживавшему их «Господину Великому Новгороду» так называемые «Корсунские врата», украшавшие до карельского набега кафедральный собор разграбленной Сигтуны). 15 июля 1240 г. юный князь Александр, во главе своей новгородской дружины и ладожско-карельско-ижорского (но отнюдь не новгородского!) ополчения, ошеломив «римлян» (так русский летописец именуется шведов, как исповедовавших римско-католический вариант христианской веры), нанес им ощутимые потери и ранил в конном поединке их предводителя (как бы того ни звали) в лицо («возложи» ему «печать на лице острым своим копием»). Согласно некоторым источникам, в битве также пали шведский «воевода» Спиридон (имя греческое, типичное для исповедников православной «греческой» веры, но крайне необычное для католика-шведа, тем более «подозрительное», что Спиридоном звали тогдашнего новгородского владыку, т.е. архиепископа). Потери войска князя Александра составили, согласно новгородским источникам, всего двадцать человек. Как только ошеломленные шведы опомнились и выстроились в боевой порядок, князь отступил. Погрузив своих убитых (в числе которых, по некоторым сведениям, был и «бискуп», то есть епископ римско-католической Церкви, прибывший якобы под Новгород в составе шведского войска – из чего делается вывод о, якобы, имевшемся у шведских «латинян» намерении перекрещивать новгородцев по обряду римско-католической церкви!) на корабли (часть из которых была вслед за тем затоплена), ушли восвояси и шведы. За эту молниеносную и блестящую победу князь Александр Ярославич получил прозвище «Невский».

Однако буйные «вечники»-новгородцы не нашли ничего лучше как изгнать князя Александра (они были явно недовольны его нападением на шведов, совершенным юным князем на свой собственный страх и риск, без согласования с боярством и вечем и, соответственно, без участия собственно новгородского ополчения) – причем как раз в тот момент, когда вчерашние меченосцы (уже влившиеся в ряды Тевтонского ордена Приснодевы Марии), в союзе с войсками дерптского епископа, взяли Изборск, порубили княжеского воеводу и псковичей, а посадник Твердило Иванкович и псковские бояре, настроенные сепаратистски (по отношению к своему «старшему брату» Великому Новгороду) впустили в Псков тевтонский гарнизон. Новгорода это не касалось, однако ливонские «тевтоны» сгоряча продвинулись до побережья Невы, в Карелию (папа римский авансом передал эти земли «латинскому» епископу острова Эзель, или, по-эстонски, Сааремаа), взяли Тесов и начали строить замок в Копорье. А это были уже земли «Господина Великого Новгорода».

В 1241 г. князь Александр Ярославин во главе новгородской рати и вспомогательных отрядов крещеных в Православие племен ижорцев и карел захватил «тевтонский» гарнизон врасплох в Копорье, отпустив часть пленных «тевтонов» и повесив местных «переветников» (изменников). Зимой же 1242 г. он, при поддержке дружины своего брата князя Андрея Ярославовича (но уже без участия новгородского ополчения), взял Псков (при штурме которого – согласно одним, более поздним, источникам – было убито семьдесят воинов ордена, в том числе «братьев-рыцарей» и «братьев-сариантов», а по другим – вообще никакого боя не было, а два единственных пребывавших в Пскове орденских наместника-фогта покинули город безо всякого сопротивления), а затем Изборск, и вторгся на территорию Дерптского епископства с войском из Северо-Восточной Руси, воспользовавшись восстанием пруссов против орденской власти в Помезании и Вармии (Эрмланде). Дать ему решительный отпор «тевтоны» были не в состоянии. Общая численность орденских войск составляла не более тысячи двухсот человек. Отряд же, направленный ими против Александра, едва ли насчитывал более пятисот человек, включая вспомогательные войска дерптского епископа Германа фон Буксгевдена (немцев – медвежан, юрьевцев) и датских «королевских мужей», присоединившихся к ливонским «тевтонам», согласно «Рифмованной хронике». Несомненно, именно этих датских «королевских мужей» имеет в виду древнерусский летописец, упоминающий собранное против князя Александра его противниками войско, под «помочью королевою» («с всеми бискупы (епископами – В.А.) своими, и с всем множеством языка их, и власти их, что ни есть на сей стороне, и с помочью королевою» – Полное Собрание русских Летописей, т. XVIII, стр. 64). Известный советский военный историк полковник (а впоследствии генерал-майор) Евгений Андреевич Разин истолковывает во Втором томе своей «Истории военного искусства» (стр. 159) выражение «с помочью королевою», как «войска короля шведского», на наш взгляд, без достаточных на то оснований. Тем более, что в описываемый период верховным сюзереном Ливонии считался датский король, бывший с королем шведским, как известно, «на ножах».

В пользу нашего предположения о немногочисленности войска противников князя Александра Невского говорят следующие факторы.

1) В описываемое время, после разгрома в описанной нами выше битве с татаро-монголами при Лигнице в 1241 г., «братьев-рыцарей» в ордене насчитывалось не более ста;

2) Рыцарское «копье» («глефа», «шписс», «ланце») в описываемое время состояло, включая возглавлявшего его «брата-рыцаря», из трех человек: рыцаря, «оруженосца» («брата-сарианта») и конного стрелка-арбалетчика (имевшиеся в «тевтонском» войске пехотинцы-«кнехты» в состав «копий» не входили) ;

3) Рыцарей в «баннере» («хоругви», «знамени»), согласно построению острия «клина» («кабаньей головы», или «свиньи», о которой у нас еще пойдет речь далее) должно было быть тридцать пять человек. Этому числу рыцарей соответствовали триста шестьдесят пять пехотинцев колонны (второй части построения). Таким образом, общее количество «тев-

тонов» составляло примерно четыреста человек (а не «десять-двенадцать тысяч воинства», как утверждает, например, Вадим Викторович Каргалов в своем очерке жизни и деятельности Святого Благоверного князя Александра Невского в книге «Полководцы X-XVI вв.», М., 1989, стр. 96). С учетом же данных ливонской «Рифмованной хроники» это число, равно как и потери, определяются с точностью до человека, что и делают современные российские историки Александр Владимирович Кибовский в своем труде «Ледовое побоище» и Леонид Александрович Маневич в своей работе «Русь и меченосцы».

Что же касается численности войска князя Александра Невского, то вряд ли оно значительно превосходило войско ливонских «тевтонов» и их союзников. На это также был ряд причин:

1) Войско князя Александра потерпело ощутимый урон при штурме Копорья, Изборска (и Пскова – если Псков был действительно взят штурмом) ;

2) Был конец зимы, когда продовольствие заканчивается вообще (а в разоренных войной землях тем более), следовательно, прокормить многочисленное войско (даже такое традиционно непрехотливое в пище, как русское) не представлялось возможным;

3) Начиналась весенняя распутица, которая затормозила бы продвижение многочисленного войска, да еще отягощенного большим обозом;

4) Одержав победу в Ледовом побоище, князь Александр не продолжил войну с Тевтонским орденом (что свидетельствует об отсутствии у него необходимых для этого сил).

Заметим в скобках, что князь Александр Невский, будучи женатым на Вассе – дочери князя Брючислава Полоцкого – имел в Ливонии и личные интересы.

Высланный князем Александром, вторгшимся в Ливонию, вперед для разведки передовой конный отряд под командованием Домаша Твердиславича (сына новгородского посадника Твердислава) и Кербета, был разбит «марианами». Домаш Твердиславич пал в бою, его отряд был разбит. Остатки отряда Домаша бежали и соединились с войском князя Александра, который отошел с территории Ливонии в сторону Чудского озера, или «вспятися на озеро», по выражению летописца.

5 апреля 1242 г. на льду (хотя целый ряд историков, вопреки устоявшейся традиции, и отрицает, что «на льду») Чудского озера (озера Пейпус) – а вовсе не Ладожского озера, как, ничтоже сумняшеся, утверждает ревнитель «родноверия» и сочинитель новоязыческих мифов Александр Игоревич Асов (он же – Бусов) в своем фантастическом опусе «Славянские руны и “Боянов гимн”»! – сошлись сотни тяжеловооруженных всадников. Одни из них – под началом князя Александра Невского, другие – под началом ливонского ландмейстера (провинциального магистра) Тевтонского ордена Дитриха фон Грюнингена (хотя его личное участие в побоище также отрицается целым рядом историков). Вместо Грюнингена (Гренингена) часто называется Андреас фон Вельвен – он же фон Фельбен (упоминаемый в «Житии Александра Невского» – хотя и без прямой связи с битвой на Чудском озере – как «Андреаш», прибывший познакомиться с князем Александром с Запада, от «тех, что именуют себя слугами Божьими»). В действительности Ледовое побоище происходило совсем не так, как описано в привычных нам учебниках (и уж тем более не так, как оно показано в фильме советского кинорежиссера Сергея Михайловича Эйзенштейна «Александр Невский»). У князя Александра было множество стрелков (вероятнее всего, конных), его дружинники были облачены в красивые панцири. Начищенные шлемы и богато расшитые знамена воинов русских князей сверкали на солнце. Далее мы еще подробнее коснемся этого аспекта битвы. Из красочной картины сражения, в котором Александр Невский (следует заметить, что, вопреки широко распространенным представлениям, он получил это почетное прозвище, увековечившее его победу над шведскими крестоносцами на реке Неве в 1240 г. отнюдь не сразу, а лишь посмертно, подобно своему потомку – Великому князю Московскому Дмитрию Ивановичу, разбившему татарское войско Мамай на Дону в 1380 г., но начавшему именоваться в честь своей победы «Донским» лишь

в произведениях московских книжников XVI в.) окружил ливонских «тевтонов» фланговой атакой кавалерии, а «тевтоны» проломили своей тяжестью лед, верно лишь то, что «тевтоны» во второй раз атаковали «свиньей». «Свиньей» («кабаньей головой») именовался плотный строй с тяжеловооруженными всадниками в «челе» (первых рядах, выстроенных «клином») и по бокам и пешими ратниками («кнехтами») в середине. Этот боевой порядок был необычен для светских рыцарей Европы. Большинство светских рыцарей, из соображений личной и фамильной гордости, просто не могло допустить, чтобы чье-то знамя находилось впереди их собственного. Светские рыцари с оруженосцами и челядью атаковали каждый сам по себе, образуя неправильную цепь. Новгородский летописец, писавший по горячим следам событий, воздал должное необычайно высокой дисциплине ливонских «тевтонов», которые «прошиблись свиньей сквозь полк» русских.

В первоисточнике – Новгородской Первой летописи – говорится просто: на восходе солнца в субботу немцы и чудь (эсты-эстонцы) атаковали русских «на Чудском озере на Узмени у Вороньего камня...и прошиблись свиньей сквозь полк, и была тут сеча велика немцам и чуди... и не было видно льда, покрылось все кровью...и немцы тут пали, а чудь дала плечи (бежала), и гоня били их на семи верстах по льду до Суболичьского берега, и пало чуди без числа, а немец четыреста, а иных пятьдесят руками взяли и привели в Новгород».

Согласно «Ливонской Рифмованной хронике» конца XIII в., «у русских было много стрелков, они отразили первую атаку, мужественно выстроившись перед войском короля (князя Александра – В.А.). Видно было, что отряд братьев («баннер» – «хоругвь», или «знамя», отряд численностью от тридцати до тридцати пяти рыцарей, а всего – до четырехсот всадников – В.А.) строй стрелков прорвал, был слышен звон мечей и видно, как раскалывались шлемы. С обеих сторон убитые падали на землю (или на траву, но не на лед! – В.А.). Те, кто был в войске братьев, оказались в окружении...братья упорно сражались, все же их одолели. Часть... вышла из боя, чтобы спастись... двадцать братьев остались убитыми и шестеро попали в плен». Цифры вполне соответствуют Новгородской Первой летописи: двадцать рыцарей сопровождало более четырехсот кнехтов, но в плен их всегда брали меньше (из в общей сложности пятидесяти немцев всего шесть рыцарей). Впрочем, скорее всего, под «братьями» в «Рифмованной хронике» подразумеваются не только орденские «братья-рыцари», но и «братья-сарианты».

Как известно, многие современные историки склонны считать, что тяжеловооруженный «клин» рыцарской конницы вовсе не врезался в глубь вражеского строя, а развертывался перед неприятельским фронтом в линию, после чего бой распадался на ряд поединков (иначе рыцари и конные воины второго и последующих рядов клина не смогли бы войти в боевое соприкосновение с противником). Но как же тогда быть с сообщениями летописцев (причем обеих противоборствующих сторон) о сплоченном тевтонском «отряде» («свинье»), прорвавшем русский строй? «Темна вода во облацех...»

В отличие от фильма Сергея Михайловича Эйзенштейна, «братьям» ливонского филиала Тевтонского ордена в этой сече противостоял вовсе не пеший строй новгородского ополчения (участие которого в битве представлялось крайне важным для советской кинематографии и историографии, дабы лишний раз подчеркнуть «исторически прогрессивный», «народный» и «классовый» характер Ледового побоища – ведь и сам князь Александр, по версии Эйзенштейна – в которой он, кстати, ни разу лба не перекрестит, предоставив тевтонским «врагам народа» в изобилии пользоваться всевозможной христианской символикой! – выступает как своеобразный «вождь народных масс», разгром которыми «тевтонской» походной часовни, с последующим бегством преследуемого серыми волками епископа со Святыми Дарами под мышкой, особенно смакуется тов. Эйзенштейном! – в борьбе не только с «феодалной агрессией» коварного «латинского» Запада, но и с «собственными эксплуататорами» – новгородскими и псковскими богатеями, среди которых присутствует, между прочим, и некий православный изменник-монах).

Никаких сведений об участии новгородского ополчения в Ледовом побоище (в отличие, скажем, от битвы с ливонскими «тевтонами» и их союзниками при Раковоре в 1268 г.) до нас не дошло. Кстати, даже если бы в Ледовом побоище и участвовало «народное» новгородское ополчение, оно было бы отлично вооружено и выглядело бы совсем не так убого, как в кино – мужики-лапотники с дубинами, ослопами, оглоблями, в «кольчужках» явно не по росту – «да не (классовый – В.А.) враг дал, сам ковал»! Или, как писала Наталья Кончаловская в неоднократно цитируемой нами книге «Наша древняя столица»:

И с дружиной наравне,
Мужики в овчинах,
Кто пешком, кто на коне,
Даже при дубинах.

Но дело-то совсем в другом. Ливонским «тевтонам» пришлось «пробиваться свиньей» через Передовой полк отборной владими́ро-суздальской княжеской «кованой рати» братьев Александра и Андрея Ярославичей, значительно превосходившей «мариан» (войско которых, как мы знаем, состояло в основном из легковооруженных чудинов-эстов) качеством и тяжестью вооружения.

О подавляющей мощи русских дружинников в двойных кольчугах и блистающих шлемах сообщают все «тевтонские» источники, начиная с «Рифмованной хроники» XIII в. В немецком описании Чудской битвы было к тому же особо подчеркнута, что суздальская конная рать «короля Александра» в изобилии имела луки, обладавшие огромной убойной силой. Именно градом стрел, выпущенных из этих (монгольских?) луков, русский Передовой полк отразил первую атаку ливонских «тевтонов».

Метит ратник, метит в цепь,
Что блестит на солнце, —
Хочет в шлем, в глазную щель
Поразить ливонца.
Стрелы острые у нас,
А попробуй, ну-ка!..
Попади «не в бровь, а в глаз» —
Хитрая наука!

(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

Ливонские «марианиты» повторили атаку, прорвали боевые порядки Передового полка и врубались в основную рать – Большой полк.

Расстановка русских войск была стандартной; князь во главе Большого полка в центре, впереди – Передовой полк, на флангах – полки Правой илевой руки. Возможно, имелся еще и резервный, Засадный полк (как в фильме Эйзенштейна), однако обрывистый восточный берег Чудского озера в районе Вороньего камня (если побоище действительно произошло именно там) делал его необязательным. Маневра для окружения ливонских «тевтонов» Александру Невскому не требовалось – ведь они сами буквально рвались в окружение, в котором и погибли. В самоубийственной второй атаке участвовало более четырехсот ливонских конных воинов, в том числе около двадцати пяти «братьев-рыцарей». Менее десятка смогло прорваться назад и бежать по примеру чудинов-эстов, составлявших «тело» железной тевтонской «свиньи». Двадцать «братьев-рыцарей» полегло в жаркой сече, шестеро было взято в плен. В этом тевтонская хроника точно совпадает с русской (вместе с кнехтами – пятьдесят плененных немцев и четыреста убитых, усеявших своими телами окровавленный лед Чудского озера).

Скорее всего, никакой лед под ливонскими «тевтонами» 5 апреля 1242 г. не проламывался, и под лед они не уходили (да и как в таком случае они смогли бы «усеять лед своими телами на протяжении нескольких верст»). Ведь место для битвы выбирал сам князь Александр, который уж точно не стал бы выстраивать свою собственную тяжеловооруженную отборную конницу на тонком, подтаявшем льду (именно на этом основании ряд историков вообще ставит под сомнение самый факт, что сражение произошло «на льду» Чудского озера, а не «при» Чудском озере)! Характерно, что даже Наталья Кончаловская в главе «Слово о побоище Ледовом» своей «Нашей древней столицы» не говорит ни слова о ливонцах, провалившихся под лед Чудского озера! А вот в другом, уже упоминавшемся нами выше, сражении ливонцев с русскими, восемью годами ранее, в 1234 г., отец Александра Невского – князь Ярослав Всеволодович, потопил «братьев» ливонского ордена меченосцев (не влившегося еще в более крупный и сильный Тевтонский орден) в реке Эмба, под хрупкий лед которой некоторые из них действительно провалились. Весьма красочный и леденящий душу мотив потопления немецких рыцарей, проваливающихся под лед, присутствует не только в фильме Эйзенштейна, но и почти на каждой картине, посвященной Ледовому побоищу. Но история его происхождения уходит в прошлое не далее, чем до XV в., когда он был впервые внесен в описание Чудской битвы, включенное в Софийскую Первую летопись.

Укажем, интереса ради, вес защитного вооружения западно- и средне-европейского рыцаря первой половины XIII в.:

- 1) Кольчуга с длинными рукавами (а не стальные кованые доспехи, появившиеся гораздо позже!) – около четырнадцати килограммов;
- 2) Кольчужные чулки (около восьми килограммов пара) ;
- 3) Щит (около четырех килограммов) ;
- 4) шлем (около четырех килограммов).

Таким образом, общий вес рыцарского защитного вооружения составляет около двадцати семи килограммов, при этом весьма равномерно распределенных по телу и нисколько не сковывающих движений (так что представление о «неповоротливых», «тяжеловесных», «неуклюжих» западных рыцарях на поверку оказывается не более чем мифом – во всяком случае, в отношении рыцарей XIII столетия). Для сравнения – полная выкладка современного пехотинца составляет более сорока (!) килограммов. Но это так, к слову.

А если даже кто-то из «тевтонов» и провалился под лед, то это могли быть только те «слуги Божии», которых воины князя Александра оттеснили на так называемые «сиговицы» – подтаявший лед, не выдержавший тяжести дерущихся и действительно проломившийся под ними. Видимо, среди этих немногочисленных провалившихся под лед были не только «тевтоны», но и дружинники князей Александра и Андрея. Судя по иконографическим источникам описываемого времени, вооружение и доспехи русских дружинников практически не отличались от вооружения и доспехов средне- и западноевропейских рыцарей и, соответственно, весило не меньше. Не зря в «Слове о полку Игореве», описывающем события конца предыдущего, XII в., уже упоминаются «латынские» (латинские, то есть западноевропейские) шлемы русских князей.

Новгородская летопись так и говорит: «...иних (некоторых, нескольких, кое-кого) вода потопи...». Впрочем, довольно об этом.

Судя по немецкой хронике, ливонские «тевтоны» и их союзники бросились в бой от страха перед могучей ратью (возможно, включавшей татар), с которой «король Александр» отвоевал у них Псков и новгородские владения, захваченные ненадолго «марианами», а теперь шел на Дорпат (Дерпт). Именно дерптский епископ Герман фон Буксгевден взывал к ордену о спасении. И «тевтоны» спасли его – хотя и ценой собственных жизней.

Впрочем, князь Александр не собирался осаждать и штурмовать Дерпт, претендуя лишь на дань, которую дерптский епископ был обязан платить новгородскому князю за право владения эстами.

Сразу же после битвы «Господин Великий Новгород» заключил мир – причем не с ливонским филиалом Тевтонского ордена, а с епископами Риги и Дерпта. Епископы прислали в Новгород посольство с извинениями за вторжение и предложением примириться на границах, существовавших до 1240 г., произведя обмен пленными. Как сказано в Новгородской Первой летописи, «в том же (1242) году прислали немцы с поклоном» в отсутствие князя что мы заняли Водь, Лугу, Псков, Латыголу (Латгалию) мечом, того мы все отступаем, а что мы взяли мужей ваших, теми разменяемся, мы ваших отпустим, а вы наших пустите», и заложников псковских отпустили и умирились». Стороны заключили мир, причем о возобновлении выплаты дерптским епископом «юрьевской дани» новгородскому князю и речи не было (хотя именно из-за невыплаты этой дани, собственно, и дошло дело до Ледового побоища) ! Не ясно, участвовал ли князь Александр в подписании мирного договора. Во всяком случае, в 1243 г. он уже замещал на владимирском «столе» (великокняжеском престоле) своего отца Великого князя Ярослава Всеволодовича, вызванного татаро-монгольским ханом в Орду.

Воодушевленные разгромом «тевтонов» в Ледовом побоище, в 1242 г. против власти ордена восстали пруссы. Непосредственной причиной восстания послужила, однако, не победа князя Александра, а нарушение Тевтонским орденом договора, по которому представителям прусской родоплеменной знати предоставлялось право участвовать в управлении делами земель. Восставшие опустошили Хелминскую землю (Кульмерланд), но большинство орденских замков устояло перед их натиском.

1 октября 1243 г. был подписан договор от взаимной защите и помощи между епископами Риги, Дерпта, острова Эзель и Тевтонским орденом Приснодевы Марии.

В 1244 г. в битве при Газе в далекой Святой Земле войско крестоносцев было разгромлено объединенной армией хорезмийских и египетских мусульман. После поражения Христовых воинов при Газе у Тевтонского ордена осталось в Святой Земле всего три (!) «братарыцаря» (триста девяносто семь «тевтонов» были убиты или попали в сарацинский плен).

В 1247 г. в Пруссию прибыло пополнение, состоявшее в основном из «братьев» других военно-монашеских орденов, и «тевтоны» перешли в наступление на прусских повстанцев.

23 ноября 1249 г. в битве при Крюкене пруссам удалось разгромить многочисленный отряд «тевтонов». В схватке пало пятьдесят четыре «орденских брата». Редко когда пруссам удавалось добиваться такого успеха в полевом сражении.

11. О высшем руководстве Тевтонского ордена

Тевтонский орден Пресвятой Девы Марии имел строгий устав и четкую иерархическую структуру. Во главе ордена стоял Совет (Конвент) высших должностных лиц, называвшихся по-немецки «(гросс) гебитигеры», в переводе на русский – «(великие) повелители» и, в свою очередь, возглавлявшихся «орденсгебитигером», избиравшимся пожизненно Генеральным Капитулом (административным советом) и носившим первоначально титул магистра – «магистер» (magister) по-латыни и «мейстер» (meyster, meister) по-немецки, впоследствии же титул Верховного магистра – «Супремус магистер» (supremus magister) или «Магистер генералис» (magister generalis) по-латыни и «Гохмейстер» (Hochmeister) по-немецки (старонем.: homeyster).

Данное обстоятельство следует особо подчеркнуть, поскольку глава Тевтонского ордена в русскоязычной литературе почему-то (вероятно, в подражание главам других военно-монашеских орденов – например, храмовников или госпитальеров) упорно именуется не «Верховным», а «Великим» магистром. Латинское слово «магистер» (нам более привычна русифицированная форма «магистр»), равно как и его немецкий эквивалент «мейстер» («майстер») означает «мастер» в античном и средневековом значении этого слова («начальник», «учитель», «наставник» или, как тогда говорили – «ректор» – сравните наше современное «мэтр» в значении «авторитет», «величина в своей области»). Например, в немецком переводе Евангелия ученики Иисусовы именуют своего Божественного Учителя «Мейстер» (буквально «мастер», «магистр»).

Верховный магистр Тевтонского ордена, осуществлявший, в соответствии со своим титулом, верховную духовную и светскую власть и подчиненный непосредственно римскому папе, избирался пожизненно, хотя иногда орденские рыцари его смещали (например, Гергарда фон Мальберга или Генриха Рейсса фон Плауэна), а порой – даже убивали (как Вернера фон Орзельна). Гохмейстер Карл фон Трир (Каролус де Тревери), смещенный своим окружением в 1317 г., покинул свою мариенбургскую резиденцию, был в 1318 г. восстановлен в должности на орденском Конвенте в городе Эрфурте, но в Мариенбург больше не вернулся, продолжая управлять орденом Приснодевы Марии из своего родного немецкого города Трира. Гохмейстер Буркхард фон Швенден (Бургардус де Сванден), выходец из Швейцарии, перед самым отбытием в Святую землю неожиданно вышел из Тевтонского ордена и вступил в орден госпиталириев, членом которого оставался до самой смерти (хотя и пытался впоследствии вернуться в орден Девы Марии). Но подобные случаи были крайне редки. По своему достоинству Верховный магистр, как духовное лицо, считался равным епископу римско-католической церкви, в знак чего носил полученный от папы епископский перстень («кольцо Верховного магистра») и посох. До наших дней сохранился перстень, датируемый первой половиной XIII в., якобы подаренный (анти) папой Гонорием III четвертому Гохмейстеру «тевтонов» брату Герману фон Зальца. Это массивное литое кольцо из червонного золота, украшенное большим, неправильной формы кроваво-красным рубином, обрамленным по бокам двумя крупными алмазами.

Первоначально Верховные магистры «тевтонов» носили такое же белое, с черным крестом на левом плече, облачение, что и все братья-рыцари своего ордена, независимо от занимаемой должности.

Единственным внешним отличием Верховного магистра от остальных рыцарей ордена Приснодевы Марии в описываемый ранний период орденской истории являлся нашитый на груди его белого кафтана (котты) или полукафтаны (сюрко) черный крест с серебряной окантовкой – первоначально прямой, но со временем превратившийся в лапчатый. И лишь гораздо позднее в гардеробе тевтонских Гохмейстеров появились упоминаемые в расходных книгах орденского казначея отороченные лисьим мехом перчатки, собольи накидки с золотой каймой,

дорогие русские меховые шапки, серебряные пряжки, золотые шпоры, янтарные четки и прочие предметы роскоши, отнюдь не подобающей монахам (пусть даже и рыцарского звания). К концу XV в. серебряную окантовку, судя по дошедшим до нас иллюстрациям и гравюрам, получили и черные лапчатые кресты на белых плащах простых рыцарей и священников Тевтонского ордена. Именно этот черный, прошитый серебром тевтонский крест впоследствии, в начале XIX в., вдохновил прусских художников на создание знака Железного Креста, а в годы Первой Мировой войны – эмблем для боевых машин и самолетов германской армии.

12. Избрание Верховного магистра «мариан»

Весьма любопытной представляется на наш взгляд процедура выборов Верховного магистра «тевтонов».

Сначала на заседании Генерального капитула зачитывался вслух Устав Тевтонского ордена. Затем служили обедню, во время которой каждый член капитула пятнадцать раз читал молитву «Pater noster» («Отче наш»). После этого торжественного богослужения устраивалась традиционная даровая трапеза для тринадцати убогих. Затем Великий комтур (заместитель Верховного магистра) назначал первого электора (выборщика), тот, в свою очередь – второго, потом первый и второй выборщики вместе назначали третьего выборщика, и так далее, пока общее число всех выборщиков не достигало тринадцати. Это число считалось священным – в память Христа и двенадцати его апостолов – и складывалось из одного «брата-священника», восьми «братьев-рыцарей» и четырех «служающих братьев», представлявших различные комменды (комтурии, командорства) Тевтонского ордена. Выборщики присягали на Святом Евангелии честно исполнить свой долг, после чего приступали к процедуре выборов нового Верховного магистра.

Как правило, выборы протекали спокойно, без особых разногласий, и завершались пением «Te Deum laudamus» («Тебя Бога хвалим...»). Затем заместитель главы ордена торжественно вручал вновь избранному Верховному магистру большую орденскую печать и перстень, символизировавший высшую власть над орденом. Под колокольный звон Верховный магистр, его заместитель и отправлявший торжественное богослужение «брат-священник» обменивались так называемым «поцелуем мира», после чего Верховный магистр, с согласия Генерального Капитула, назначал на высшие должности ордена новых «гебитигеров» (или оставлял в должности прежних).

Состояние орденской казны держалось в строжайшей тайне. Большая печать Тевтонского ордена хранилась в потайном шкафу с тремя замками. Ключ от первого замка хранился у самого Верховного магистра, ключ от второго замка – у Великого комтура, ключ от третьего замка – у «тресслера» (казначей). Поэтому открыть этот шкаф они могли только втроем. Таким образом, власть Верховного магистра, хотя и была по сути дела самодержавной, тем не менее, ограничивалась Генеральным капитулом – например, в столь важных финансовых вопросах.

13. О должностном гербе Верховного магистра

Прямой черный крест Верховного магистра Тевтонского ордена Приснодевы Марии на белом поле имел в центре черного одноглавого орла «Священной Римской империи (германской нации)» на золотом щите. На черный крест был наложен более узкий золотой крест королевства Иерусалимского, основанного крестоносцами в Земле Обетованной (так называемый «Крест императора Констанция» – по древней легенде, римскому императору Констанцию, сыну первого христианского императора – Святого Равноапостольного Царя Константина Великого, в небе над Иерусалимом привиделся крест именно такой формы), чаще всего имевший форму, именуемую в геральдике «костыльной» или «усиленной» (с поперечными перекладинами на концах лучей креста), оканчивающийся на концах золотыми геральдическими лилиями.

Черный одноглавый имперский орел на гербе Гохмейстера «мариан» связан с буллой римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена 1226 года, даровавшего тевтонскому Верховному магистру наследственные права суверенного владетельного государя в завоеванной Пруссии (не входившей в состав «Священной Римской империи») и титул князя (по-немецки: «фюрста», *Fuerst*, по-латыни: «принцепса», *princeps*) «Священной Римской империи германской нации» (во входивших в состав империи орденских владениях «тевтонов»).

Золотой иерусалимский крест был дарован Верховным магистрам Тевтонского ордена королем Иерусалимским Гвидо (ном) Лузиньяном вместе с рядом привилегий за заслуги тевтонских рыцарей в борьбе против сарацин в Святой земле. Золотые же лилии на концах креста в гербе Верховного магистра Тевтонский орден за аналогичные заслуги получил от французского короля-крестоносца Людовика IX Святого. К середине XIV в., в эпоху расцвета Тевтонского ордена в Пруссии, этот уже далекий от первоначальной монашеской простоты, пышный герб украшал

белое облачение, доспехи, щит, конскую попону, Большую и Малую хоругвь Верховного магистра (а с середины XV в. и по сей день – богато украшенный шейный крест на черной ленте и металлический крест, который Гохмейстеры носят слева на груди, в качестве своеобразного эквивалента орденской звезды).

14. Все ли тевтонские рыцари были дворянского происхождения?

В качестве полноправных членов в Тевтонский орден в первые столетия его существования принимались главным образом отпрыски дворянских родов (как правило, младшие сыновья мелкопоместных рыцарей, не получавшие доли в отцовском наследстве), но, наряду с ними, также и не принадлежавшие в рыцарскому сословию (лат.: *ordo equester*, буквально: «всадническому сословию» – термин, заимствованный из терминологии Древнего Рима, где «всадниками» – «эквитами», лат.: *equites* – именовалось второе по знатности, богатству и значению сословие после патрициев-сенаторов) бюргеры (горожане) – главным образом, граждане торговых ганзейских городов Бремена и Любека (как дань уважения первым «тевтонским» странноприимцам, происходившим из этих двух городов) – и хорошо зарекомендовавшие себя незнатные воины-крестоносцы.

Последние за особые заслуги, пройдя период послушничества и после принесения необходимых обетов и принятия монашеского пострига, возводились в сан «брата-рыцаря» (лат.: *frater miles* или *frater militarius*, буквально: «брата-воина») Тевтонского ордена лично Гохмейстером (который сам обычно был выходцем из нетитулованного рыцарского сословия, и лишь в редких случаях – из аристократических родов «Священной Римской империи германской нации»). Подниматься по служебной лестнице до высших административных должностей могли, как правило, лишь «братья-рыцари», хотя бывали и исключения. Так, например, Верховный магистр Карл фон Трир был сыном горожанина (бюргера) из немецкого города Трира (античной Августы Треверорум) на Рейне. «Братья-рыцари», «братья-сарианты» и «братья-священники» приносили обет пожизненного служения Тевтонскому ордену.

«Братья», вступившие в Тевтонский орден, передавали ему всю свою движимость и недвижимую (если таковая имела), навечно вешали щиты со своими фамильными гербами (если обладали таковыми) на стены орденской церкви и отныне украшали свой щит только черным на белом поле крестом ордена Святой Девы Марии. В случае их смерти или исключения из военно-монашеского братства все внесенное ими имущество оставалось в собственности Тевтонского ордена. И лишь впоследствии, когда орден превратился из военно-миссионерской организации в «госпиталь немецкого дворянства» (для вступления в который стали требоваться все более длинные списки поколений благородных предков), дело дошло до нашивания фамильного герба тевтонского рыцаря поверх украшавшего его белый плащ черного орденского креста, наложение родового герба на орденский крест в геральдических документах и других вопиющих нарушений устава Тевтонского ордена. Кстати, почему, собственно говоря, «Тевтонского» и какое отношение «тевтоны» или «тевтонцы» имеют к немцам и Германии?

15. О происхождении слова «тевтоны»

Первые упоминания о «тевтонах» (лат.: *teutoni*) относятся к 350-320 гг. до Р.Х., когда древнегреческий мореплаватель Пифей (который, кстати, впервые поведал миру о существовании за Полярным кругом таинственной земли «Крайняя Туле», или «Крайняя Фула» (лат.: *Ultima Thule*) из Массилии (Марселя) достиг северо-западного побережья современной Германии и обнаружил обитавшее там племя «тевтонов». Согласно Пифею, эти «тевтоны» вели с греками меновую торговлю «электроном» (то есть «солнечным камнем» янтарем), который собирали на каком-то острове «Абал» (Абалон, Авалон – возможно, «Остров Яблок», связанный в позднейших легендах с феей Морганой и королем Британии Артуром Пендрагоном?), лежащем в одном дне пути от побережья (некоторые историки пытались локализовать «Абал» в районе современного немецкого острова Гельголанд). Во второй раз греко-римский мир столкнулся с тевтонами в 104-101 гг. до Р.Х., когда они, в союзе с племенем кимвров, чуть было не завоевали Италию, но были разбиты римским диктатором Гаем Марием с двух кровопролитных сражениях – при Аквах Секстиевых и при Верцеллах. Долгое время позднейшие исследователи считали оба северных племени германскими (тем более, что античные историки не сразу начали отличать древних германцев от их западных соседей – кельтов, или галлов). В настоящее время большинство историков склоняется к тому, чтобы считать кимвров все-таки не германцами, а кельтами (об этом, в частности, говорит, чисто кельтское имя их вождя – Бойорикс, или Бойориг). Тевтонов же (и их «короля» Тевтобода, нем.: *Teutobod*), разбитых римлянами в 102 г. до Р.Х. в Галлии, с некоторыми сомнениями (высказываемыми прежде всего французскими историками в приливе «галльского», то есть «кельтского» патриотизма) все-таки относят к числу германцев, хотя известно, что в пантеоне именно кельтских (а не германских) божеств был «одноименный» тевтонам бог Тевтат (*Teutatis* или *Toutatis*). На языке древних германцев существительное «тиот» (*tiot*) или «тиод» (*tiod*)

означало «народ», а прилагательное «тиотиск» (*tiotisk*) – «народный». После основания древнегерманских королевств на развалинах Западной Римской империи в V в. по Р.Х. официальным языком, а кое-где – и языком знати, духовенства и вообще – образованных людей в них стала латынь, а германские диалекты стали пренебрежительно именоваться «тиотиск» (*tiotisk*), то есть «(просто) народный» язык. В IX в. крупнейшее из образовавшихся на бывших римских землях «варварских» государств – Франкское королевство (лат.: *Regnum Francorum*) – разделилось на две половины: Западнофранкскую (давшую начало позднейшей Франции) и Восточнофранкскую (давшую начало позднейшей Германии).

К тому времени западные франки, перемешавшиеся с романизированным населением завоеванной ими прежней римской Галлии, окончательно забыли свой «простонародный» германский язык, а восточные франки, продолжавшие жить на своих коренных германских землях (в Германии и по сей день существует историческая область, называемая по-русски «Франкония», а по-немецки – просто «Франкен», *Franken*, то есть буквально «франки»), наоборот, сохранили свой язык «тиотиск» (*tiotisk*). Но его название теперь уже произносилось как «тейч» или «тойч» (*deutsch*), от чего, в свою очередь, произошло современное название немецкого языка – «дойч» (*deutsch*), или, как чаще пишут по-русски, «дейч». Так слово, означавшее «простонародный», стало этнонимом, то есть обозначением германоязычной немецкой нации.

Однако средневековые книжники-латинисты, в соответствии со столь распространенной в те времена «фантастической этимологией», то есть исключительно по созвучию, возвели слово «тойч» = *deutsch* («немецкий») к не совсем ясному по своему происхождению, но прославившимся в войнах с великим Римом и тем самым сделавшим родство с ними лестным для любого народа «тевтонам» (по-немецки это слово звучит как *Teutonen* = «тейтонен» или «той-

тонен»), и сделали, в соответствии со вкусами своего времени, оваянное славой древних веков слово «тевтон» синонимом слова «немец» (по аналогии с тем, как французов стали, на древнеримский манер, именовать «галлами», англичан – «бриттами», шведов – «готами», русских – «скифами» или, того хлеше, «тавроскифами», а поляков – так даже «сарматами»). Поэтому Немецкий орден («Тейчер Орден»=Teutscher Orden, а позднее «Дейчер Орден»=Deutscher Orden) стал, в переводе на латынь, именоваться «Ордо Тейтоникорум» (Ordo Teutonicorum или Ordo Theutonicorum), а орденская провинция Германия (Аллемания) стала называться «Тевтонией» (Teutonia).

16. Знамена и хоругви

На Главной хоругви Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии были изображены Пресвятая Богородица с Богомладенцем Иисусом на руках, а справа от Богородицы – герб ордена – прямой черный крест на белом (серебряном) поле. Вероятно, данное изображение украшало аверс главной орденской хоругви «тевтонов», в то время как на ее реверсе был изображен святой мученик Маврикий (так, во всяком случае, обстояло дело с главной хоругвью ливонского филиала Тевтонского ордена – прямого наследника прибалтийского ордена воинства Христова, или меченосцев, известного также как орден Меча). Наличие у рыцарей-«мариан» этой Главной хоругви с образом Пресвятой Богородицы, Небесной Покровительницы и Заступницы ордена, не подлежит никакому сомнению, будучи засвидетельствовано многочисленными хрониками и другими документами, однако о ее наличии в рядах тевтонского войска Верховного магистра брата Ульриха фон Юнгингена в день битвы с польско-литовско-русским войском под Танненбергом 15 июля 1410 г., не сообщает ни один хронист. Возможно, кому-то из тевтонских рыцарей удалось спасти это главное знамя своего ордена, вследствие чего оно не попало в руки победителей и, соответственно, в известный список хоругвей и знамен Тевтонского ордена (лат.: «Бандерия Прутенорум», *Vandēria Prutenorum*, то есть «Прусские знамена»), составленный польским хронистом каноником Яном Длугошем.

Другое боевое орденское знамя, так называемая Большая (Великая) хоругвь Тевтонского ордена, было первоначально совершенно белым, безо всяких изображений. Позднее Большая хоругвь представляла собой белое полотнище с прямым черным крестом и тремя косицами (что соответствовало рангу Верховного магистра). «Земский магистр»-ландмейстер имел хоругвь с двумя косицами. Каждый отряд («хоругвь», «фане», «баннер») орденского войска имел собственное знамя (также именовавшееся хоругвью или баннером) с различными геральдическими изображениями.

На знаменосцев возлагалась весьма почетная, но вместе с тем и весьма опасная миссия – возить знамя, беречь его как зеницу ока и в то же время не забывая своевременно подавать знаменем необходимые сигналы своим войскам (в лязге и грохоте тогдашних рукопашных схваток команды, да и трубные сигналы очень быстро становились неразличимыми, так что вся надежда была на знамя). Знамя было лучшим средством оповещения и ориентиром. К нему стягивались (от этого, кстати, происходит и одно из русских названий знамени – «стяг») войска для перестройки и новой атаки. Знаменем подавались сигналы в бою.

Внезапное исчезновение знамени-хоругви во время боя – это случилось, к примеру, с главным знаменем польского войска при Танненберге – Большой (Великой) Краковской хоругвью – могло вызвать панику, его утрата символизировала поражение и считалась огромным позором. Неправильно поданный знаменем сигнал мог привести собственные войска в замешательство (что произошло в ходе битвы при Танненберге, когда изменивший «тевтонам» кульмский рыцарь – вассал ордена Девы Марии – Никкель (Нильце, Нитце) фон Ренис подал своим знаменем (на одной половине которого, согласно описанию польского хрониста Яна Длугоша, были изображены белые, а на другой – красные волны с черным крестом и черной чертой наверху) ложный сигнал к отступлению и способствовал поражению «тевтонов»). За подобные действия орденский Устав предусматривал смертную казнь для нерадивого (или вероломного) знаменосца. Обезглавлен был и Никкель фон Ренис (правда, не сразу). Хотя к знамени-хоругви приставляли надежную охрану, служить знаменосцем (хоругвеносцем) было небезопасно. Знаменосец постоянно являлся первоочередным объектом вражеских нападений и потому всегда носил особо прочное защитное вооружение. Нередко роль знаменосцев выполняли орденские комтуры. Полотнище знамени должно было иметь довольно большие размеры, чтобы хорошо

различаться издали, но не слишком большие, чтобы не обматываться вокруг головы знаменосца или головы его коня (что могло иметь фатальные последствия).

Древко знамени обычно заканчивалось острием, как у копья. Как уже говорилось, в бою знамя тщательно охранялось. Устав Тевтонского ордена требовал назначать в эскорт знамени только самых опытных, отборных «братьев-рыцарей», вооруженных мечами (иногда даже парой мечей каждый), булавами, шестоперами, чеканами и боевыми топорами, готовых и способных отбить любое вражеское нападение. Им было строжайше запрещено отлучаться в ходе боя от знамени и оставлять его без защиты. Рыцарям «знаменной группы» не выдавались копья, поскольку для нанесения «таранного» удара копьем необходимо было разогнаться, а, следовательно – покинуть знамя, оставив его без присмотра. В качестве дополнительной меры предосторожности, для предотвращения паники в случае потери знамени, комтур обычно имел запасное знамя, обернутое вокруг копья. Но Большая (Великая) хоругвь ордена Святой Девы Марии, а также Большая (Великая) и Малая хоругви Верховного магистра существовали только в одном единственном экземпляре.

Со временем у Тевтонского ордена появился свой собственный флот, превратившийся во внушительную военно-морскую силу на Балтике. Мачты орденских кораблей были украшены белыми флагами, а корма и борта – белыми щитами с изображенными на них черными крестами (первоначально – прямыми, а позднее – лапчатыми).

17. «Белые плащи»

Основную ударную силу орденского войска «мариан» составляли тяжеловооруженные «братья-рыцари» («белые плащи»), сражавшиеся преимущественно в конном строю. По крайней мере, так было в начальный период пребывания ордена Пресвятой Девы Марии в Палестине, где главными противниками «тевтонов» выступали арабские и тюркские наездники-мусульмане (сарацины) и в Седмиградье (Трансильвании), где «Божиим дворянам» пришлось иметь дело с легкой конницей куманов (половцев), от которых «тевтонам», приглашенным венгерским королем Андреем II (Андрашем, Эндре), надлежало оборонять границы Венгрии.

Но в ходе покорения Пруссии и других прибалтийских земель ситуация во многом изменилась. Кстати, такая возможность была предусмотрена и статьей 22-й орденского Устава тевтонов «О том, что относится к рыцарству», в которой, в частности, говорилось: «Воистину, поскольку известно, что орден сей специально учрежден для войны против врагов Креста и Веры, то в зависимости от разнообразия земель и обычаев и нападения врагов надлежит сражаться разным оружием и разными способами...»

Действительно, местность в Пруссии и Лифляндии (Ливонии), изобиловавшая густыми лесами, болотами и реками, была не слишком пригодной для традиционного рыцарского конного боя. Поэтому, в отличие от классического ведения рыцарями военных действий на территории Святой Земли и Европы (преимущественно конного), тевтонским «братьям-рыцарям» часто приходилось вести бой пешими и биться нередко нетипичным для рыцарей оружием. Так, например, «брат-рыцарь» Генрих фон Таупадель (разумеется, прекрасно владевший копьем, мечом, топором, шестопером и булавой), особенно прославился своей меткой стрельбой из «(ручной) баллисты», то есть из самострела, «кущи», или арбалета (хотя в составе войска ордена имелись наемные арбалетчики и лучники – как, впрочем, и отличная наемная пехота и легкая кавалерия – «туркополы», подчинявшиеся, как и в ордене иоаннитов-госпитальеров, особому орденскому должностному лицу – туркопольеру).

Согласно орденскому летописцу брату Петру из Дусбурга, при осаде орденского замка Шенензе вождем прусского языческого племени бартов Диваном (Диване) : «...брат Арнольд Кроп выстрелом из баллисты прострелил горло упомянутому Дивану. Остальные ни с чем ушли».

А при штурме прусскими язычниками замка Кенигсберг: «...один брат среди прочих оборонявшихся был вынужден бросить заряженную баллисту и едва спасся бегством. Подняв эту баллисту, один самб повесил ее себе на шею. Другие, окружив его, чрезвычайно дивились тому, что это такое, ибо раньше такого не видели, и прикасались к ней руками в разных местах; наконец, когда кто-то нажал на спуск, струна (тетива – В.А.) баллисты перерезала ему горло, так что вскоре он умер. Поэтому пруссы с тех пор очень боялись баллист».

Еще недавно даже многие историки (недооценивавшие значение постоянной физической тренировки и непрерывного военного обучения) считали, что «неповоротливые» средневековые рыцари, якобы, физически не способны сражаться в пешем строю (по причине тяжести доспехов). Необходимо заметить, что это – очень старое заблуждение. Еще в XIII в. жертвой подобных ложных представлений пал князь («принцепс», получивший впоследствии титул «дукс», *dux*, то есть «герцог») Поморский (Померанский) Святополк (Свантеполк), бывший союзник Тевтонского ордена в борьбе с язычниками-пруссками, со временем изменивший ордену и даже возглавивший восставших против ордена пруссов (чтобы со временем предать и их и снова переметнуться на сторону «тевтонов»; брат Святополка, князь Ратибор, даже вступил в Тевтонский орден).

Недооценка боевой выучки и физических способностей «Божьих дворян» дорого обошлась поморскому князю. Орденский хронист брат Петр из Дусбурга так писал о битве, в которой «тевтоны» нанесли просчитавшемуся «дуксу» Святополку тяжелое поражение:

«Но Свантеполк, полагая, что братья (тевтонские рыцари – В.А.) не собираются бежать, повелел тысяче лучших бойцов своего войска спешиться, наставляя их, чтобы они с превеликим шумом и гамом напали на братьев и, встав под прикрытием щитов, своими копьями пронзили бы коней христиан, говоря: «На них тяжелые доспехи, и они не могут сражаться пешими».

Между тем, ход сражения показал, что Святополк жестоко просчитался. Его войско было наголову разгромлено «марианитами», даже лишившимися своих боевых коней.

В период пребывания Тевтонского ордена в Святой земле европейские боевые кони были редкостью. Братья ордена Приснодевы Марии вынуждены были пользоваться низкорослыми лошадьми местных сирийских пород (так называемыми «туркоманами»), а нередко даже сражаться в пешем строю. Большую помощь ордену оказали легкоконные отряды туркополов, вербовавшиеся первоначально из сирийских и палестинских христиан, а впоследствии – из осевших в Святой земле «франков», перенявших у арабов, сирийцев, армян и турок их коней, вооружение и военную тактику.

Во владениях Тевтонского ордена (в том числе – в Пруссии) имелись превосходные по тем временам конные заводы. Боевые кони «тевтонов» являлись результатом тщательной селекции, направленной на соединение качеств лошадей арабских пород, с которыми «мариане» познакомилась и ценить которых они научились еще в палестинский период существования ордена, и европейских тяжелозовов. Конь не должен был бояться противника, а наоборот, бросаться на него и бить неприятельских коней и воинов передними ногами, вставая на дыбы. Главный недостаток рыцарских коней заключался в их быстрой утомляемости. Они были не способны к быстрой скачке галопом, предпочитая двигаться медленным шагом или рысью. Непоправимый урон прусским конным заводам – залог боевой мощи орденской кавалерии – был нанесен литовско-польским войском после поражения орденской армии при Танненберге летом 1410 г. Конные заводы подверглись разгрому и опустошению, множество чистокровных лошадей угнано в Литву и Польшу. Впрочем, пока что до этого было еще далеко...

Передвижение рысью, особенно мучительное для всадника, считалось у «братьев-рыцарей» и «братьев-сариантов» Тевтонского ордена суровым наказанием. Час движения рысью в полном боевом вооружении был для них настоящей мукой. Хорошо известно, однако, что они садились на боевых коней только в самый последний момент перед сражением, двигаясь до этого на других, походных лошадях, обычно местной низкорослой прусской породы (так называемых «швейках» или «шейках»). Для перевозки оружия, имущества и припасов использовались еще менее ценные вьючные лошади.

«Братья» Тевтонского ордена Святой Девы Марии отличались высоким боевым духом и в плен обычно не сдавались (во всяком случае, врагам Христовой Веры; Впрочем, те их обычно в плен и не брали, предпочитая сжигать живьем на кострах или, вспоров им животы, водить вокруг дерева, наматывая кишки Христовых воинов на древесный ствол, пока истязуемый не отдавал Богу душу). Среди них было распространено поверье, согласно которому каждый «тевтон», павший в бою за веру, причислялся к воинству небесному, т.е. становился ангелом (замещая одного из ангелов, соvrащенных в начале времен Сатанайлом-Сатаной, увлекшим треть небесного воинства на бунт против Бога, понесшим поражение от архистратига архангела Михаила и низвергнутого со своими приспешниками в ад кромешный, где они превратились в бесов). Поэтому воины Девы Марии шли в бой без особого страха (во всяком случае, в эпоху классического религиозного сознания), зная, что в случае мученической смерти на поле брани пополнят собой число ангелов. Они придерживались строгой монашеской дисциплины и по пятницам обязательно бичевали себя сами или друг друга – в память крестных мук Спасителя.

Как мы уже упоминали выше, орденское облачение «марианитов» строго регламентировалось Уставом. Так, «братья-рыцари» (лат.: «фратрес милитес», *fratres milites*, нем.: «риттер-брюдеры», *Ritterbrueder*) в мирное время носили длинный белый кафтан (котту или якку) в военное время – более короткое полукафтанье (сюрко) без рукавов, а поверх него – плащ (мантию), и то, и другое – белого цвета. В военном походе кафтан (полукафтанье) и плащ надевали поверх доспехов. На своей белой военной одежде и белых плащах тевтонские рыцари носили орденскую эмблему – прямой (позднее – лапчатый) черный «латинский» (с более длинным нижним лучом) крест, пришиваемый слева на плащ напротив сердца и на грудь кафтана (полукафтаны).

Поэтому не удивительно, что греческий путешественник из Восточной Римской империи (Византии) Ласкарис (Ласкарь) Канан, совершивший в начале XV в. самое дальнее путешествие в страны Западной Европы (включая даже Исландию, которую он, вслед за античным географом Клавдием Птолемеем, именовал «Фулой», или «Туле»), совершенное когда-либо византийцами, описывая Ливонию (где он посетил, в частности, города Ригу и Ревель), подчеркивал, что городами управляет архиепископ, а страной – «дукс (лат.: *dux* – полководец, воевода, отсюда титул вождя итальянских фашистов Бенито Муссолини – «дуче», *duce* – В.А.) – великий магистр белых одеяний и черного креста».

Черный орденский крест украшал также белые орденские знамена, флажки-прапорцы на копьях, щиты, а в некоторых случаях – также шлемы и белые попоны боевых коней. Каждый «брат-рыцарь» обязан был иметь трех лошадей (для боя и для перевозки поклажи) и одного конного оруженосца – «брата-сарианта» (от французского слова «сержант» и латинского слова «сервиент», то есть «слуга»). В соответствии с требованиями орденского устава, каждый тевтонский «брат-рыцарь» был оснащен всем необходимым вооружением – прочным, удобным, но безо всяких узоров или украшений (на последнее обстоятельство обращал особое внимание еще Бернар Клервосский в своей «Похвале новому рыцарству», обращенной в первую очередь к тамплиерам, но служившей руководством и для других военно-монашеских орденов «Церкви воинствующей»). Обычный набор рыцарского вооружения включал длинное копье с древком из ясеня, граба, пихты или яблони, обоюдоострый меч, кинжал и булаву (а иногда еще и шестопер-пернач, боевой топор, или секиру).

Защитное вооружение «брата-рыцаря» Тевтонского ордена в период войн в Святой Земле, Трансильвании, Пруссии и Ливонии включало клепаный шлем с наносником, защищавшим в бою лицо рыцаря от ранений, и кожаным подшлемником, стеганой суконной шапкой или кольчужным колпаком, амортизировавшим удары (вытесненный со временем, хотя и далеко не повсеместно, горшковидным шлемом с глухим забралом и прорезями для глаз), длинной кольчуги с рукавами, кольчужных чулок с металлическими наколенниками (нередко – с кольчужными башмаками), иногда – кольчужных или латных рукавиц, а также щита – в описываемую эпоху преимущественно треугольного или каплевидного (миндалевидного).

Шлем удерживался на голове прочными кожаными завязками. Щит, изготовленный из прочных досок, обтянутый толстой кожей и обитый металлическим ободом, был оснащен системой кожаных ремней, позволявших удерживать его либо на руке, либо на плече. Обычно щит был белого цвета с черным орденским крестом (форма которого не была единообразной в течение всего периода существования Тевтонского ордена, а периодически изменялась под влиянием моды и иных обстоятельств), но имели место и исключения из этого правила.

Так, например, дошедший до наших дней щит Гохмейстера «мариан» Карла Трирского (Карла фон Трира), имевший форму сужающегося книзу овала, был не белого, а красного цвета, с желтым ободом (украшенным выполненной черными литерами латинской надписью следующего содержания: «Щит и шлем магистра ордена тевтонских братьев»), с изображением увенчанного шлемом должностного герба Верховного магистра). Впрочем, существует пред-

ставляющееся вполне обоснованным мнение, что этот богато украшенный щит был не боевым, а исключительно парадным (церемониальным).

Составляя со своим боевым конем единое целое, устремив вперед зажатое под мышкой копьё, «братья-рыцари» и «братья-сарианты» ордена Пресвятой Девы Марии Тевтонской были способны, во славу Христовой Веры и своей Небесной Покровительницы, пробить самую прочную неприятельскую броню.

По Уставу Тевтонского ордена его членам (подобно тамплиерам и госпитальерам) строжайше воспрещалось носить какие-либо украшения. Тем не менее, со временем к этим запретам стали относиться более снисходительно, чем в первые, суровые века существования ордена Пресвятой Девы Марии. Так, при описании Танненбергской битвы 15 июля 1410 г. польский историк Ян Длугош упоминает, что рыцарь ордена Приснодевы Марии брат Диппольд Кикериц фон Дибер (напавший на самого польского короля Владислава Ягелло), в белом тевтонском плаще, был с головы до ног облачен в богато украшенные доспехи и препоясан золотой перевязью. У самого Верховного магистра Тевтонского ордена брата Ульриха фон Юнгингена, павшего в этой битве, на груди поверх лат висел на золотой цепи золотой же ковчежец со святыми мощами, а по другой версии – даже с частицей Святого Истинного Креста (якобы делавший его неуязвимым для неприятельского оружия; по легенде, сразить его удалось только еще более священной реликвией – Голгофским копьем сотника Лонгина, которым тот некогда пронзил ребро распятого на кресте Богочеловека, каким-то таинственным образом доставленным на поле битвы из Кракова, где оно хранилось с того времени, как было подарено римско-германским императором Оттоном III из династии Салиев своему вассалу Болеславу Храброму, правителю Польши), и т.д.

Разумеется, со временем, по мере утяжеления и усложнения наступательного и оборонительного вооружения, западноевропейских армий, введения в них артиллерии и ручного огнестрельного оружия, соответствующие изменения происходили и в войсках Тевтонского ордена (как, впрочем, и в войсках других военно-монашеских орденов). А после утраты тяжелой рыцарской конницей с ее длинным копьем статуса основной ударной силы на полях сражений эту роль стала играть превосходная, по тем временам, артиллерия ордена Приснодевы Марии.

18. Комтуры

Особо важное место среди «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена занимали комтуры (коммендаторы, комментуры или командоры). Эти должностные лица ордена Пресвятой Девы Марии, избираемые из числа наиболее опытных и одаренных «братьев-рыцарей», управляли определенными территориями или областями «тевтонского» орденского государства, являясь одновременно комендантами замков-монастырей, представлявших собой церковные, военно-административные и хозяйственные центры означенных территорий.

Соответственно, на комтуров, подчиненных «ландмейстерам» (магистрам орденских провинций, или земским магистрам) возлагались орденским руководством церковные, административно-хозяйственные и военные функции. В военное время комтуры возглавляли отряды орденских «братьев-рыцарей», несших военную службу в подчиненных им округах-комтурствах (комтуриях) и составлявших конвент (совет) их комтурий (с которым комтуры, в случае необходимости, советовались по важным вопросам), и представляли собой своеобразный командный состав среднего звена. Положение и должность обязывали комтуров сражаться в первых рядах, поэтому потери среди них были особенно велики.

Так, например, один из «тевтонских» должностных лиц, брат Генрих Штанге (комтур Христбурга, исполнявший одновременно обязанности вице-магистра Пруссии), согласно некоторым источникам, был обязан своим прозвищем (словом «штанге», Stange, на средневерхне-немецком языке именовалось рыцарское копьё) виртуозному искусству, с которым он владел копьем, и вышел победителем из бесчисленного количества конных схваток на копьях (хотя его противники – язычники-прусссы, которых – к сожалению, не только в популярной литературе! – вопреки исторической правде, нередко изображают толпой пеших, косматых лесовиков с дубинами и топорами! – также прекрасно владели искусством конного боя на копьях). Комтур Генрих Штанге, вместе со своим братом Германом, пал

в бою с прусским племенем самбов при Гермау в 1253 г., прикрывая отход христианского войска в безопасное место. Как писал орденский летописец брат Петр из Дусбурга в своей «Хронике земли Прусской»: «Об этом брате Генрихе Штанге, комтуре Христбурга, достоверно повествуется, что, когда он в часовне, преклонив колена перед алтарем, молил Бога, чтобы Он явил ему какой-нибудь знак, если считает его достойным своей милости, то деревянная фигура Распятого, перед которой он молился, протянула руку свою и, осенив крестом, благословила его, и он, увидев этот знак, ушел довольный. Это видел и сообщил всем брат Гейндрик, священник этого же замка, который молился в то время в одном углу часовни».

Черные кресты на белом одеянии комтуров, обозначая их высокий ранг, были большего размера, чем у рядовых «братьев-рыцарей».

Заместителем комтура был «домовый комтур» (гаузкомтур, Hauskom-tur), облеченный правом принятия решений в отсутствие (а также в случае тяжелого ранения, болезни или гибели) комтура.

Тевтонские воители шли в бой с песнью, созвучной пасхальной молитве: «Christ ist erstanden von der Marter alle...» (по-латыни: «Christus resurrexit de mortuis...», а по-русски: «Христос воскрес из мертвых смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав»). Утверждение некоторых авторов, будто члены Тевтонского ордена при встрече приветствовали друг друга словами «С нами Бог!» (нем.: «Готт мит унс!», Gott mit uns!), хотя и представляется нам вполне соответствующим духу времени, не находит себе подтверждения в орденском Уставе рыцарей Девы Марии.

Девиз Тевтонского ордена звучал (и звучит по сей день) : «Исцелять-Защищать-Помогать» (нем.: Heilen-Wehren-Helfen).

19. «Братья-священники»

«Братья-рыцари» (нем.: «пристербрюдер», *Priesterbrueder*) и «братья-сарианты» («сариантсбрюдер», *Sariantsbrueder*) Тевтонского ордена, будучи монахами, несли военную службу, различаясь по сословным признакам. Но, наряду с «братьями-рыцарями» и «братьями-сариантами», в Тевтонский орден входили также «братья-священники» (а не «братья-монахи», как иногда неправильно утверждают – ибо монахами являлись все полноправные члены ордена Девы Марии). Для «братьев-священников» ордена Приснодевы Марии происхождение из того или иного сословия значения не имело. «Братом-священником» мог стать как дворянин, так и простолюдин. Численность «братьев-священников» (приносивших, в отличие от «братьев-рыцарей» и «братьев-сариантов», только три «классических» монашеских обета – нестяжания, безбрачия и послушания, но не приносивших обета побороть на язычников) довольно сильно колебалась в различные периоды истории ордена Девы Марии, но они на протяжении долгого времени уступали «братьям-рыцарям» как в числе, так и во влиянии.

В силу своего статуса «братья-священники» обычно не принимали участия в прямых боевых столкновениях с неверными. Тем не менее, их существование отнюдь не было тихим и безмятежным. В военных походах «братья-священники» неизменно сопровождали орденское войско, разделяя с воинами Христовыми все тяготы и трудности походной жизни, и в то же время неустанно вели миссионерскую деятельность на покоренных территориях, населенных язычниками. Мало того! Иные «братья-священники», по собственному почину, получив благословение Верховного магистра, отправлялись нести Слово Божие язычникам на еще не христианизированные территории, и нередко погибали от рук язычников. Многие из них приняли мученический венец за Христа и Христианство. Если язычникам удавалось разбить орденское войско, они обычно никого не оставляли в живых, предпочитая сжигать пленных заживо в жертву идолам. Но если у «брата-рыцаря» или «брата-сарианта», попавшего в руки нехристей, имелся хоть какой-то шанс быть выкупленными или обмененными, то «брата-священника» во всех случаях ждала верная, мучительная смерть (обычно на костре).

В орденской хронике описан подвиг некоего «брата-священника», спасшего своих собратьев по ордену от верной смерти, дав им возможность скрытно бежать из осажденной язычниками крепости. Этот старый и больной «брат-священник», у которого отнялись ноги, так что он мог передвигаться лишь с невероятным трудом, каждый канонический час звонил в колокол, делая вид, что собирает орденский гарнизон на богослужение, тогда как «тевтоны» в действительности уже давно скрытно покинули обреченную крепость. В конце концов, язычники распознали его хитрость и замучили немощного старика, оправдавшего своим подвигом слова Священного Писания: «Нет любви больше той, как если кто положит душу свою за други своя».

Как уже говорилось выше, среди «братьев-священников» ордена Пресвятой Девы Марии были выходцы как из дворянского сословия, так и из простолюдов. Согласно Уставу, они носили черную рясу, а поверх рясы (начиная с 1244 г.) – белую мантию с черным орденским крестом (так что часто встречающееся утверждение, будто «только «братья-рыцари» Тевтонского ордена были вправе носить белый плащ с черным крестом» на поверку также оказывается неверным!) и выстригали на макушке «гуменце»-тонзуру, как и все римско-католические священники того времени. Бороду «братья-священники» Тевтонского ордена, судя по сохранившимся иллюстрациям, стали носить лишь в конце XV в. (в то время, как тевтонским «братьям-рыцарям» носить ее с самого начала предписывалось Уставом, как и рыцарям ордена тамплиеров, поэтому поляки и литовцы именовали их «бородачами»; литовцы срезали убитым в бою «тевтонам» бороды вместе с кожей подбородка и с нижней губой – подобно тому, как индейцы сдирали скальпы с голов поверженных врагов – и украшали ими свои шатры и кон-

скую сбрую). Никакого оружия (кроме «духовного меча, который есть Слово Божие») «братьям-священникам» по Уставу, разумеется, не полагалось.

20. «Услуживающие братья»

Третью группу (сословие, или чин) членов Тевтонского ордена составляли уже упоминавшиеся нами «сарианты», или «услуживающие братья», по-немецки: «диненде брюдер», *dienende Brueder* (именуемые по цвету их одежды «серыми плащами», по-немецки: «граументлер», *Graumaentler*) – «слуги (динеры) ордена» в самом широком смысле этого слова. «Услуживающие братья» набирались из представителей незнатных сословий, но, тем не менее, являлись полноправными воинами. Впрочем, часть из них, так называемые «кнаппены» (*Knappe*), служившие «денщиками» (нем.: «лейббуршами», *Leibburschen*) и оруженосцами у «братьев-рыцарей», могли быть как незнатного, так и знатного рода. В последнем случае они почти всегда могли надеяться на то, что их, в свое время, также посвятят в рыцари Тевтонского ордена, в первом случае такая надежда была весьма слабой (хотя все-таки была). В бою «братья-сарианты» (лат.: «фратрес сервиентес», *fratres servientes, fratres sarjandi* или *fratres sariandi*, нем.: «сариантсбрюдер», *Sariantsbrueder*) могли исполнять функции младшего командного состава, возглавлять отряды ополчения принадлежавших ордену Девы Марии земель, причем сражались не только в пешем, но и в конном строю.

Так, например, именно «братья-сарианты» составляли основную часть орденского контингента в рядах «латинского» войска, разбитого Святым Благоверным князем Александром Невским в Ледовом побоище на Чудском озере в 1242 г. Согласно уставу, в мирное время «братья-сарианты» занимали низшие административные должности – ведали конюшнями, кузницами, сбруей, обмундированием, служили воинами, оруженосцами и т.д. и т.п.

По Уставу «услуживающим братьям» разрешалось приносить не обязательно пожизненный, но и временный обет служения ордену. Это послабление облегчало обеспечение набора достаточного количества «услуживающих братьев» в войско перед военными походами, тогда как в периоды затишья нужда в них порой отпадала. В соответствии с требованиями орденского Устава, «услуживающие братья»

носили кафтаны, полукафтаны и плащи не белого, а серого цвета. Существует глубоко укоренившееся и широко распространенное заблуждение (разделявшееся прежде и автором данных строк), согласно которому серые плащи, кафтаны, полукафтаны (и даже щиты!) «братьев-сариантов» Тевтонского ордена были якобы украшены «трехлучевым» черным крестом без верхнего конца (так называемым «донаторским», или «донатским», крестом), «Крестом Святого Антония», или «Тау-крестом», имевшим форму заглавной буквы «Т»; порой он именуется в геральдике просто «костыль»), и что, соответственно, попоны боевых коней у конных «братьев-сариантов» также были не белого (как у «братьев-рыцарей»), а серого цвета, с черным «Тау-крестом».

В действительности «братья-сарианты», являвшиеся совершенно полноправными членами Тевтонского ордена, носили на кафтанах, полукафтанах, плащах и вооружении обычный «четырёхлучевой» черный орденский крест (в отличие от «полубратьев» и «фамилиаров» ордена, действительно носивших «Тау-крест»; но о них пойдет речь далее).

Вооружение «братьев-сариантов» (меч, копье, кинжал, топор и булава) было добротным, удобным и качественным, почти ни в чем не уступая вооружению орденских «братьев-рыцарей». Однако их доспехи в большинстве случаев были легче рыцарских, вследствие чего «сарианты» обычно составляли среднюю конницу ордена Девы Марии Тевтонской.

21. «Полубратья» и «фамилиары»

Как уже упоминалось выше, существовала и еще одна категория членов Тевтонского ордена – так называемые «полубратья» (лат.: «димидии», *dimidii*, или «семифратрес», *semifratres*). В эту категорию зачислялись некоторые союзники «кавалеров Святой Девы Марии» и «благодетели» или «донаторы» (а говоря современным языком – «спонсоры» ордена). Главные задачи подавляющего большинства «полубратьев» (приносивших при вступлении в Тевтонский орден обеты целомудрия, послушания и бедности и вносившие в качестве вклада всю свою движимость и недвижимость) лежали в сфере хозяйственной деятельности в орденских имениях. «Димидиус» был лично свободным человеком. «Полубратья» занимались сельским хозяйством, уходом за скотом и тому подобными важными делами, снабжая орден всем необходимым, однако не будучи обязаны ему военной службой, к которой «полубратья» привлекались только в самых крайних случаях (при нападениях неприятеля на имение, в котором они трудились на благо ордена, в случае острой нехватки воинов после тяжелого поражения, связанного с большими людскими потерями, и т.д.). В отличие от «братьев-рыцарей», «полубратья» (подобно «братьям-сариантам» и «братьям-священникам») брили усы и бороду.

Ниже «полубратьев» в орденской иерархии «тевтонов» стояли так называемые «фамилиары» (афилированные в Тевтонский орден миряне, то есть «члены орденской семьи», именуемые одно время – в XIX в. – «марианами» или «марианцами» – к тому времени этот термин уже перестал употребляться как синоним слова «член Тевтонского ордена»). «Фамилиары» не принимали монашеский постриг, вели обычную мирскую жизнь за пределами орденских «комменд» (уже упоминавшихся нами выше замков-монастырей), не выходя из своего сословия, но должны были выполнять определенные обязанности по отношению к ордену Девы Марии. В их число входили арендаторы орденских земель, обязанные являться по призыву орденских властей «людно, конно и оружно» в случае войны, управители орденских мельниц, странно-приимных домов, постоялых дворов и пр.

В знак своей принадлежности к ордену Девы Марии «фамилиары», подобно вышеупомянутым «полубратьям» (но не «братьям-сариантам!»), носили черный «половинчатый (половинный) крест» в форме буквы «Т», или «Тау», («крест святого Антония»).

Если «димидиус», или «фамилиар», умирал, не оставив наследников, его имущество наследовал Тевтонский орден.

Кроме того, в «тевтонском» военно-монашеском братстве существовал институт «орденских сестер», то есть монахинь, приносивших орденские обеты и проживавших в монастырях, подчинявшихся Верховному магистру. Институт тевтонских «орденских сестер» угас в эпоху Реформации и был восстановлен лишь в XIX в. Для выполнения определенных работ (например, в госпиталях или орденских хозяйствах) разрешалось привлекать и особ женского пола, именовавшихся «полусестрами» (нем.: «гальбшвестерн», *Halbschwestern*) – по аналогии с «полубратьями» Тевтонского ордена.

22. О дальнейшей эволюции орденских «сословий»

Орден Пресвятой Девы Марии сохранял вышеописанную членскую структуру, с некоторыми изменениями, вплоть до 1923 г., когда во главе Тевтонского ордена был – впервые за всю его историю – поставлен в качестве Верховного магистра не «брат-рыцарь», а католический священник. Более того, сам институт «братьев-рыцарей» в рамках Тевтонского ордена был ликвидирован, в результате чего резко повысился статус института «фамилиаров». После Второй мировой войны Верховный магистр стал практиковать посвящение членов ордена из числа его «фамилиаров» в «почетные рыцари» («рыцари чести», нем. «эренриттер», Ehrenritter), но только за особо выдающиеся заслуги перед орденом Девы Марии.

Для справки: в настоящее время Тевтонский орден как таковой состоит только из «братьев-священников», «услуживающих братьев», «орденских сестер» и «фамилиаров». «Братья-священники» (включая самого Верховного магистра, также являющегося священником, а не рыцарем) сохранили право на старинный орденский белый плащ с черным крестом. «Фамилиары» же носят в торжественных случаях не белые, а черные плащи с нашитым напротив сердца черным крестом на белом щите. Черные плащи «фамилиаров» ордена Пресвятой Девы Марии скреплены на груди белым, с черными полосками, шнуром «тевтонских» орденских цветов. Но об этом будет еще подробнее рассказано далее.

Надо сказать, что структура членов Тевтонского ордена на протяжении его более чем восьмисотлетней истории была подвержена постоянным изменениям. Орден сам дал себе строгий Устав, регулирующий общежительство, богослужение, служение ближнему и внутреннюю иерархию. Еще в начальный период своего существования в качестве странноприимного братства в Акконе «слуги Божьи» учредили пять филиалов в нескольких городах Святой Земли – Газе, Яффе, Аскалоне, Раме и Замси. Затем Тевтонский орден основал целый ряд новых странноприимных домов вдоль маршрутов крестоносцев и паломников, ведущих со всех концов Европы в направлении Средиземноморья и Палестины, в том числе госпитали в Верхней и Нижней Италии, Австрии и Богемии (Чехии).

После своего окончательного превращения в духовно-рыцарское братство Тевтонский орден стал быстро обрастать новыми владениями. На протяжении XIII в. ежегодно создавались все новые орденские комменды. К 1300 г. в составе орденских владений «мариан» насчитывалось уже около трехсот комменд, разбросанных на огромном пространстве от Балтийского моря до Атлантического океана, от Швеции и до Сицилии. Так, например, в 1119 г. была основана комменда Зоннтаг в тогдашней Южной Штирии (находящаяся ныне на территории Словении), в 1200 г. – комменда Галле на реке Заале в Восточной Германии (по другой версии. Галльская комменда была основана в 1118 г.), в 1202 г. – комменда Боцен (Больцано) в Альто-Адидже (Южный Тироль), в 1204 г. – комменда Прага в Чехии, Вена и Троппау в Австрии, в 1209 г. – филиалы в Греции, в 1210 г. – в Баварии, в 1218 г. – в Голландии, в 1225 г. – в Швейцарии, в 1228 г. – во Франции, а затем – комменды в Пруссии, Померании и Ливонии (Лифляндии), давшие начало компактному орденскому государству.

23. Об орденской иерархии «тевтонов»

Структура владений Тевтонского ордена лишь в очень редких случаях совпадала с границами тогдашних феодальных государств. Каждое крупное орденское владение – провинция ордена – именовалось «бальяжем» или «баллеем» (по-немецки: Bailey), а стоявший во главе управления этой провинцией старший по званию рыцарь ордена носил титул «земский (земельный) комтур» (ландкомтур). Для сравнения – у иоаннитов эта должность именовалась «бальи (байли, бейлиф)». В своей «Хронике Земли Прусской» упоминавшийся нами выше летописец «мариан» брат Петр из Дусбурга перечисляет семерых земских комтуров (прецепторов) орденских провинций Ливонии, Пруссии, Тевтонии (Германии), Австрии, Апулии (Италии), Романии (Греции) и Армении (Киликии и Кипра), именуя их «семью столпами Дома Пресвятой Марии Тевтонской». Как уже упоминалось выше, мелкие раздробленные владения Тевтонского ордена, вкрапленные в территории соседних государств, и составные части бальяжей назывались «комтуриями», а их начальники – «комтурами».

Начальники отдельных комменд именовались «коммендаторами» или «комментурами», являясь, по сути дела, «комендантами» орденских замков («орденсбурггов»). Как уже упоминалось выше, в качестве совещательного органа при каждом «коммендаторе» имелся «конвент», то есть совет, состоявший из всех входивших в гарнизон данного замка «братьев-рыцарей» Тевтонского ордена.

Каждый ландкомтур ежегодно совещался со своим ландкапитулом (советом вверенной ему орденской провинции). Если орденская территория была настолько крупной, что включала в себя несколько ландкомтуров (земских комтурств), то ее возглавлял упоминавшийся выше «земский магистр» (ландмейстер), управлявший этой крупной орденской провинцией, советуясь с соответствующим капитулом.

Сам Верховный магистр управлял всеми орденскими территориями, совещаясь с созываемым раз в год Великим, или Генеральным, капитулом, о котором уже шла речь выше, при описании выборов Верховного магистра. Наряду с Генеральным капитулом, при Верховном магистре имелся, однако и еще один, не столь многочисленный, но постоянно действующий совещательный орган – совет пяти «(гросс) гебитигеров» (высших должностных лиц ордена Девы Марии, так называемых «Повелителей», или «Великих Повелителей», именуемых в русскоязычной исторической литературе также Великими Советниками или Великими Лицами). В число этих «(гросс) гебитигеров» (а не «гроссбегутеров», как их неправильно именует современный белорусский популяризатор истории и беспардонный плагиатор Анатолий Ефимович Тарас, не постеснявшийся целыми главами, безо всяких ссылок и упоминания подлинного автора, скомуниздить материалы из статей и книг Вольфганга Акунова, вставив их в изданную под собственным именем книжку-компиляцию под названием «Грюнвальд 15 июля 1410 г.») входили:

1) Великий комтур (гросскомтур, лат.: коммендатор магнус, *commendator magnus*) – управитель орденского имущества, интендант и эконом, замещавший Верховного магистра во время болезни или длительного отсутствия последнего,

2) Верховный маршал (часто именовавшийся просто «маршалом», лат.: марескалькус, *marescalcus*) – главный военачальник ордена,

3) Верховный госпитальер (Великий госпиталарий, по-немецки «шпиттлер», *Spittler*, или шпитальмейстер, *Spitalmeister*, т.е. магистр госпиталя или, впоследствии, магистр госпиталей, лат.: госпиталариус, *hospitalarius*) – руководитель больниц (лазаретов), странноприимных домов (госпиталей), богаделен (инфирмерий) и постоянных дворов ордена,

4) Верховный ризничий (Великий интендант, «трапьер», «траппье», «драпьер», *Trappier*, *Drappier*, или, по-нашему, квартирмейстер), отвечавший за приобретение, изготовление и распределение всей одежды и вооружения,

и, наконец,

5) «тресслер» (*Tressler*, скарбник, или Великий казначей, лат.: тезаурариус, *thesaurarius*), отвечавший за сохранность орденской казны («тресселя», *Tressel*) и за все вопросы финансового управления.

Эти «(гросс) гебитигеры» вместе с ландмейстерами составляли Генеральный капитул, а подчиненные ландмейстерам комтуры – их ландкапитулы. Но, конечно, не следует полагать, что все эти перечисленные выше высокопоставленные «братья-рыцари» Тевтонского ордена являлись чем-то вроде «министров» в современном понимании, то есть, что, к примеру, маршал ордена был «военным министром», госпитальер – «министром здравоохранения», ризничий – «министром снабжения и оборонной промышленности», а казначей – «министром финансов». В действительности это было и так, и в то же время не совсем так.

Дело в том, что лишь в первоначальный период существования Тевтонского ордена, пока он действовал в основном в Сирии и в Палестине, названия всех вышеперечисленных должностных лиц действительно соответствовали их роду деятельности. В период пребывания Тевтонского ордена в Святой Земле «гебитигеры» действительно выполняли отраженные в их званиях функции в системе управления главным орденским замком. Но в эпоху выполнения орденом Девы Марии его крестоносной миссии в Пруссии ситуация в корне изменилась.

Так, например, должности госпитальера-«шпиттлера» и ризничего-«драпьера» со временем выродились в чисто почетные титулы.

Как правило, титул госпитальера Тевтонского ордена получал комтур города-крепости Эльбинг (польск.: Эльблонг), а ризничего – комтур Христбурга (Христбурга).

Маршал всегда был одновременно комтуром Кенигсберга. И в этом наличествовала определенная логика, был определенный практический смысл. Ибо именно кенигсбергский комтур обычно отвечал за координацию боевых действий против литовских язычников, как наиболее серьезного противника. Будучи одновременно маршалом ордена, ему было проще выполнять задачи военного руководства. Великий комтур, как уже говорилось, являлся заместителем Верховного магистра. И только «тресслер» был единственным из «гебитигеров», у которого практическая деятельность соответствовала названию должности – он управлял важнейшими кассами орденского государства.

Все эти названия и титулы сохранились по сей день в тысячах старинных документов, надписях на памятниках и надгробных плитах, и свидетельствуют о широком распространении владений Тевтонского ордена. Бурный рост орденских владений побудил Верховного магистра, постоянно объезжавшего с инспекцией («визитацией») орденские земли и следившего за поддержанием повсюду надлежащего порядка, назначить себе в наиболее крупных орденских провинциях, например, в Ливонии или Германии, не простых ландкомтуров, а своих постоянных заместителей в ранге наместников – так называемых «ландмейстеров» (или «геермейстеров» – «войсковых магистров», нем.: *Heermeister*, лат.: *magister militum*).

Именно над примерно полутысячным войском одного из этих наместников – ливонского ландмейстера (*magister Livoniae*) Дитриха фон Грюнингена (Грёнингена) – правда, в его отсутствие, святой благоверный князь Александр Невский и одержал свою описанную нами выше знаменитую победу на (или при) Чудском озере зимой 1242 г.

Повторим, что никакого отдельного «Ливонского ордена», самостоятельного и отдельного от Тевтонского, ни в то время, ни позднее, короче – никогда не существовало, в отличие от упоминаемых в русских летописях «ливонских рыцарей», то есть рыцарей Тевтонского ордена в Прибалтике. Укоренившееся в наших умах представление о существовании «Ливон-

ского ордена», хотя и широко распространено у нас в России, да и не только в России, но совершенно ошибочно и не исторично.

Наместник Верховного магистра в Германии (Тевтонии) именовался «Тейчмейстер» (старонем.: *Teutschmeister*), «Дейчмейстер», или «Дойчмайстер» (*Deutschmeister*, то есть «Немецкий магистр», «Германский магистр», или «Магистр Германии»).

Подчиненный Магистру Германии конгломерат разбросанных по территории «Священной Римской империи германской нации» орденских владений – баллеев и комменд (комтурств, комтурий) – со временем стал обобщенно обозначаться собирательным термином «Дейчмейстертум» (*Deutschmeistertum*), т.е. «Магистрат Германии» или «Германский (Немецкий) Магистрат».

Следует заметить, что не все баллеи Тевтонского ордена, расположенные на территории Германии, подчинялись Дейчмейстеру. Так, Австрийский, Богемский (Чешский), Кобленцский и Эльзасский баллеи Тевтонского ордена (хотя и были расположены на территории «Священной Римской империи») подчинялись не Дейчмейстеру, а непосредственно Верховному Магистру ордена Девы Марии.

При папском престоле (римской курии) постоянно пребывал посол, или посланник, Тевтонского ордена, именовавшийся «Генеральным прокуратором».

Орденский замок (нем.: «орденсбург», *Ordensburg*), в котором размещалась резиденция комтура, именовался «орденским домом» (нем.: «орденсгауз», *Ordenshaus*) или «домом конвента» (нем.: «конвентсгауз», *Konventshaus*), поскольку в нем размещался упоминавшийся выше «конвент» (совет) «братьев-рыцарей» (в идеале состоявший из двенадцати человек, чтобы соответствовать числу апостолов Христовых). Комендантом «конвентсгауза» был сам комтур.

Прочие орденские замки (а их во владениях Тевтонского ордена были сотни – строились на расстоянии сорока миль друг от друга, чтобы орденский воинский контингент или отряд крестоносцев-«гостей» ордена, выступивший в поход, ни одну ночь не оставался под открытым небом) возглавлялись комендантами, именовавшимися «кастелланами» (каштелянами).

Со временем, когда, после завершения христианизации Пруссии и Ливонии, экономические аспекты (в первую очередь – торговля янтарем и хлебом) стали играть все более важную роль в жизни ордена Девы Марии, в его структуре появились соответствующие должности: «шефферы» (*Schaeffer*), руководившие торговыми операциями орденских комменд и подчинявшиеся «Великим шефферам» («Гроссшефферам», *Grossschaeffer*). Таких «Великих шефферов» было два – один в Кенигсберге, другой – в Мариенбурге.

О размахе торговли Тевтонского ордена, скажем, пушниной, говорит хотя бы следующий факт. В 1399-1402 гг. – на пике своего экономического развития – орден Девы Марии вывез только из Новгорода (с которым активно торговали и сами «орденские братья», и расположенные в орденских владениях ганзейские города) более трехсот тысяч беличьих шкурок. В иные годы тевтонский экспорт из Новгородской земли доходил до пятисот тысяч шкурок белки, десятков тысяч шкурок ласки, нескольких тысяч горностаевых и соболиных шкурок, от ста до ста пятидесяти тонн пчелиного воска, необходимого для производства восковых свечей (только в город Ревель – нынешний Таллинн – в 1368 г. было завезено из Новгорода восемнадцать тонн воска) и т.д. Впрочем, довольно об этом...

24. Новые Маккавеи

К середине XIII в. орден рыцарей черного креста Девы Марии достиг своего максимального территориального расширения. В хрониках тех лет упоминаются ландкомтуры Ливонии, Пруссии, Германии (Тевтонии), Австрии, Апулии (Южной Италии), Сицилии, Испании, Романии (Латинской Империи – эфемерного государства, основанного крестоносцами в Греции после взятия «латинянами» Константинополя в 1204 г.) и Армении (Сирии, Киликии и Кипра), в то время как Палестина находилась под управлением самого Верховного магистра.

Правивший на юге «Романии» (захваченных западными крестоносцами бывших земель православной Восточной Римской, или Византийской империи) князь Ахайи Готфрид (Годфруа) мог удерживать под своей властью покоренных «латинянами» греков только при помощи западных рыцарей. Он дал часть своих земель в лен тамплиерам, иоаннитам и «братьям Немецкого Дома».

Так Тевтонский орден в 1209 г. обосновался в Каламате на крайнем Юге полуострова Пелопоннес, затем в соседней Метоне (Модоне). Впоследствии «тевтонские» комменды были основаны в Мостенице, Виллафоре и Андравиде, где «кавалеры Пресвятой Девы Марии» возвели неприступную цитадель. В Виллафоре «тевтоны» постоянно содержали семерых капелланов, а в Андравиде – большой странноприимный дом (госпиталь, шпиталь, Spital) с двумя филиалами.

Госпитали (со временем взявшие на себя также функции лазаретов, т.е. больниц) были предназначены для мирян. Их не следует путать с больницами и богадельнями для членов Тевтонского ордена, именовавшимися «фирмариями» («инфирмериями»).

Крупнейшими крепостями тевтонских рыцарей в киликийской Армении (чей король, или царь, Левон даже вступил в Тевтонский орден в качестве собрата-«конфратера» и освободил «тевтонов» от уплаты всех сборов, налогов и податей), были Амуда и Гаруния.

Задача многочисленных земельных владений Тевтонского ордена, разбросанных по всей Европе, заключалась в том, чтобы за счет излишков, полученных в ходе своей хозяйственной деятельности, обеспечивать выполнение главной задачи ордена, ради которой он, собственно, и был основан – борьбу с неверными, сперва в Сирии и Палестине, а позднее также в Северо-Восточной Европе, в Пруссии и Ливонии. Главным замком Тевтонского ордена в Святой Земле был Монфор (Штаркенберг), расположенный неподалеку от Аккона (и взятый египетскими мамелюками султана-половца Бейбарса после семидневной осады в 1271 г.).

Как это ни парадоксально, но, как уже упоминалось выше, главными противниками «мариан» в Земле Воплощения были не сарацины, а тамплиеры. В последние десятилетия существования Иерусалимского королевства именно храмовники систематически осаждали и штурмовали тевтонские замки и буквально силой вытеснили «марианитов» из Сирии и Палестины. Может быть, это зачлось им в 1307 г. и позднее...

«Мне отмщение, и Аз воздам», говорит Господь.

Наиболее древние комменды «тевтонов» были обязаны своим возникновением и существованием щедрости благочестивых крестоносцев, одаривавших орден денежными пожертвованиями, жаловавших ему земельные угодьям, привилегии, храмы, монастыри и здания под госпитали. Среди доброхотов и благодетелей ордена Приснодевы Марии Тевтонской насчитывалось немало римских пап, римско-германских императоров, епископов, светских владык, мелких дворян и состоятельных горожан.

На протяжении первых пятидесяти лет истории ордена Девы Марии большую роль в его динамичном развитии играли Верховные магистры. Один из них, упоминавшийся выше брат Герман фон Зальца (годы правления 1209-1239), принадлежал к числу ведущих дипломатов

тогдашней Западной Европы, сыгравший ключевую роль в примирении между римско-германским императором Фридрихом II Гогенштауфеном и папой римским Григорием IX.

Будучи единственным посредником между императором и папой, тевтонский магистр поддерживал с обоими контрагентами самые тесные дружеские отношения. Наглядным свидетельством тому являлись многочисленные дарения и привилегии, полученные при нем Тевтонским орденом как от императора, так и от папы. Именно при Гохмейстере Германе фон Зальца Тевтонский орден окончательно сравнялся по авторитету и влиянию с орденами тамплиеров и иоаннитов. Его деятельность одинаково высоко оценивалась и современниками, и потомками.

В «Хронике земли Прусской» брата Петра из Дусбурга о нем говорится: «Брат Герман фон Зальца, IV магистр... был красноречивый, приветливый, мудрый, прозорливый и прославленный во всех делах своих. Когда после избрания своего он увидел... непрочное состояние ордена, то поклялся в присутствии нескольких братьев, что глаз отдаст, только бы его орден со временем вырос настолько, чтобы смог иметь, по крайней мере, *Десять* (курсив наш – В.А.) братьев-рыцарей. Но что содеял в этом случае Ты, о Всеблагий Иисусе... Ты дал ему больше того, что желало сердце его».

Ландграф Тюрингии Конрад (Верховный магистр «тевтонов» с 1239 по 1240 г.), даровавший ордену Пресвятой Девы Марии госпиталь в Марбурге, был избран германскими государями посредником в мирных переговорах между папой римским и немецкими князьями церкви. Генрих фон Гогенлоэ (Верховный магистр с 1244 по 1249 г.) получил для Тевтонского ордена в дар богатое владение Мергентгейм, центр орденских владений в Германии. Всего за несколько десятилетий Немецкий орден превратился в одно из важнейших действующих лиц большой европейской политики, имел повсюду в Европе образцовые для того времени хозяйства и госпитали, оказывал всемерную поддержку армиям крестоносцев. В Святой Земле «тевтоны» отвоевали у мусульман область вокруг Аккона.

Тевтонский орден реконструировал замок Монфор-Штаркенберг, превратив его в мощнейшую крепость (взятую, как уже упоминалось нами, только в 1271 г. войсками мамелюкского султана Египта Бейбарса после недельной осады). Как мы уже знаем, именно в окружении тевтонских рыцарей римско-германский император Фридрих II Гогенштауфен торжественно въехал в 1229 г. в освобожденный – почти без единого взмаха меча, путем искусной дипломатии! – Святой град Иерусалим (за что был отлучен папой римским от церкви, ибо действовал по собственной инициативе!). Император Фридрих подарил Тевтонскому ордену расположенный в Иерусалиме древний Немецкий госпиталь, который, впрочем, пришлось покинуть уже в 1244 г., после повторного завоевания Иерусалима мусульманами.

В 1211 г. Тевтонский орден, как уже упоминалось выше, получил от венгерского короля Андраша (Андрея, Эндре) II в управление часть Седмиградья (Трансильвании). В первой четверти XIII века орден возвел там целую цепь оборонительных сооружений и замков против набегов куманских (половецких, или кипчакских) орд. Это было важно не только для обороны венгерской территории как таковой, но и для защиты разноплеменных армий крестоносцев, шедших сухим путем в Святую Землю через Венгрию). Однако вскоре у ордена Девы Марии возникли разногласия с венгерским королем (связанные с нарушением «тевтонами» королевского запрета на строительство в его владениях каменных городов и замков). Король Эндре снова взял управление Трансильванией в собственные руки и вынудил тевтонских рыцарей передать ему все крепости и замки.

25. Терра Мариана

1226 г. от Р.Х. ознаменовал собой начало одного из важнейших периодов в истории Тевтонского ордена. Правивший на севере Польши (фактически утратившей государственное единство и распавшейся, к описываемому времени, на ряд отдельных, ожесточенно враждующих между собою княжеств) князь (именовавшийся немцами «герцогом») Конрад I Мазовецкий (являвшийся, между прочим, подданным римско-германского императора Фридриха II Гогенштауфена, о чем многие историки почему-то забывают), буквально изнемогавший в борьбе с язычниками-пруссцами (успешно преодолевавшими воздвигнутые поляками в качестве защиты от их вторжений земляные валы), потерпев неудачу в нескольких организованных им против них Крестовых походах, обратился за помощью против пруссов (а заодно и против близких сородичей пруссов – литовцев, также коснеющих в язычестве и опустошавших земли своих соседей огнем и мечом) к Тевтонскому ордену.

Как уже упоминалось выше, пруссы (прусы, прущи или прутени), это воинственное, находившееся в фазе повышенной «пассионарности» (используя терминологию Льва Гумилева) прибалтийское племя, именовавшееся в древности эстиями (айстиями), родственное литовцам, но смешанное с готами и норманнами, на протяжении нескольких десятилетий вели успешные войны против Польши, Померании и Мазовии, каждый год разрушая там церкви и монастыри, сжигая села, города и угоняя в плен множество мирных жителей. В 1217 г., после неудачи очередного Крестового похода, организованного поляками по призыву назначенного епископом Пруссии Христиана, монаха ордена цистерцианцев (под чьим патронажем в свое время был учрежден орден тамплиеров), прусские язычники в очередной раз огнем и мечом прошли всю Померию и Северную Польшу.

От заключительного этапа истории пруссов (XII— XIV вв.) сохранилось немало погребений, позволяющих судить об уровне культуры – в том числе военной – прусских язычников эпохи их борьбы с Тевтонским орденом).

Особенно богатые находки были сделаны немецкими археологами, раскопавшими в конце XIX в. прусское погребение близ Штангенвальде (на Куршской косе). Прусы хоронили своих покойников (во всяком случае, представителей родоплеменной знати) в деревянных гробах, облаченных в нарядные одежды с дорогими украшениями (в числе которых было и немало монет Тевтонского ордена). Мужчин погребали непременно с оружием – мечами, боевыми топорами и т.д. Не менее богатое прусское погребение было раскопано близ Гердауэна. Сделанные там археологические находки полностью подтверждают сообщение Ливонской Рифмованной хроники о погребении прусских воинов, павших в бою с тевтонскими рыцарями в 1257 г., согласно которому прусские ратники были превосходно вооружены:

Spere, schilde, brunes, pfert,
Helme, keyen unde swert,
Brante man durch ihr willen;
Damit solden sie stilen
Den tuefel in jener worlde dort.

Или, в переводе со старонемецкого на русский:

Копья, щиты, брони¹ лошадей,
Шлемы, палицы и мечи

¹ Кольчуги или панцири – В.А.

Сожгли там по их воле;
Этим они должны были утешить²
Дьявола в мире ином.

В данном случае речь шла о другом принятом у прусских язычников способе погребения – путем кремации, то есть сожжения. Примечательно, что среди перечисляемого вооружения прусских «дикарей» упоминаются кольчуги, панцири, шлемы и даже такое дорогое оружие, как мечи. В погребениях находили многочисленные конские скелеты с удилами, стременами и сбруей, отделанной металлом (чаще всего – железом). Оружие (мечи, секиры, копья и т.д.), а также конская сбруя, стремяна и шпоры пруссов часто инкрустировались серебром. Среди находок, сделанных в прусских погребениях, были особенно распространены подковообразные заколки-фибулы, а также бронзовые чаши, на которых были вырезаны фигуры ангелов и различные орнаменты (изделия христианских стран поздне-романской эпохи).

Итак, «дикие» пруссы были хорошо вооруженными, опытными противниками, способными успешно противостоять тевтонским рыцарям не только на суше, но и на воде. У них имелись достаточно большие боевые корабли. Так, например, при осаде пруссами орденского замка Кенигсберг «тевтоны» потопили несколько из пяти прусских кораблей, пустив при этом на дно пятьдесят прусских воинов.

Ведя боевые действия на суше, пруссы предпочитали тактику малой (партизанской) войны, часто используя засады, неожиданные нападения, стремительные набеги и т.д., однако не раз сходились с «тевтонами» и в больших полевых сражениях. Они нередко побеждали воинов Христовых, но, как правило, им не удавалось воспользоваться плодами одержанных побед. Обычно они довольствовались тем, что могли вернуться домой с добычей.

Простые пруссы обитали в деревянных избах, крытых камышом или соломой. Домашняя утварь ограничивалась самыми необходимыми предметами.

Их одежда, изготовленная чаще всего из шерстяных тканей, отличалась простым покроем и, судя по сохранившимся описаниям и изображениям, напоминала литовский народный костюм. В пище пруссы также были неприхотливы. В то же время они очень любили пиры с обильными возлияниями и обычно напивались допьяна. Те, кто был победнее, угощались на пирах хмельными медами, а те, кто побогаче, предпочитали алкогольный напиток покрепче, изготовленный из перебродившего кобыльего молока (короче говоря – кумыс), совсем как турки и монголы. Подобно латышам, литовцам, русским и финноугорским народам, пруссы очень любили париться в бане.

Ремесла у пруссов имелись, но находились в зачаточном состоянии. Они изготавливали для себя сами только самые необходимые предметы, а более художественные изделия приобретали путем обмена от соседей, находившихся на более высоком уровне развития. Так, они могли сами перерабатывать лен и шерсть в ткани, но предпочитали обменивать добытые на охоте меха на готовую шерстяную одежду, и в том числе на столь любимые ими ткани с вплетенными в них мелкими бронзовыми колечками.

Сказанное естественно не относится к прусским военным вождям-кунингасам, их приближенным и дружинникам, жившим войной и грабежом и постоянно привозившим из своих набегов на менее воинственных и более слабых соседей богатую добычу.

Письменности пруссы не знали, поэтому изумлению их не было предела, когда христианские миссионеры показывали им, как при помощи букв можно передавать слова и мысли отсутствующих людей.

В эпоху, когда христианские народы, как чем-то само собой разумеющимся, пользовались так называемым «береговым правом» (о котором у нас еще пойдет речь далее), пруссы

² Или насытить

оказывали помощь морякам и купцам, потерпевшим кораблекрушение или преследуемым морскими разбойниками. Как писал в 1075 г. Адам Бременский: «Можно было бы сказать немало похвального об обычаях пруссов, если бы только они исповедовали христианскую веру». И действительно, религия пруссов была связана с жестокими, варварскими обычаями, включая сожжение пленников живьем на кострах (этим же, кстати, грешили и ближайшие родичи пруссов – литовцы – не постеснявшиеся как-то при всем честном народе сжечь на костре самого главу Русской православной церкви – митрополита Герасима). Их представления о браке также свидетельствовали о крайне низком уровне культуры. У пруссов процветало многоженство. Жен покупали и считали собственностью мужей, которые использовали их для домашних работ и любых других целей. По обычаю, якобы завещанному пруссам их первым верховным жрецом (криве-кривейте) Прутенем (Прутено или Брутено), мужьям разрешалось сжигать жен на костре, если они нарушали супружескую верность или заболели, да и по целому ряду других причин. Если муж умирал, жены переходили в собственность его старшего сына. Бывало и так, что отец и сын, по экономическим соображениям, покупали себе одну общую жену на двоих. Учитывая все эти обстоятельства, не представляется удивительным, что отцы (обладавшие неограниченной властью над детьми и всеми членами семьи, включая и рабов), предпочитали убивать своих дочерей, чтобы не обрекать их на столь печальную участь. В одной из своих булл, изданной в 1218 г., (анти) папа Гонорий III упоминает жестокий обычай пруссов оставлять в живых только одну из своих дочерей, ради продолжения рода.

Что касается внешности пруссов, то они описываются как рослые, пропорционально сложенные люди вполне нордического типа – с голубыми глазами, белым цветом кожи и мягкими, светло-русыми или рыжеватыми волосами. Обычно они доживали до глубокой старости, что говорит об их крепком телосложении и хорошей физической форме.

Язык пруссов был очень близок современному литовскому и латышскому (то есть был не славянским, а балтским; польский хронист Ян Длугош вообще считал его «латинским языком, сохранившимся у пруссов» – предполагаемых потомков древнеримских изгнанников – «почти что в неизменном виде»). Этот язык оставался разговорным в Пруссии еще в эпоху Реформации, и первый светский герцог Пруссии, бывший Гохмейстер Альбрехт фон Гогенцоллерн-Ансбах, повелел перевести лютеранский катехизис с немецкого языка на прусский. Однако уже в 1625 г. мало кто пользовался прусским языком.

Религия пруссов заключалась в поклонении силам природы. Как писали орденские хронисты, пруссы «в своих заблуждениях почитают всякое существо как бога: солнце, луну и звезды, птиц, четвероногих зверей и даже жабу». Правда, они поклонялись не животным как таковым, а как символам богов или потому, что те обитали рядом со святилищами.

Несмотря на нашедшие в эпоху Ренессанса распространение представления о том, что главными богами пруссов являлись Перкунас, Потримпас и Пиколлос, документально подтверждено их поклонение, в эпоху завоевания Пруссии Тевтонским орденом, только богу Курхе. В послании вармийского епископа папе римскому упоминаются также такие боги пруссов как Патоллус и Натримпе (Натримпас), наряду с другими «богохульными фантазмами», однако без указания их значения.

Поляки долго вели с пруссами пограничные войны, в которых успех склонялся то на одну, то на другую сторону. Наконец польский князь (а с 1025 г. – король) Болеслав Храбрый (Смелый), вассал римско-германского императора Оттона III, в конце X в. отвоевал у пруссов Хелминскую землю.

Именно при Болеславе отпрыск знатного и состоятельного чешского (богемского) рода Славников епископ Пражский Адальберт (по-чешски: Войтех, по-польски: Войцех) начал проповедовать среди пруссов христианство, что соответствовало интересам Польши (надеявшейся на то, что приняв христианскую веру, пруссы утратят хотя бы часть своей свирепой воинственности).

Адальберт начал свою проповедь среди пруссов словами: «Я – славянин и ваш апостол!». Узнав о цели его прихода, прусские язычники потребовали от него покинуть их страну. Тем не менее, миссионер проповедовал среди пруссов в течение пяти дней, после чего был убит.

Таким образом, содержащееся в известном всему свету сатирическом романе Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка во время мировой войны» утверждение, будто «разбойник (? – В.А.) Войтех, прозванный святым, истреблял (? – В.А.) прибалтийских славян (? – В.А.) с мечом в одной руке (? – В.А.) и крестом – в другой» является абсолютно неверных – как с фактологической (Адальберт-Войтех не был разбойником, мечом не пользовался и никого не истреблял), так и с этнографической (прусссы были хотя и прибалтами, но не славянами) точки зрения. Но это так, к слову...

Несмотря на мученическую смерть Адальберта, Болеслав Храбрый не отказался от мысли обратить пруссов в христианскую веру. По его просьбе миссию Адальберта продолжил немец Врун (Бруно или Брунон), отпрыск рода графов Кверфуртских (родственников императора Оттона III). Однако в скором времени миссионер и шестнадцать сопровождавших его «латинских» монахов были обезглавлены прусскими язычниками в Восточной Пруссии.

Только в Мазовии пруссы, в ходе набегов, сожгли двести пятьдесят церквей и тысячу деревень, убили около двадцати тысяч и угнали в полон пять тысяч жителей. Даже с учетом характерной для средневековых нарративов склонности к гиперболизации, не может быть сомнения в разорительности прусских набегов на польские земли. Раздробленное и слабое польское государство в целом, а уж тем более Конрад Мазовецкий, были совершенно не способны сопротивляться воинственным пруссам. Князь Конрад обещал вознаградить Тевтонский орден за военную помощь Кульмской (Хелминской) землей и всей территорией Пруссии (которую, правда, еще предстояло завоевать).

Гохмейстер «тевтонов» брат Герман фон Зальца долго вел переговоры и торговался с Конрадом Мазовецким, согласившимся, наконец, по Леслаускому договору 1230 г., передать ордену Девы Марии всю Хелминскую землю (нем.: «Кульмерланд») от Древенца до нижней Вислы. В Леслауском договоре не было оговорено главенство Польши над Тевтонским орденом на дарованных ему землях. Император Фридрих II Гогенштауфен и папа римский воспользовались этим, объявив эти владения ордена Святой Девы Марии собственностью римско-католической Церкви.

Папа римский санкционировал эту миссию, а римско-германский император Фридрих II Гогенштауфен выданной в итальянском г. Римини специальной грамотой-буллой (так называемой «Золотой буллой Римини») даровал Верховному магистру «тевтонов» в Пруссии (которую, повторимся, еще предстояло завоевать) все права суверенного государя.

Таким образом, Тевтонский орден на своих прусских землях не являлся ленником, то есть вассалом, ни Конрада Мазовецкого, германского («римского») императора, получив полную автономию и избавившись от верховного владычества над собой «Священной Римской империи германской нации».

В результате многолетней войны собравшимся со всей Европы крестоносцам под предводительством Тевтонского ордена удалось, наконец, покорить Пруссию. Победы «тевтонам» обеспечивал именно постоянный приток крестоносцев со всей Европы. Особенно важную роль играли английские крестоносцы. В честь них основанный в 1230 г. «тевтонами» очередной замок был назван Георгсбургом («Замком святого Георгия» – небесного покровителя и заступника «веселой Англии»). При этом вовсе не произошло поголовного истребления прусского населения и замены его немецкими колонистами, как ошибочно полагают (а может быть – не столько полагают, сколько утверждают!) многие у нас и за рубежом (начиная с тов. Карла Маркса: «Рыцари...неистовствуют...» и т.д.).

Тевтонский орден совершенно не стремился к поголовному истреблению не только пруссов, но и других прибалтийских племен (и тем более – славян). В его задачу входило обращение

язычников в Христианскую веру, и это являлось как бы единственным оправданием всех его завоеваний. Большинство пруссов, приняв (пусть и не всегда и не совсем добровольно) Святое Крещение и продолжало жить на старом месте, хотя и под новыми, христианскими, именами, в качестве арендаторов орденских земель или горожан, составляя вспомогательные дружины ордена Святой Девы

Марии в военное время – подобно «чуди» (эстам-эстонцам) в орденской Ливонии. Эти прусские слуги Тевтонского ордена (проживавшие частично в орденских замках, частично – в предоставленных им орденем на правах военного бенефиция (поместья) имениях, расположенных в сельской местности, именовались «витингами», «вейтингами» или «вайтингами».

Прусские простолюдины, добывавшие себе хлеб насущный в качестве сельскохозяйственных рабочих и арендовавшие небольшие участки земли у «витингов», именовались «гертерами». Представители этой категории прусских подданных Тевтонского ордена в случае войны сопровождали своих помещиков-«витингов» в качестве пеших воинов, вооруженных достаточно просто (обычно – боевым топором и ножом) и имевших из защитного вооружения, в лучшем случае, щит и шлем (железный колпак).

Многие прусские военные вожди, отчаявшись в победе над «марианитами», но не желавшие им покориться, сжигали себя заживо либо бежали со своими дружинами в соседнюю Литву или в Новгород, где даже возникла целая «Прусская улица».

К 1253 г. восстание пруссов было подавлено «марианами» и пришедшими им на помощь крестоносцами. Не располагая осадной техникой, повстанцы оказались не в состоянии овладеть орденскими замками и вытеснить «тевтонов» из Пруссии, лишив их опорных баз.

В 1254 г. в Пруссию прибыло многочисленное крестоносное ополчение под командованием богемского короля Оттокара II Пшемысла, маркграфа Оттона Бранденбургского и графа Рудольфа Габсбургского (которому, по велению судьбы, было суждено впоследствии разгромить и убить Оттокара в борьбе за престол «Священной Римской империи»).

Крестоносцы замирили прусские племена севернее р. Прегеля (Преголи) и заложили на высоком холме («горе») близ реки крепость Кенигсберг, назвав ее «Королевской горой» в честь короля Оттокара.

В 1260 г. пруссы снова восстали и осадили Кенигсберг.

В январе 1292 г. на помощь осажденным пруссами в Кенигсберге «тевтонам» из Германии по морю прибыл отряд европейских рыцарей-крестоносцев, разбитых пруссами и вынужденных возвратиться.

13 июля 1263 г. пруссы разгромили отряд «тевтонов» и их союзников в битве при Лебау (Любаве). Сорок рыцарей полегло на поле боя.

В 1265 г. крупный отряд европейских крестоносцев под командованием герцога Брауншвейгского и ландграфа Тюрингского снял, наконец, осаду с Кенигсберга и способствовал переходу «мариан» в наступление.

К 1283 г. все уцелевшие к тому времени прусские вожди присягнули на верность Тевтонскому ордену Святой Девы Марии. Этот год считается годом окончательного замирения Пруссии. Первоначально «тевтоны» оставляли простым пруссам их свободу, а знатным – их привилегии (если пруссы принимали Крещение). У отказавшихся креститься конфисковали имущество, а самих изгоняли. Во время и после восстаний пруссы были поставлены вне закона. Многих из них убивали, а тех, кто остался в живых, обращали в рабов – «дреллов» (нем.: Drellen) или расселяли по другим землям. Кроме того, орден Приснодевы Марии постоянно мобилизовал прусских мужчин в свое войско на время походов.

В то же время, очень многие вожди местных племен принимали Христианство совершенно добровольно и активно участвовали в военных походах Тевтонского ордена. Орден Девы Марии весьма ценил их за верную службу и старался по достоинству вознаградить. Как правило, в качестве награды отличившимся неопитам предоставлялись земельные наделы, осво-

бождение от податей и т.д. Поэтому с течением времени даже те из пруссов, куршей, ливов, леттов, латгалов, земгалов (семигалов) и эстов, кто поначалу оказывал ордену активное сопротивление, постепенно смирились с положением вещей и начинали ему служить. Немалую часть орденского войска составляли воины-прибалты, принявшие Христианство или склоняющиеся к его принятию.

В орденских хрониках историков Петра из Дусбурга, Иоганна (Иоганнеса, Иоанна) из Посильге (Посилие), кенигсбергского капеллана Николая (Николауса) из Брошина и др. зафиксированы имена многих крещеных пруссов, верно служивших делу ордена и своей кровью, пролитой на поле брани, засвидетельствовавших свою верность Христу и Верховному магистру – Глаппо, Стовмел, Конрад-Дьявол, Мартин из Голина и многие другие прусские «витинги».

Правда, некоторые из окрещенных прусских «витингов» – например, известный своим участием в «Великом восстании пруссов» 1260 г. Генрих Монте (Геркус Мантас) изменяли ордену, но такие были скорее исключением из правила. Как правило, «тевтоны» расправлялись с изменниками не менее беспощадно, чем, скажем, Святой Благоверный князь Александр Невский. Генриха Монте, например, поймав его в лесу (возможно, почитавшемся жрецами прусских язычников священным), в котором он укрывался, привязали к дереву, сорвав с него рубаху, и пригвоздили мечом к древесному стволу. Был казнен и изменивший ордену вождь пруссов Гланде. Другой Гланде (вероятно, родственник казненного предводителя мятежников) бежал из Пруссии в Новгород. Возможно, именно он был тем самым знатным пруссом Гландой Камбиллой, который, приняв Христианскую веру в ее православном варианте, под именем Андрея Кобылы, стал на Руси прародителем рода Романовых, взошедших в 1613 г. на царский престол.

В походах орденского войска «витинги» выступали под собственной хоругвью (баннером, или знаменем).

Прусские подданные ордена Девы Марии вели со своим «коллективным сюзереном» переговоры через особого представителя их интересов – «ландкеммерера» (Landkaemmerer), которому помогали подчиненные ему «пакморы» (Pakmore). Аналогичных представителей, именовавшихся «флодерами» или «влодерами» (Vloder) имело и вассальное по отношению к Тевтонскому ордену поморское (померанское) дворянство.

Аналогичные процессы происходили и в Ливонии, где «Воинству Христову» («братьям-рыцарям Христовым») – ордену меченосцев – оказывали активную поддержку, например, окрестившийся вождь (король) угрофинского племени ливов (по которому завоеванная крестоносцами-«латинянами» земля, собственно, и была названа Ливонией, хотя ливы (именуемые древнерусскими летописцами «ливь») отнюдь не являлись ее единственным туземным населением) Каупо и его сын, погибшие в бою с язычниками-эстами. От Каупо и его сына произошел известный прибалтийский род фон Ливен, многие представители которого сыграли выдающуюся роль в российской истории. Но это так, к слову.

На военную службу крещеные союзники «тевтонов» (именовавшиеся, как мы уже знаем, в русских летописях «чудью») являлись в своем исконном вооружении. Конные прусские воины-«витинги», или «великие (большие) свободные» (по «тевтонской» орденской терминологии) – в сфероконических шлемах с кольчужной бармицей, кольчугах или пластинчатых (ламеллярных) панцирях (по-немецки: «платтенгарниш», Plattenharnisch; поэтому военная служба прусской знати Тевтонскому ордену именовалась «платтендинст», Plattendienst), с большими круглыми или каплевидными щитами, копьями, мечами или длинными боевыми тесаками («дуссаками» или «дуссегами», о которых еще пойдет речь далее). Пешие («малые свободные») ратники – тоже в шлемах с бармицами, кольчужных рубахах, с круглыми щитами, копьями, сулицами (дротиками) и боевыми ножами (мечи стоили дорого и были далеко не всякому по карману). Необходимо заметить, что вспомогательные контингенты орденских войск

оказали немалое влияние на тактику боевых действий и даже на состав вооружения «тевтонов» в Прибалтике.

Многие элементы прибалтийского вооружения – например, дротики-сулицы, или легкие круглые прусские щиты, равно как и литовские щиты-тарчи с вертикальным рельефным выступом посредине (так называемые «пруссские павезы»), со временем заняли полноправное место в комплексе военного оснащения воинов Тевтонского ордена Пресвятой Девы Марии в Пруссии и Прибалтике, придав ему неповторимый облик.

Так, в сражении при Танненберге (Грюнвальде) 15 июля 1410 г., если не решившем окончательно, то во многом предопределившем исход противоборства рыцарей Пресвятой Девы Марии с поляками и Литвой и судьбу Тевтонского ордена в Пруссии, даже многие рыцари отборного отряда орденского войска, атаковавшего польского короля Владислава, были, в отличие от противостоявших им поляков, вооружены не длинными тяжелыми копьями, а именно сулицами (вследствие чего поляки из состава атакованной «тевтонами» Великой Королевской хоругови поначалу даже приняли их за литовцев).

Когда папа римский Григорий IX объявил очередной Крестовый поход против язычников в Пруссии, «тевтоны», собрав все наличные силы, прошли всю территорию от Немана до Вислы. В ходе Крестового похода Польша лишилась Добжинской (Добринской) земли и Поморья (Померании), Куявия же сделалась территорией постоянных набегов и войн. К 1237 г. орден Святой Девы Марии завладел восточным побережьем Балтийского моря и устьями рек Вислы, Дины и Немана.

На завоеванной многонациональными армиями крестоносцев во главе с «тевтонами» территории и сложилось упоминавшееся нами выше самостоятельное тевтонское орденское государство, просуществовавшее до начала XVI столетия.

При этом еще раз следует подчеркнуть, что «братья» Тевтонского ордена составляли только отборные части и гарнизоны возводившихся на покоренных землях замков. Все крупные сражения были выиграны крестоносцами, съезжавшимися на помощь «тевтонам» сначала из Польши и Северной Германии, а впоследствии – со всей германской метрополии, из современных Бельгии и Голландии, Франции и Англии.

И не случайно английский «рыцарь без страха и упрека» Найджел Лоринг, владелец герба с альми розами и главный герой исторических романов «Сэр Найджел» и «Белый отряд» любимого писателя нашего детства сэра Артура Конан Дойля, также участвовал в Крестовом походе в Землю Пресвятой Девы Марии:

«Во всех христианских землях снова царил мир, человечество пресытилось войнами, и удовлетворить свое страстное желание (совершить третий подвиг, который разрешил бы его от обета – В.А.) Найджел мог только в далекой Пруссии, где тевтонские рыцари вели нескончаемые сраженья с литовскими язычниками. Но чтобы отправиться в Крестовый поход на север, человеку мало было обзавестись деньгами и завоевать славу доблестного рыцаря, и прошло еще десять лет, прежде чем со стен Мариенбурга Найджел взглянул на воды Фришгафа (по-польски: Вислинского залива – В.А.), а потом выдержал пытку раскаленной плитой, когда отправлялся к священной скале Вотана (вероятно, все-таки не древнегерманского Вотана, а литовских богов Перкунса или Потримпаса – В.А.) в Мемеле...» (Артур Конан Дойл. «Сэр Найджел»).

Английский рыцарь Ричард Йоркский, пришедший на помощь ордену Святой Девы Марии, со славой пал в битве с польско-литовским воинством при Танненберге, и даже враги дивились проявленной им доблести.

Как уже говорилось, в знак уважения к английским рыцарям-добровольцам, оказавшим Тевтонскому ордену неоценимую военную помощь, один из орденских замков был назван Георгсбургом (Георгенбургом) в честь святого Великомученика и Победоносца Георгия – покровителя не только всего христианского воинства и, в частности, рыцарства, но и Англии.

В последующие десятилетия в среде европейского дворянства вошло в обычай получать посвящение в рыцари в Пруссии, в ходе своеобразных, полных опасностей «сафари» против тамошних язычников. В 1253 г. упоминавшийся выше литовский князь-язычник Миндовг (Мендог, Миндове), продолжавший вести ожесточенную борьбу за власть с другими литовскими князьями, решил привлечь на свою сторону «тевтонов». При посредстве Тевтонского ордена Миндовг крестился по римско-католическому обряду (хотя в 1248 г. уже был крещен в Православную веру), получил от папы римского Иннокентия IV королевскую корону и назначил орденского священника Христиана католическим епископом всей Литвы. Миндовг позволил ордену Пресвятой Девы Марии основать коммунду в своей резиденции, предоставил «тевтонам» полную свободу христианизации Жмуди (Самогитии, Самагитии или Жемайте, то есть Нижней Литвы), а в 1260 г. завещал «Божьим дворянам» на случай, если останется бездетным, и Верхнюю Литву.

В этом же 1260 г., 13 июля, во время очередного набега литовских язычников на Ливонию, произошла битва при Дурбене (Дурбе), на территории современной Латвии. Выбрав подходящий момент, эстонские союзники ливонских «тевтонов» изменили им и разбежались, а другие союзники «мариан» – куроны (курши, корсь) – перешли на сторону литовцев. В результате «воинство Христово» было разгромлено. Литовцы убили сто пятьдесят шесть рыцарей (как «орденских братьев», так и «гостей» ордена Девы Марии), в том числе ливонского ландмейстера брата Бурхарда фон Гернгаузена (Гернгузена или Горнгузена), тевтонского маршала брата Генриха фон Богеля и герцога Карла, предводителя сводного отряда датских и шведских крестоносцев.

Разгром при Дурбене послужил сигналом для очередного восстания пруссов против орденской власти. При этом пруссы старались не вступать в полевые сражения с главными силами «тевтонов», предпочитая тактику «малой (партизанской) войны». Пруссы совершали неожиданные набеги и осаждали орденские крепости. В ходе осады они нередко возводили против орденских замков собственные, временные деревянные крепости и брали «тевтонские» замки (бурги) измором, блокируя подвоз продовольствия. Пруссам удалось захватить большинство орденских замков, расположенных во внутренних областях страны, вдалеке от морского побережья и судоходных рек. Только Бартенштейн (Бартошице), Бальга и Кенигсберг выдержали многолетнюю осаду.

В январе 1261 г. «тевтоны» в союзе с польскими крестоносцами совершили набег (или, по-польски, наезд) на литовские земли, но были разбиты.

В папском Риме в описываемое время связывали с Тевтонским орденом большие надежды и далеко идущие планы. Ему было поручено ни много, ни мало – отвоевать Русь у татаро-монголов (вопреки инкриминируемой ордену Пресвятой Девы Марии некоторыми современными глубокомысленными виртуозами пера «нерушимой братской дружбе» с этими самыми татаро-монголами!). Впрочем, эти обширные планы были сорваны опустошительным вторжением татаро-монголов в Пруссию в 1259 г., поражением орденского войска в Жемайтии в 1260 г. и вспыхнувшим вслед за тем восстанием» пруссов, осложненным изменой ренегата Миндовга Тевтонскому ордену. Воспользовавшись тем, что основные силы «мариан» были заняты подавлением восстания пруссов, нечестивый Миндовг отрекся от христианства, отказался от дарованного ему папой римским королевского титула и совершил набег на орденскую Пруссию, разгромив в двух сражениях прусских «тевтонов» и опустошив большую часть страны. За вероотступничество и вероломство Бог покарал Миндовга, вскоре павшего от рук мятежного князя Довмонта, бежавшего после убийства повелителя Литвы на Русь, крестившегося там в 1266 г. по греческому (православному) обряду, ставшего псковским князем под именем Тимофея и, подобно Александру Невскому, причисленного к лику святых.

26. Князь Довмонт и «мариане»

Все свое псковское княжение Тимофей-Довмонт провел в походах и битвах – то с литовцами, то с ливонскими «тевтонами». В конце 1267 г. правивший Новгородом князь Переяславский Дмитрий Александрович (сын Александра Невского) и Тимофей-Довмонт возглавили поход огромного войска (тридцать тысяч дружинников и ратников городских ополчений) на земли подвластных ордену эстов. В состав новгородско-псковского войска, имевшего на вооружении стенобитные машины, входили также отряды из Владимира, Переяславля, Смоленска, Суздаля и Твери. Перед началом похода в Новгород прибыли послы из Риги, Феллина и Дерпта, заявившие о своем нейтралитете.

18 февраля 1268 г. на реке Кеголе (Кунде), в семи верстах (тринадцати километрах) восточнее города Раковора (Раквере), расположенного в эстляндских владениях датского короля, произошла знаменитая Раковорская битва (гораздо большая по масштабам, продолжительности и ожесточенности, чем Ледовое побоище 1242 г.). Объединенной русской рати противостояли объединенные силы вассалов датского короля, ополчения крещеных эстов и присоединившихся к ним (несмотря на обещание сохранять нейтралитет) войск дерптского епископа, а также ливонских «тевтонов». Войско ливонских «латинян» было, как обычно, построено «кабаньей головой» («великой свиньей») с рыцарями и тяжеловооруженными конными воинами-«рейзигами» в «челе». Основную часть его составляли пешие «кнехты» (главным образом из числа эстов, крещеных в «латинскую» веру).

И, с крестами на груди,
На тяжелых латах
Два ливонца впереди —
Два быка рогатых.
Два ливонца – первый ряд,
Во втором – четыре,
В третьем – четверо стоят,
С каждым рядом – шире.
По двенадцати в ряду,
А рядам гнет счета.
Меж рядов, не на виду,
Кроется пехота.

(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

Что касается уподобления тевтонских рыцарей «быкам рогатым», то любимая поэтесса нашего детства, несомненно, поддалась гипнозу фильма Сергея Эйзенштейна «Александр Невский», в котором шлемы ливонских «тевтонов» украшены бычьими и буйволиными рогами, орлиными лапами, человеческими ладонями и прочими «клейнодами» (нашлемными украшениями) – а у «магистра» даже королевской короной, увенчанной крестом!. В действительности же рыцарям военно-монашеских орденов строжайше запрещалось носить какие бы то ни было украшения вообще (и в том числе – на шлемах). Кроме того, даже светские рыцари, в отличие от турниров (на которых разрешалось наносить удары в строго определенные турнирным кодексом места), на войне носили шлемы без каких бы то ни было украшений (последние неминуемо разлетелись бы при первом же ударе, нанесенном неприятелем по шлему). Но это так, к слову...

Псковско-новгородское войско было традиционно построено тремя «полками». На левом крыле князь Дмитрий Переяславский поставил сравнительно немногочисленную конную дру-

жину своего союзника князя Михаила Тверского. Полк Правой руки (правый фланг) составляли отборные тяжеловооруженные конные полки – переяславские отряды самого Дмитрия Александровича и псковские войска Тимофея-Довмонта. Своей стойкостью в бою они оказали существенную поддержку центру русского войска – новгородскому Большому полку, на который пришелся главный удар тевтонской «кабаньей головы».

У ливонцев перевес —
«Клин кабаный» страшен.
Он идет наперерез
Пехотинцам нашим.
Вот вгрызается он к нам
В строй «кабаньей пастью»,
Чтоб разрезать пополам
Войско на две части.
И не сладить нипочем
С этой силой дикой:
Рыцарь бьет с коня мечом
И пронзает пикой...

(Наталья Кончаловская. «Наша древняя столица»).

Чтобы помочь изнемогавшим новгородцам, с левого фланга нанесла удар по «тевтонам» конная дружина князя Михаила Тверского. Однако она была перехвачена резервными «тевтонскими» отрядами. В схватку на фланге втягивались все новые отряды «тевтонов». Кровавое сражение длилось свыше четырех часов. И тогда с другого фланга нанесла удар отборная русская тяжелая конница (переяславцы, владимирцы и псковичи Довмонта). К концу дня «тевтоны» и их союзники, не выдержав напряжения схватки, прекратили попытки расколоть своим железным клином новгородский строй и отступили в сторону Раковора. Русские конные дружины преследовали их, пока им не преградила путь новая рать «мариан». Пришлось остановить преследование и строиться для нового боя. Но «тевтоны» напасть не решились. Всю ночь две рати простояли друг против друга. Под утро «тевтоны» ушли. Русские прождали три дня «на костях», залечивая тяжкие раны. Хотя русские одержали тактическую победу (поле боя осталось за ними), в стратегическом плане победили ливонцы, поскольку им удалось сорвать планировавшуюся князьями Дмитрием и Довмонтом осаду Раковора.

Обе стороны понесли тяжелейшие потери. Под Раковором пали новгородский посадник Михаил Федорович, тысяцкий (предводитель городского ополчения) Кондрат, «порочный мастер» (военный инженер – специалист по изготовлению и применению осадных орудий-«пороков») Тогал, новгородские бояре Твердислав Чермный, Микифор Редитин, Твердислав Моисеевич, Михаил Кривцов, Ивач, Борис и Лазарь Ильдетиничи, Ратша (имевший, по некоторым данным, норвежское происхождение предок А.С. Пушкина, писавшего о нем: «Мой предок Рача мышцей бранной / Святому Невскому служил...»), Василий Воиборзов, Осип, Жирослав Дорогомилович, Парамон, Полюд, Радислав Болдыжевич, Данила Мозонич «и иные многие». Новгородцы были настолько ослаблены, что прекратили военные действия. Один только князь Тимофей во главе своей псковской дружины прошел с боями через Эстляндию вплоть до Балтийского побережья. Как говорится в «Повести о князе Довмонте», написанной анонимным псковским автором: «Князь Довмонт прошел горы непроходимые и вируян (жителей эстонской области Вирумьяэ, или, по-немецки, Вирланд – В.А.) пленил до моря, и повоевал Поморье, и возвратился в Псков, наполнив свою землю множеством полона (пленных эстов – В.А.)».

Получив подкрепление за счет прибывших из Западной Европы крестоносцев, ливонские «тевтоны» двинулись на Новгород. Однако хан Золотой Орды прислал на помощь новгородцам

пятьсот татарских конных лучников. Узнав о прибытии в Новгород татарского «ограниченного воинского контингента, ливонские «тевтоны запросили мира и поспешно отступили на свою территорию, «зело бо бояхуся имени татарского». Это – еще раз к вопросу о «сговоре», якобы существовавшем между татарами и «латинскими» крестоносцами вообще, рыцарями римско-католических военно-монашеских орденов – в частности и, в особенности, «тевтонами», только и знавшими, согласно утверждениям иных ревнителей православия» и вообще «патриотически» настроенных отечественных историков, литераторов и журналистов, что «натравливать татар на Русь».

В 1269 г. ливонское войско «тевтонов» совершило очередное вторжение в псковские владения («пришли немцы в силе великой под Псков»). Довмонт сумел отбить приступ, но у него не доставало сил отогнать «тевтонов» от Пскова. Осада города «слугами Божиими» продолжалась десять дней, пока на помощь Пскову не подоспела новгородская рать, шедшая частью в конном строю, частью в речных ладьях-«насадах».

Зимой 1270 г. епископ дерптский Герман фон Буксгевден (родной племянник известного нам своим участием в Ледовом побоище на Чудском озере в 1242 г. епископа дерптского Германа) сообщил своим сподвижникам о выступлении против христиан большого войска литовских язычников под предводительством их Великого князя (Кунигаса) Трейдениуса. (именовавшегося «латинянами» на римский манер «Трейдениусом»). В составе литовского войска были не только язычники, но и православные русские воины, ветераны войн с «тевтонами» и их ливонскими союзниками. Для отражения нашествия были спешно собраны войска епископа Дерптского, приглашены датские «королевские мужи» из северной Эстонии и отряд ливонских «тевтонов» под командованием ландмейстера Отто (на) фон Литтербурга. Литовское войско, опустошив территорию Латвии и пройдя по замерзшему Рижскому заливу, захватило остров Эзель. И снова, как двадцать восемь лет тому назад, две армии сошлись на льду – только на этот раз не озера, а замерзшего морского залива. Завидев неприятеля, литовцы огородились саями, связав их между собой. Ливонцы, как обычно, выстроились тремя отрядами («треффенами»). Первый «треффен» составила отборная конница ливонских «тевтонов», образовавшая центр боевого порядка воинства Христова. Епископ Герман со своими людьми выстроился на левом фланге, а датчане – на правом.

Каким образом осуществлялось взаимодействие между этими тремя частями войска ливонцев, не вполне ясно. Известно лишь, что тевтонские рыцари, находившиеся в центре, изменив своей обычной дисциплине, атаковали раньше своих союзников, а не совместно с ними. Их удар оказался слабее, чем ожидавшийся литовцами за баррикадой из саней совместный удар силами всех трех «треффенов». Прежде чем подоспели датчане, литовцы успели нанести рыцарям большой урон. Они калечили их лошадей, и рыцари, лишённые поддержки, не смогли этому помешать. Литовская конница начала окружать ливонскую пехоту и уцелевших рыцарей. Дело могло закончиться для «мариан» совсем плохо, как на Чудском озере в 1242 г. На помощь уцелевшим «тевтонам» едва подоспели кавалерия епископа Германа и конница датчан. Бой шел до наступления сумерек. В битве пали ливонский ландмейстер Тевтонского ордена брат Отто (н) фон Литтербург и пятьдесят два члена ордена Девы Марии. Сам епископ Герман (надо думать, по примеру многих римско-католических князей Церкви, проломивший своим шестопером немало литовских черепов) был тяжело ранен в схватке.

В ливонской «Рифмованной хронике» Генриха Латвийского о «Ледовом побоище 1270 г.» сказано так:

Это было дикое убийство лошадей и резня с обеих сторон, христиан и язычников.

И кровь людей обеих войск лилась на лед.

Это была жестокая сеча, в которой было отсечено много человеческих голов.

Были убит в сражении лучший (магистр Оттон) и пятьдесят два добрых воина-монаха.

Согласно ливонским источникам, Христово воинство потеряло в этой битве в общей сложности шестьсот, а литовцы – тысячу шестьсот человек. «Поле битвы» (если так можно назвать поверхность замерзшего моря) осталось за крестоносцами, однако их потери были столь велики, что ощущение победы было, мягко говоря, неполным.

Несмотря на то, что литовцам на этот раз пришлось отступить, «Ледовое побоище 1270 г.» помогло им обрести, наконец, то национальное единство, которого так и не добились их ближайшие родственники – прусские племена.

В 1271 г. «латины» (по выражению псковского летописца) захватили несколько псковских сел, но были разбиты войском Довмонта 23 апреля на реке Мироповне недалеко от Пскова. При этом многие были убиты, другие потонули в реке. Часть «тевтонов» переправилась в насадах (или, по-немецки, «нассутах») на остров посреди реки, покрытый густыми зарослями. По приказу Довмонта сухие кустарники и трава были подожжены и сгорели вместе с теми, кто в них укрывался.

Летом 1272 г. новый поход на Псков возглавил сам ливонский ландмейстер Тевтонского ордена. «Тевтоны», выступившие в поход «в силе тяжце», продвигались частью в конном строю, частью – на лодках и кораблях – «совокупи много вой свои... прииде ко Пскову, ови на конех, инии в кораблях и в лодьях, и с пороки, хотя пленити (то есть со стенобитными орудиями, намереваясь овладеть городом – В.А.)». «Божьи риторы» везли с собой осадную технику. Князь Довмонт послал за подмогой в Новгород. Но новгородцы мешкали. Тогда Довмонт, не дожидаясь подхода новгородцев, сам напал на «мариан», разбил их в сражении под стенами Пскова 8 (или 18) июня 1272 г., захватив стенобитные машины и «самого мастера (ландмейстера – В.А.) раниша по лицу» (совсем как князь Александр – предводителя шведов, как бы того ни звали, в Невской битве! – В.А.), и преследовал даже на территории Ливонии.

Осенью того же 1272 г. ливонские «тевтоны» покорили и обложили данью латышское племя земгалов (семигалов, или, по-русски, земиголы).

В 1278 г. ливонские «мариане» предприняли вторжение в литовские земли. 9 марта в битве при Ашерадене (в Курляндии, по-латышски: Курземе), литовцы разгромили «тевтонов». В битве пал семьдесят один «орденский брат», в том числе очередной ландмейстер.

В 1279 г. недавно покоренные «тевтонами» земгалы восстали против власти ордена Девы Марии.

В 1287 г. ливонские «марианиты» предприняли поход против земгалов и 28 марта в битве при Грозе (в Курляндии) были земгалами разбиты. В сече пали тридцать четыре «орденских брата», в том числе ливонский ландмейстер. Тем не менее, в следующем году Земгалия была опустошена «тевтонами» и вновь приведена к покорности.

В ночь на 4 марта 1299 г. ливонские «тевтоны» во главе с ландмейстером, с осадной техникой, скрытно подойдя к Пскову, захватили псковский посад, а затем осадили псковский Кремль (Кром, или, по-новгородски, Детинец). Тимофей-Довмонт не стал отсиживаться за мощными каменными стенами Крома и вместе с псковским тысяцким Иваном Дорогомиловичем совершил удачную вылазку. «Тевтоны» были прижаты псковичами к берегу реки Великой и, понеся в схватке большие потери, были вынуждены искать спасения в бегстве.

Эта победа стала последней в жизни старого князя Довмонта, скончавшегося через несколько месяцев, 20 мая 1299 г. в псковском Троицком соборе. Над гробницей князя был повешен (или положен) его меч, овеянный славой многочисленных побед.

27. О некоторых особенностях войн «мариан» с литовцами

Нетрудно заметить, что прибалтийские языческие племена, постоянно враждовавшие между собой, никак не могли сплотиться против общего врага. Именно эта разобщенность стала основным фактором, который позволил Тевтонскому ордену, совместно с ополчениями европейских крестоносцев, покорять их одно за другим.

Но, достаточно было нескольким литовским племенам объединиться – и «марианам» не помогли ни лучшая дисциплина, ни лучшее вооружение. Литовцы, подобно своим сородичам-пруссам, отличавшиеся наибольшей воинственностью среди всех прибалтийских племен, не только сумели отразить все вторжения крестоносцев, но и сами неоднократно совершали походы в орденские земли (по большей части победоносные). При этом они не ставили себе целью захват чужих земель, совершая набеги ради захвата пленных (обращавшихся ими в рабов) и грабежа. Так, уже в 1203 г. литовцы совершили набег на только что построенный город Ригу, а на русские земли в период с 1200 по 1285 г. было совершено восемнадцать крупных и множество мелких набегов. О том, что основным противником Христова воинства в Прибалтике были именно литовцы, убедительно свидетельствует следующий факт: из семерых ландмейстеров «тевтонов», павших в бою при христианизации Ливонии в период с 1238 по 1296 г., шестеро были убиты литовцами – не говоря уже о последнем магистре ордена меченосцев Фольквине (Волквине, Вольковине или Фолькуине) фон Винтерштеттене, убитом теми же литовцами в битве при Сауле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.